

Отдать швартовы
всегда готовы!

Роман Карцев

Михаил Векслер

Валерий Хаит

Георгий Голубенко

Борис Бурда

БОЛЬШАЯ КНИГА ОДЕССКОГО ЮМОРА

Полное собрание сочинений (ЭКСМО)

Роман Карцев

**Большая книга одесского
юмора (сборник)**

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

Карцев Р.

Большая книга одесского юмора (сборник) / Р. Карцев — «Эксмо», — (Полное собрание сочинений (ЭКСМО))

Не уменьшающаяся с годами популярность произведений Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева, Олеси, продолжающееся блистательное творчество Михаила Жванецкого, вот уже почти 20 лет выходящий в Одессе юмористический журнал «Фонтан» – благоприятствовали появлению в «Столице юмора» новых талантливых авторов, пишущих в веселом жанре. Мы предлагаем вниманию читателей произведения некоторых из них. Какие-то из этих имен вам хорошо знакомы, какие-то нет. Но мы надеемся, что представленные в этой книге рассказы, стихи и миниатюры не только достойно продолжат одесские литературные традиции, но и станут любимым чтением истинных поклонников настоящего одесского юмора...

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

© Карцев Р.
© Эксмо

Содержание

Одесский юмор: новые имена, или Литература продолжается	6
Георгий Голубенко	9
От автора	9
Пожар на Слободке	10
Детство наше золотое	14
Одна зеленая луковица и одно красное яблоко	17
Наметанный глаз	21
Жора с Большой Арнаутской	24
Вторая с половиной Фонтана	27
Сапоги всмятку	30
Пьяный переулок	33
Стоматологический детектив	37
Грация	41
Аркадийская идиллия	45
Звезда Одессы	49
Рецепт долголетия	51
Суд Соломона	54
Репа и Баренбрикер	58
Сердце маклера	60
Шедевр	63
Рыжий русский голубой	67
Лоходром	71
Биндюжник и профессор	74
Искусство жить в искусстве	77
Отъезд коммуниста	80
Свекровь от первого брака	82
Один день Бориса Давидовича	84
Один среди вещей	88
Грехопадение	92
Тот еще фрукт, или Немного о себе	97
Букет для президента	102
Ефим и Голиаф	105
Неудачница	108
Одесский Декамерон	112
Доцент и муза	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Большая книга одесского юмора (сборник)

© Г. Голубенко, наследники, 2016

© М. Векслер, 2016

© Б. Бурда, 2016

© Р. Карцев, 2016

© В. Хайт, составление, общая редакция и предисловие, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

Одесский юмор: новые имена, или Литература продолжается

Когда московское издательство ЭКСМО задумало многотомную «Антологию сатиры и юмора России XX века», то в нее, естественно, был включен и «Одесский юмор». Так случилось, что составителем его оказался ваш покорный слуга. В предисловии к тому я писал: «Отношение к юмору, восприятие его у каждого свое. Тем более если этот юмор «одесский». Одним (как правило, не одесситам) больше нравится его, так сказать, экзотическая часть, то есть жаргон, неправильности речи, утрирование интонации, другим же – афористичность, естественность и соответствие нормам русской грамматики. Я отношу себя к последним. Словом, мое отношение к юмору, в особенности же к одесскому, крайне субъективно. Что, конечно, чревато. Поскольку я понимаю: отбирая нравящиеся тебе тексты, ты как бы навязываешь читателю свой вкус. Так вот, хочу заранее попросить прощения у читателей – как раз это я и собираюсь делать!».

Предлагая читателям «Большую книгу одесского юмора», составленную из произведений одесских авторов конца 20-го и начала 21-го веков, я руководствовался теми же принципами.

При этом я льщу себя надеждой, что высокий литературный уровень одесского юмора все-таки удалось со временем не только сохранить, но и приумножить. И в значительной степени, как мне кажется, все это произошло благодаря появлению в Одессе первого после 70-летнего перерыва юмористического журнала «Фонтан», который вот уже почти 20 лет я имею честь и удовольствие редактировать. Именно он – «Фонтан», как мне представляется, и собрал на своих страницах не только лучших из нынешних одесских (и не только!) юмористических авторов, но и многих из тех литераторов, кто, несмотря на занятия «серьезной» литературой, охотно уделяет внимание и «веселому» жанру.

За годы существования журнала были написаны и увидели свет сотни новых рассказов и стихов, пародий и миниатюр, острот и афоризмов, карикатур и шаржей. Нет никаких сомнений в том, что если бы не «Фонтан», 90 % из написанного, опубликованного в журнале и вышедшего потом отдельными книгами просто бы не существовало.

И как сказал классик жанра наш земляк Михаил Жванецкий, «это место осталось бы пустым».

К слову, вот что написал Михал Михалыч к 15-летию «Фонтана»:

Ребята, фонтанируйте дальше.
Вы проехали Малый, Средний...
Теперь это – Большой Фонтан.
Не в силах конкурировать, я отошел.
Освобождаю проход.
Шутите мало, медленно и редко.
Это запоминается.
Медленная острота легче нащупывает мысль.
Кому я советую?
Зачем перебиваю сам себя?!
Мы все – профессионалы.
Кто выжил – живет!

Ваши, ваши и твой
М. Жванецкий.
1 октября 2012 года.

К слову, давно ставший классиком, блистательный автор и исполнитель собственных произведений Михал Михалыч Жванецкий в последние годы стал выпускать – том за томом – полное собрание своих сочинений. И, что интересно, пятый том этого прекрасного издания полностью состоит из текстов, написанных уже в 21-м веке. (К тому же, как я слышал, уже готовится к выходу шестой и чуть ли не седьмой!)

А теперь позвольте мне представить вам авторов этого тома – писателей-одесситов, имена которых вы видите на обложке. Мне тем более приятно это сделать, что все последние годы именно они и составляли авторский костяк журнала «Фонтан».

Итак (в алфавитном порядке):

Борис Бурда – один из самых известных игроков интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?». Участвуя в ней, выиграл трех Хрустальных и одну Бриллиантовую сову.

Автор книг о пище – как для ума, так и для всего остального: «Угощает Борис Бурда», «Интеллектуальные игры не только для знатоков», «Разговоры вокруг еды», «Происхождение тютельки, или Малая энциклопедия смешного» и др.

Михаил Векслер – иронический поэт. Печатается с 1994 года.

Его стихи и миниатюры публиковались в журналах «Красная Бурда», «Магазин», «Вопросы литературы», «Радуга», «Октябрь», «Кукумбер».

Автор книг «Руки прекрасные порывы» и «Песня о страусе», вышедших в Москве и Одессе.

Георгий Голубенко – прозаик, драматург, сценарист.

Спектакли, поставленные по его комедиям, широко шли в театрах России, Украины и за рубежом.

Автор книги «Рыжий город» (Новые одесские рассказы), вышедшей в Одессе в 2004 году и мгновенно ставшей бестселлером.

По некоторым сюжетам «Рыжего города» режиссером Владимиром Алениковым снят фильм «Улыбка Бога, или Чисто одесская история», неоднократно получавший призы зрительских симпатий...

Роман Карцев – артист эстрады, кино и театра, народный артист России. В 60-х годах вместе с Михаилом Жванецким и Виктором Ильченко работал в театре под руководством Аркадия Райкина. Потом они создали свой театр, сначала в Одессе, а затем и в Москве. Их блестящие монологи и миниатюры – «Авас», «Как пройти на Дерибасовскую», «Дедушка», «Кассир и клиент», «Собрание на ликеро-водочном заводе», «Диспут», «Раки» и многие другие давно стали эстрадной классикой... В последние годы Роман Карцев стал исполнять тексты, которые пишет для себя сам. Автор книг «Малой, Сухой и Писатель», «Родился я в Одессе», «Приснился мне Чаплин...»

Валерий Хайт – писатель, редактор.

Капитан легендарной одесской команды КВН конца 60-х.

Один из основателей Юморины.

С 1997 года – главный редактор одесского юмористического журнала «Фонтан».

Дважды лауреат фестиваля юмора «Золотой Остап» (Санкт-Петербург).
Составитель томов «Одесский юмор» в Антологии сатиры и юмора России XX века и
«Большой фонтан одесского юмора» (Москва, изд. ЭКСМО).
Автор проекта и редактор серии «Новый одесский юмор». (Там же)

В. Х.

Георгий Голубенко Рыжий город, или Четыре стороны смеха (Новые одесские рассказы)

От автора

Каждый город имеет свой цвет.

Москва – белокаменная.

Иерусалим – золотой...

Одесса – город рыжий.

Построенный из рыжего камня, купающийся в ослепительно-рыжем солнце, он рыжий еще и потому, что вот уже более двухсот лет блестяще исполняет, как говорится, на мировой арене роль рыжего клоуна, постоянно развлекающего всех, кто приезжает сюда, своими смешными, а иногда чуть печальными шутками.

Впрочем, в том, что одесситы беспрерывно шутят, уверены только приезжие. На самом деле это не так. Просто одесситы так разговаривают.

Помню, в детстве, еще при советской власти, наш сосед жаловался всем собравшимся на коммунальной кухне:

– Ну как я могу преподавать в юридическом институте, когда у нас в стране понятия «украдено» и «пропало» имеют противоположный смысл? Потому что то, что не украдено, то как раз пропало, а то, что украдено, наоборот, сохранено и служит людям!..

И так излагал свои мысли не только он, а практически все, с кем я когда-либо сталкивался в Одессе, причем постоянно, повсеместно и по любому поводу.

В общем, если вы, приехав в Одессу, думаете, куда бы вам пойти, чтобы увидеть и услышать что-нибудь смешное, можете смело идти на все четыре стороны...

На эту способность всех одесситов (включая малоинтеллигентных биндюжников) к парадоксальному мышлению, способность, вообще-то свойственную только гениальным физикам и великим конферансье, обратил когда-то внимание мальчик из культурной семьи, рожденный на Молдаванке. И написал знаменитые теперь на весь мир «Одесские рассказы». Мальчика звали Исаак Бабель, а название его книги, я думаю, – даже и не название книги, а определение нового жанра, в котором все мы, пишущие об Одессе, пытаемся что-то делать в меру сил своих и способностей...

Г. Г.

Пожар на Слободке

Моим самым ярким детским впечатлением от Одессы был пожар. В центре Слободки. Так сказать, в самом престижном ее районе. Рядом с психбольницей. Горел дровяной сарай.

Я тут недавно видел другой пожар, примерно в том же районе. Горела какая-то контора. Или, как теперь говорят, офис. Какой разительный контраст в пользу первого возгорания! Во втором случае мы имели вялое малоинтересное зрелище: никто ничего не тушил. Хозяин офиса – бизнесмен, сидя в автомобиле, обзванивал по мобильному телефону своих друзей-бизнесменов. Те приезжали и, быстро договорившись о цене, сдавали хозяину под расписку кипы бумаг. Его помощник, как в паровозную топку, забрасывал эти бумаги в окна горящего офиса, и смысл происходящего был внятен даже такому далекому от большого бизнеса человеку, как я. Вот придут к этим бизнесменам налоговые инспекторы:

– А ну предъявите ваши финансовые документы!

– Сгорели во время пожара.

– А у вас что, был пожар?

– У нас, слава богу, нет, а вот у бизнесмена такого-то, к сожалению, был. А мы ему как раз в этот день документы свои на хранение сдали...

– А чем докажете?

– Что? То, что сдали? Пожалуйста, вот расписка. А то, что у него как раз в этот момент был пожар, так иначе оно и быть не могло. Это же у него такой бизнес...

Нет, в детстве, неподалеку от психбольницы, все было значительно интереснее!..

Посмотреть, как горит дровяной сарай, собралось пол-Слободки. Вокруг царило приподнятое настроение. Хозяева, понимая, что одним сараем дело не ограничится, выносили из рядом стоящего ветхого дома нехитрый скарб, но тут, оглашая округу воем сирены, кваканьем клаксона и звоном медного колокола, к дому подъехал пожарный автомобиль – грузовик ярко-красного цвета с лестницей на кабине и тремя пожарными в кузове.

– Внимание, товарищи бойцы! – закричал их командир, вылезая из кабины с секундомером в руках. – Вижу пожар второй степени. На боевой рубеж выходи!

Пожарные спрыгнули на землю.

– Стоп, стоп, стоп!.. – закричал главный пожарный. – Это все никуда не годится! Ну что, Причитайло, где твои восемнадцать секунд по нормативу? А кто мне на учениях говорил: «Вот будет пожар, тогда и увидите»? Ну вот, пожалуйста, пожар я вижу и вижу, что у тебя опять двадцать три! Ну что же, давайте все в кузов, выпрыгиваем еще один раз!

– А может, тушить начнете, товарищи пожарники? – робко спросил кто-то из погорельцев. – Вон уже и на дом перекинулось...

– У вас один дом на уме, – строго ответил главный пожарник, – а я за весь город ответственный! Где же мне еще подчиненных учить, как не в боевой обстановке? Внимание, товарищи бойцы! Вижу пожар теперь уже третьей степени! На боевой рубеж выходи!.. Вот, уже лучше... Все-таки двадцать одна секунда. А знаешь почему, Причитайло, у тебя все-таки двадцать одна, а не восемнадцать? Потому что спрыгивать надо, а ты, извини, сползаешь, как беременная женщина! Вот посмотри, как Кузнецов спрыгивает! А ну, Кузнецов, покажи ему еще один раз, как это делается!

– Слушаюсь, товарищ командир! – лихо откозырял Кузнецов, ловко залез в кузов, ловко спрыгнул на землю, но так и остался лежать на земле.

– А, черт, нога!..

– Что «нога», Кузнецов?

– Да вот, подвернул, черт бы ее побрал!..

– Ну ничего. Это хорошо. То есть что подвернул – это, конечно, плохо, а хорошо то, что мы эту ситуацию на учениях тоже отрабатывали. Рядовой Хабибулин, вправьте ему сустав!

– А может, лучше я ему вправлю, товарищ командир?

– Э, нет, Причитайло. То, что вы вправите, я не сомневаюсь. Это вы как раз делаете хорошо. Вот Хабибулин пусть вправит! А то мне докладывали, что он на занятиях по медицине каждый раз в таких случаях наш манекен по два часа уродует.

– Ну не даются мне эти переломы, товарищ командир...

– Какие еще переломы? У Кузнецова вывих!

– Так это сейчас у него вывих, а как я за лечение возьмусь, будет перелом...

– Да и не станет этот дом гореть еще два часа, – заметили из толпы, – максимум минут двадцать...

– Ладно, – сказал командир. – Ты, Кузнецов, пока отползи в сторонку, а ты, Хабибулин, бери брандспойт и подсоединяйся к гидранту. Где у вас тут гидрант?

– Какой это еще гидрант? – удивились погорельцы. – Нету у нас никакого гидранту...

– Ну кран пожарный по-нашему.

– И крана пожарного у нас нет. У нас вообще никакого крана нет. А зачем он нам нужен, тот кран, если у нас здесь и воды никогда не было?

– Так что же вы тогда технику сюда вызывали, людей? И что это за мода такая пошла – чуть дом загорится, сразу пожарников вызывать? Мы тут стараемся, понимаешь, делаем все возможное и невозможное... Вон, – командир показал на отползающего Кузнецова, – теряем личный состав! А у вас и пожарного крана нет!

– Пожарный кран есть на суконной фабрике, – сообщил какой-то мужчина в пижаме и тапочках.

– А это недалеко?

– Если ехать трамваем, получается остановки четыре.

– Ничего себе, четыре остановки трамваем! У нас на такое расстояние шланг не дотянется!

– Тогда можно не ехать трамваем. Можно идти пешком. Получается всего одна остановка.

– То есть как это?

– Очень просто. Идете себе, идете и останавливаетесь только у суконной фабрики...

Но расстояние то же.

– А что если мы, товарищ командир, трофейный брандспойт подключим, а? – с робкой надеждой предложил Хабибулин. – У него, наверное, шланг ох какой длинный!

– Отставить трофейный! Вы что, не знаете, что этот брандспойт мы бережем для особенно ответственных возгораний? Если обком, не дай Бог, загорится или горком.

– Да не загорятся они, товарищ командир! Вы это нам уже сколько лет обещаете! И ничего. Так и не узнаем мы никогда, что ж оно такое, эта хваленая зарубежная техника!..

– Ну так и быть, подключайте! – сдался командир.

– Слушаемся! – обрадовались Хабибулин и Причитайло и, подхватив трофейный брандспойт, побежали в сторону суконной фабрики, всем своим видом показывая толпе, что сейчас ей будет представлено нечто необыкновенное.

– Так тогда, может, я и нашу выдвижную лестницу уже выдвину? – спросил у командира водитель пожарной машины. – Я понимаю, что оно вроде как ни к чему: и дом здесь в один этаж, да и от него уже мало чего осталось... Просто я тут приспособление изобрел для ускорения выдвижения лестницы. Так пусть наконец люди увидят, какая все-таки мощь стоит на страже их противопожарной безопасности!..

– Выдвигай! – кивнул командир.

Водитель на что-то нажал, после чего вторая половина лестницы не просто выдвинулась из первой, а вылетела из нее со страшным свистом, снесла половину крыши, а вторую ее половину обрушила прямо в горящий дом.

– Во дают! – ахнул кто-то в толпе. – Получается, это у них как «Катюша»?!

– Да, – сказал водитель машины. – Чего-то я тут еще не подрассчитал...

– Это мы после поговорим, – ответил ему командир. – Надеюсь, в доме никого не оставалось? – спросил он у погорельцев.

– Да нет, – отвечали те. – Мы даже и вещи все вынесли самые ценные... Кажись, только веник забыли...

– А Коля ж мой где?! – запричитала вдруг какая-то молодуха. – Ой, люди добрые, Коля!.. Сынок... Я ж и забыла тут про него... А сейчас, как за веник заговорили, так сразу и вспомнила!.. Мы когда еще из дому выходили, я ему говорю: «Коля, сынок, ты ж смотри, чтобы веник тут нэ сгорив!» А тэпэр вот ни веника, ни его!..

– Ну знаете! – возмутился командир. – А ну быстро облейте меня чем-нибудь!

– Как вы говорите?

– Облейте меня, говорю, чем-нибудь! Что у вас там есть?

– А что у нас есть? Ничего у нас нет... Мы ж тут как раз День физкультурника отмечали, так и выпили все, что было...

– Да что я тут с вами разговариваю?! Эх, была не была!.. – И командир пожарников, сделав два гигантских прыжка, исчез в клубах огня и дыма...

– Мама, а мама, – прозвучал в наступившей тишине тоненький детский голос, – а чего это дядя в самое пекло полез? За веником, что ли?

– Та за каким еще там... А кто это сказал? Коля? Ты тут? Ой, слава тебе, Господи... Шоб тебя уже черти забрали, байстрюк! Где ж тебя носить?!

– Я в туалет ходил за кустик.

В это время дом, вспыхнув особенно ярким пламенем, развалился на головешки, но командира пожарников там почему-то не оказалось. Толпа тихо ахнула...

– Не нужно было их вызывать, этих пожарников, – сказал какой-то моряк с «Беломором» в зубах, – дом мы бы и сами не потушили, зато у нас хотя бы не было человеческих жертв...

– Не слушай его, Николай! – обратилась к мальчику дородная женщина в пионерском галстуке – наверное, пионервожатая. – Только что, на твоих глазах, этот пожарный, спасая юного пионера, совершил героический подвиг! Конечно, если бы ты предупредил его, что идешь в туалет, он бы остался жив. Но с воспитательной точки зрения, может быть, так даже лучше. Какой вывод ты сделаешь из того, что произошло сегодня? Вот как ты будешь поступать в подобных случаях, когда станешь взрослым мужчиной?

– Ну, каждый раз, прежде чем идти в туалет, я буду предупреждать пожарных.

– Неправильно! Ты должен был сделать вывод, что в жизни всегда есть место для подвига! А этот пожарный, – обратилась она уже ко всем, – навсегда останется в наших сердцах. Ведь правильно я говорю, товарищи? И теперь, вспоминая этот день, мы всегда будем видеть перед собой его мужественное лицо, а его героический голос всегда будет звучать в наших ушах!

– Ах вы, мать вашу так! Придурки несчастные!.. – действительно раздался откуда-то из-под земли голос исчезнувшего пожарника. – Что ж вы мне не сказали, что у вас тут погреб под домом выкопан?! – и вслед за этим его лицо, правда, не столько мужественное, сколько перепачканное сажей, действительно показалось из-под земли.

– Товарищ командир! – закричал Причитайло, появившись прямо перед этим лицом с трофейным брандспойтом. – Мы подключились! Сейчас Хабибулин будет врубать!

– Та врубайте уже, черт бы вас всех побрал! – скомандовал командир. – Дом я не потушил. Так хоть физиономию вымою!

И тут Хабибулин, как видно, «врубил». Бесконечный брезентовый шланг надулся, как огромный питон. Но из брандспойта ничего не потекло. Зато из миллиона прорех, образовавшихся на сгибах этого шланга от многолетнего лежания без дела, в вечернее небо Слободки брызнули миллионы фонтанов. И засверкали в лучах заходящего солнца. И покати-лась от смеха Слободка аж от суконной фабрики и до психбольницы включительно. Потому что всем, в том числе и хозяевам сгоревшего дома, было абсолютно не жаль эту несчастную развалюху. Все понимали, что самое страшное в жизни, то есть война, окончившаяся совсем недавно, уже позади, а впереди только хорошее: красивые новые дома, красивая новая жизнь... И единственная беда, омрачавшая чистые сердца слободчан, состояла лишь в том, что за несколько месяцев до описанных выше событий умер великий вождь всех людей, лучший друг всех пожарников Иосиф Виссарионович Сталин.

И вот я думаю: это же как должен был перевернуться мир за какие-то там пятьдесят лет, прошедшие с той поры, если кончина такого вождя уже почти никого не печалит, а хороший пожар на Слободке – почти никого не радует...

Детство наше золотое

Когда я впервые увидел мир, он представлял из себя улицу Богатова на Пересыпи. Бесконечный дождь. Непролазная грязь. Подслеповатые домишки с фундаментами, выкрашенными черной краской. Город в калошах...

Я сидел в комнате на подоконнике и смотрел, как начинается наводнение. Вода за окном поднималась все выше и выше.

– Надо спасать самое дорогое, что у нас есть! – сказал мой папа моей маме. – Если прорубить отверстие в потолке, то мы еще успеем забросить на чердак наши партийные билеты.

Но тут дождь прекратился, и из окрестных домов стали выплывать местные жители на шифоньерах. В зеркальных дверцах шкафов празднично отражались голубые прорехи на сереньких небесах.

Из всего увиденного я сделал следующие выводы: мир – это ужасная дыра. Самое дорогое, что есть у человека в жизни, – это партийный билет. А самое красивое, что в ней можно увидеть, – это шифоньер с зеркальной дверцей.

Провал в памяти года на четыре.

Мама провожает папу на работу. Заботливо поправляет ему галстук. Чистит щеткой пиджак.

– Тебе не жена нужна, а нянька, – нежно говорит она папе.

– Правильно! – радостно кричу я маме. – Вот и нянька ему это говорит, когда тебя дома нету. Не жена, говорит, тебе нужна, а я!..

Входит моя восемнадцатилетняя нянька. Папа дает мне по шее.

Опять провал на какое-то время.

Мне уже лет пять с половиной. А может, и шесть. Мы вдвоем с нянькой (конечно, с другой) на лужайке в саду изучаем природу. То есть нянька стоит под деревом и разглядывает бабочку, сидящую на ветке. А я валяюсь на траве у ее ног и незаметно заглядываю ей под юбку.

– Правда ж, красивая? – спрашивает нянька, имея в виду бабочку.

– Ничего, – отвечаю я, имея в виду нянькину попу.

– Так и хочется к ней прикоснуться, правда? – спрашивает нянька, стараясь пробудить во мне любовь к природе.

– Но, наверное ж, нельзя? – спрашиваю я, думая о своем.

– Между прочим, многие их коллекционируют, – увлекается моя наставница. – Я, например, знаю одного молодого человека, он собрал штук двести пятьдесят. Правда, он уже взрослый... Но и тебе пора начинать. Знаешь, какие они бывают разные? Большие, маленькие, разноцветные... Бывают даже черные! Представляешь? Абсолютно черные!..

– Ну, это, наверное, у негритянок... – догадываюсь я.

– Что-что-что?! – нянька опускает на меня глаза. – Ах ты щенок!..

«Только не по голове! – проносится у меня в мозгу. – В кои-то веки увидел в этом мире хоть что-нибудь интересное...»

Провал. Правда, уже ненадолго.

Опять какие-то негры... Ну да. Это Трофим Никодимович Дыхно, наш сосед, огромный негр, держит меня за шиворот и кричит на всю улицу:

– Ноги бы тебе обломать, паразит!

– Ну зачем же ему ноги ломать? – возражает Трофиму другая наша соседка, негритянка Роза Исааковна Шельсон. – Он же ребенок еще... Вот руки ему обломать было бы правильно. За то, что он с нами сделал.

А сделал я следующее. Тем летом весь наш поселок на окраине Одессы сбрендил на почве своего здоровья. Каждое утро бездомная баба Лушка стала привозить с Хаджибейского лимана два ведра мерзкой вонючей грязи, которая, как считалось, лечит от всех болезней. Жители поселка, раздевшись догола, обмазывались этой дрянью и ложились на железнодорожную насыпь загорать. Картина возникала странная: жители загорали, под насыпью в лучах солнца голубовато поблескивали – вроде узенькой речки – железнодорожные рельсы. Время от времени кто-нибудь из черных истуканов поднимался во весь рост, истомно потягивался, и, казалось, сейчас с криком «У-ух!..» бросится на эти рельсы как в речку, прямо перед носом приближающегося поезда.

Меня родители обмазывали тоже. Хотя я был совершенно здоров. Наверное, меня лечили впрок. То есть как рассуждали родители: ну мало ли чем может заболеть ребенок в предстоящей ему долгой жизни, а мы его уже в детстве вылечили...

В конце концов, чтобы прекратить эти издевательства, однажды утром я незаметно влил в Лушкины ведра литра три несмываемой черной нитроокраски. Эффект был потрясающий. Недели на две после этого наш тишайший поселок превратился в восставшее негритянское гетто. Толпы разъяренных афроамериканцев одесского происхождения метались по нему и, бешено вращая голубоватыми зрачками, искали, кто это с ними такое сделал. Наконец нашли.

Короче говоря, это был единственный случай в истории, когда толпа разъяренных черных линчевала одного белого.

Нужно вам говорить, кто был этот белый?..

Опять, конечно, провал.

Москва. Очередь в Мавзолей. Представители рабочего класса, трудовой интеллигенции, сотрудники органов государственной безопасности.

Роскошный папа в офицерском мундире, нарядная мама и я – ангелоподобный ребенок с бантом на белой блузе.

– Сейчас, сынок, – торжественно объявляет папа, – ты увидишь наших вождей, Ленина и Сталина. Много десятилетий советский народ под их руководством день и ночь, не зная ни минуты отдыха, трудился не покладая рук. Поэтому люди решили их не хоронить...

– А когда отдохнут – похоронят? – спрашиваю я.

Удар. Провал.

Начальная школа. Провал лет на восемь.

Хотя, кажется, нет. Обманываю.

Очень раннее утро. Мы с моим другом Петриком прячемся в кустах за забором пионерского лагеря. Кругом поют птички.

– Ниже целься, ниже... – шепчет мне Петрик. – Прямо под глаз. И как только он закричит: «Пионер – всем ребятам пример!» – так сразу же и стреляй.

– А не заругают? – спрашиваю я.

– Не бойсь! – отвечает Петрик. – Зато этот пионервожатый больше никогда не будет говорить, что мы с тобой еще слишком маленькие для того, чтобы участвовать в военно-патриотической игре «Зарница»!.. Хотя рогатку, может, и отберут.

...Нет, в школе было много интересного. Например, люди.

В 1960 году мой сосед по парте в возрасте неполных десяти лет получил срок. Примерно такой же. По довольно необычной для ребенка статье: за валютные махинации.

Махинации состояли в том, что он за три рубля купил у иностранного моряка доллар и потом показывал его за рубль всем желающим.

Сейчас он в Новой Зеландии. Говорят – миллионер. Вот что значит подрезать человеку крылья! Если бы сорок лет назад его не остановили, то сегодня в Одессе с такими талантами он бы уже был миллиардером.

Другой мой одноклассник, Вася Кацюба, круглый двоечник и балбес, не прочитавший ни одной книжки, вообще получил пятнадцать лет за диссидентство.

Он ограбил пивной ларек. И полагалось ему за это по малолетству максимум года полтора. Но перед тем как пойти на дело, Вася посмотрел кино. Из жизни народного заступника Олеко Дундича. Там этот заступник на своем суде произносит обличительную речь. И вот когда Васе, на его суде, предоставили последнее слово, он, привыкший всю свою жизнь только списывать, проговорил буквально следующее:

– Кровопийцы! Душителю трудового народа! Это в ваших шахтах и рудниках мы гнем свои натруженные спины, в то время как вы, купаясь в невиданной роскоши, насилуете наших жен и детей! Но трепещите! Час расплаты не за горами! Дубина народного гнева уже поднялась над вашими головами! Сегодня вы судите меня – но завтра вас будет судить история!

Услышав таковые слова, районный судья и два народных заседателя от испуга совершенно потеряли способность что-либо соображать и в этом состоянии залепили Василию на всю катушку за антисоветскую агитацию. Спасло его только то, что в психиатрической лечебнице, где Васина мама работала санитаркой, удалось получить справку, что в момент произнесения своей исторической речи Василий от страха перед судом соображал еще меньше, чем судья вместе со своими заседателями.

Нет, про школу я совершенно напрасно. Там было много незабываемого. Взять хотя бы мой первый литературный опыт.

– Ребята! – сказал наш классный руководитель. – В стране настали новые времена. Никита Сергеевич Хрущев дал нам полную свободу. Поэтому и сочинение у нас сегодня будет необычное. Пишите только то, что вы действительно думаете. Ничего не приукрашивая. Тема сочинения: «Хорошо в стране родной».

Ну что вам сказать... В отличие от Васи Кацюбы я не был диссидентом. Просто я хотел как можно точнее исполнить задание преподавателя. И я написал. Почему-то в стихах. Первый и последний раз в жизни.

Хорошо в стране родной для людей трудиться.
А на Западе, бог мой, лучше не родиться.
Там у них народ все мрет или вымирает.
А у нас – наоборот. Это каждый знает.
И близко то время, когда уж над нами
Заря коммунизма, сияя, взойдет,
И Партия нас, как герой наш Сусанин,
К заоблачным высям вперед поведет!

Как видите, никаких литературных достоинств у данного произведения практически нет. Но, как и все советские писатели, я пострадал не за их отсутствие.

– Мы из тебя эту дурь вышибем! – бушевали мои родители, навешивая мне по шее. – И ни в какой литературный институт ты поступать не будешь! Только в консерваторию! Может, хотя бы это спасет тебя от тюрьмы.

Ну откуда им было знать, что, как сказал когда-то один умный человек, в нашей стране музыкант, который хорошо играет на скрипке, тоже считается диссидентом...

...На этом мое золотое детство закончилось. Настала взрослая жизнь. И помню я из нее почти что все. Без всяких провалов. Хотя многое хотелось бы и забыть.

Одна зеленая луковица и одно красное яблоко

Не знаю, что так пугает многих артистов и музыкантов, которые говорят, что всегда с особым волнением едут выступать в Одессу, но вот почему начиная с далекого тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года ни разу не приезжал в наш город знаменитый скрипач Гутников со своей пианисткой Мещерской, я знаю точно. Они боялись меня.

Впрочем, все по порядку. Я учился тогда в Одесской государственной консерватории. Красиво? А вы как думали?.. Это уже потом я стал советским драматургом, а вначале родители все же пытались сделать из меня культурного человека. Желательно скрипача. Правда, мой педагог – профессор Лео Давыдович Лембергский сразу распознал безнадежность этих попыток, поэтому во время занятий старался научить меня хоть чему-нибудь полезному для жизни.

– Смотри сюда, мальчик, и запоминай, – говорил, бывало, мой шестидесятилетний наставник мне, восемнадцатилетнему пацану, доставая из своего скрипичного футляра луковицу и яблоко. – Мой дед съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста лет. Мой отец съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста одного года. Я тоже съедаю во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко, и вот ты увидишь... Хотя ты, конечно же, не увидишь...

Я незаметно посмеивался, и, между прочим, совершенно напрасно. Прошло тридцать лет, а мой профессор по-прежнему съедает где-то в далеком Израиле во время обеда свою зеленую луковицу и свое красное яблоко и уже готовится побить семейный рекорд долголетия, установленный его отцом и дедом, а что касается меня... Боюсь, мне теперь уже действительно нужно сильно постараться, чтобы это увидеть...

Вообще, я любил учиться в Одесской государственной консерватории. Потому что государственной она была в последнюю очередь. В первую очередь она была одесской.

«Декан Рувимчик – редкий козел!» – было написано на стене нашего консерваторского туалета. «Сам ты козел! Декан Рувимчик», – было написано ниже. В классе контрабасов висел транспарант, который приводил в ужас всю нашу кафедру марксизма-ленинизма: «Ничего не знаю лучше контрабаса. Готов слушать его день и ночь. Удивительный, нечеловеческий инструмент!» – и подпись: «Лейбин». А какие, собственно, основания были его снимать, если Лейбин была фамилия преподавателя контрабаса?..

Мы, студенты, жили с нашими педагогами одной семьей, постоянно пытались шутить и все как один мечтали о славе. Слава имела конкретные очертания. И называлась она – сцена Одесской филармонии. Выступать там было пределом наших мечтаний. Поэтому все, что произошло в тот день одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, я помню очень хорошо. Или почти все...

– Ну что ж, мальчик, поздравляю тебя! – сказал мой профессор. – Сегодня ты впервые выходишь на филармоническую сцену!

– Как?.. – задохнулся я. – А что же я буду там играть?

– Ничего, – ответил профессор. – Ты будешь там ноты переворачивать. Играть будет Гутников. Нужно помочь его пианистке.

Для тех, кто не в курсе, рассказываю: скрипач обычно во время концерта играет все наизусть. Его аккомпаниатор – по нотам. Переворачивать их приглашают кого-нибудь из местных. Ну не возить же с собой на гастроли такую малозначительную фигуру...

Конечно, это было не совсем то, о чем я мечтал. Но я живо представил себе, как вечером я выхожу на сцену Одесской филармонии, и одна знакомая девушка, сидящая в зале, увидит... Ну, в общем, за полчаса до концерта я уже переминался с ноги на ногу за кулисами филармонии, с тревогой прислушиваясь к шуму, доносящемуся из переполненного зритель-

ного зала. Потом появились ослепительные Гутников и Мещерская. Она – в роскошном концертном платье, он – в строгом фраке, но с настоящим Страдивари в руках.

– Здра-а-авствуйте, – поздоровался я, заикаясь от волнения. – Я тут пе-ереворачивать...

– Знаем, знаем, – сказала пианистка. – Зачем же вы так волнуетесь, молодой человек?

Ноты читать умеете? Значит, когда увидите, что я доигрываю страницу, перевернете. И еще: у меня длинное платье, поэтому, когда я буду вставать со стула, чтобы поклониться, отодвигайте, пожалуйста, стул. Вот, собственно, и все. Ваш профессор сказал, что вы человек способный. Думаю, справитесь... Да, и еще: я вас очень прошу, когда мы будем уходить со сцены, уходите, пожалуйста, первым. Потом уйду я, и только потом уже солист. Понимаете? Чтобы все аплодисменты достались солисту. И вообще, ваша главная задача – нам не мешать.

– О чем ты, Мила? – улыбнулся маэстро. – Ну как он может нам помешать?..

Ох, не нужно ему было это говорить! Уже через несколько минут жизнь показала, что в этом смысле он явно недооценивал мои возможности.

Под бурные аплодисменты мы вышли на сцену, я, как и положено переворачивающему ноты, уселся слева от пианистки, взглянул на ноты, которые мне предстояло переворачивать, и понял, что сейчас произойдет катастрофа.

– Бетховен, – произнесла ведущая. – «Крейцера соната».

Пианистка взяла аккорд.

– Ничего не получится... – просипел я ей прямо в ухо. – Я очки дома забыл!..

– Что? – вздрогнула пианистка.

– Очки, говорю, забыл!.. Не вижу я ничего!..

– Спокойно! – прошептала пианистка, не переставая играть. – Следите за мной. Когда нужно будет перевернуть страницу, я вам кивну...

– Головой?.. – просипел я, уже мало что соображая от волнения.

– Да, – кивнула она.

Она кивнула – я и перевернул.

– Рано! – вскрикнула она и, продолжая играть, свободной рукой перевернула страницу назад.

– Но вы же кивнули! – напомнил я ей – и перевернул страницу вперед.

– Да я не потому кивнула! Не потому! – нервно зашептала пианистка, играя какой-то сложный пассаж. – Вот теперь переворачивайте!

– Вперед?!

– Да!

Я перевернул.

– Назад!!

– Но почему? Вы же сами сказали перевернуть страницу вперед!

– Но вы же перевернули две!..

– Как это две?! – Я приподнялся и, загородив ей нотную тетрадь, стал разбираться со страницами. – Вот одна... вот... ах да, действительно!..

– Да что же вы делаете?! – взмолилась она и, изловчившись, шлепнула меня по рукам. Я автоматически шлепнул ее по рукам, как бы давая сдачи. Она вскрикнула. Скрипач вздрогнул и взял фальшивую ноту.

Так, толкаясь и переругиваясь, мы каким-то чудом доиграли наконец «Крейцерову сонату». Раздались аплодисменты.

– Стул отодвиньте! – ненавидяще глядя на меня, сказала пианистка. – Я же вам говорила. У меня длинное платье. Отодвиньте мой стул! Мне нужно встать и поклониться!

Я галантно отодвинул ей стул. Она встала и поклонилась. Потом начала садиться.

– Стул! – напомнила она, не оборачиваясь.

Поскольку слово «стул» теперь ассоциировалось в моей уже не работающей от страха голове исключительно со словом «отодвиньте», я его опять отодвинул. Она начала садиться на пол. Я автоматически подставил руки... Почувствовав их у себя на бедрах, пианистка взвизгнула и отскочила.

В зале прошел шумок. Там уже, наверное, давно обратили внимание, что, пока скрипач предается своему возвышенному искусству, какой-то молодой нахал у него за спиной сначала подрался с его аккомпаниаторшей, а теперь прямо на глазах у публики начал к ней грубо приставать. Я готов был провалиться сквозь сцену.

Дальнейшее плохо отпечаталось в моем сознании. Помню только, что, кажется, и дальше я все делал наоборот: переворачивал страницы, когда не нужно было переворачивать, и не переворачивал, когда было нужно. Двигал стул вперед, когда пианистка пыталась встать, таким образом припечатывая ее к роялю, и двигал его назад, когда она пыталась сесть, каждый раз ловя ее уже у самого пола.

Естественно, что после окончания каждого произведения музыканты, несмотря на аплодисменты, сразу же убегали за кулисы, чтобы хоть как-то перевести дух от этого кошмара. Но я оставался на сцене! Таким образом, получалось, что все аплодисменты доставались мне, и я каждый раз долго и церемонно раскланивался...

Но все это были, как говорится, цветочки по сравнению с финалом нашего выступления.

– Паганини! – объявила ведущая. – «Вечное движение».

– Умоляю!.. – наклонилась ко мне пианистка. – Вы только ничего не делайте! Мы сами все сыграем. Просто сидите тихо. А еще лучше вообще отодвиньтесь!..

Музыканты начали играть, а я начал отодвигаться, естественно, вместе со стулом, издавая при этом страшный скрип. Пианистка гневно глянула на меня. Я отодвинулся еще дальше. Она опять посмотрела. Я опять отодвинулся. Потом еще и еще... Таким образом, пока они играли, я проделал довольно неблизкий путь от центра сцены в ее конец и очутился на самом краю.

В зале недоуменно перешептывались. Потом-то я понял причину. «Ну правильно, – размышляли там. – Великий Паганини, наверное, что-то имел в виду, назвав свою пьесу «Вечное движение», но зачем нужно иллюстрировать это гениальное произведение бесконечной ездой по сцене, да еще верхом на скрипучем стуле?!»

– Да когда же это наконец закончится?! – не выдержал скрипач и, прервав исполнение, сделал шаг в мою сторону, собираясь, по-видимому, оторвать мне голову.

Я в ужасе отпрянул назад... И вместе со стулом полетел со сцены в зрительный зал.

Тут началось что-то невообразимое. И продолжалось довольно долго. А поскольку ни музыканты, ни ведущая из-за кулис больше не появлялись, то я, чтобы хоть как-то прекратить весь этот смех, свист и улюлюканье, опять вскарабкался на сцену и очень торжественно произнес: «Концерт окончен!»

Потом, много лет спустя, я часто пытался смешить народ своими рассказами, выступая на разных сценах, в том числе и на сцене Одесской филармонии, но такого гомерического хохота я уже не слышал никогда. Вот уж был поистине оглушительный провал!

Наверное, в ту ночь я не умер от позора только потому, что одна знакомая девушка до самого утра утешала меня, сидя рядом на скамейке пустынного Приморского бульвара, и к утру наконец утешила...

И тогда же, к утру, с первыми лучами солнца, встающего над обожаемым мною городом, я начал смутно догадываться, что стремление к славе вообще глупейшая вещь. И единственное, чего можно добиться на этом пути, так это падения с большой высоты, да еще и вместе со стулом.

А единственное, чего можно желать для себя в этой жизни, так это собственно жизни. Причем как можно более долгой. И нужно для этого очень немного: каждое утро – такой вот рассвет, каждую ночь – такая вот девушка, ну и каждый день, конечно, одна зеленая луковица и одно красное яблоко.

Наметанный глаз

Если бы у Коли и Оли спросили в тот день: «Какой самый короткий месяц в году?» – они бы не задумываясь ответили: «Медовый». Только через четыре месяца после его начала, когда у Оли наконец впервые возникла потребность в платье (во всяком случае, в выходном), они с Колей вышли из своей комнаты в общежитии, держа в руках отрез крепдешина, купленный молодым на свадьбу в складчину всеми студентами и преподавателями родного техникума, и направились к дамскому портному Перельмутеру.

В тот день Коля точно знал, что его жена – самая красивая женщина в мире, Оля точно знала, что ее муж – самый благородный и умный мужчина, и оба они совершенно не знали дамского портного Перельмутера, поэтому не задумываясь нажали кнопку его дверного звонка.

– А-а!.. – закричал портной, открывая им дверь. – Ну наконец-то! – закричал этот портной, похожий на композитора Людвиг ван Бетховена, каким гениального музыканта рисуют на портретах в тот период его жизни, когда он сильно постарел, немного сошел с ума и сам уже оглох от своей музыки.

– Ты видишь, Римма? – продолжал Перельмутер, обращаясь к кому-то в глубине квартиры. – Между прочим, это клиенты! И они все-таки пришли! А ты мне еще говорила, что после того, как я четыре года назад сшил домашний капот для мадам Лисогорской, ко мне уже не придет ни один здравомыслящий человек!

– Мы к вам по поводу платья, – начал Коля. – Нам сказали...

– Слышишь, Римма?! – перебил его Перельмутер. – Им сказали, что по поводу платья – это ко мне. Ну слава тебе, Господи! Значит, есть еще на земле нормальные люди. А то я уже думал, что все пошло с ума. Только и слышно вокруг: «Карден!», «Диор!», «Лагерфельд!»... Кто такой этот Лагерфельд, я вас спрашиваю? – кипятился портной, наступая на Колю. – Подумаешь, он одевает английскую королеву! Нет, пожалуйста, если вы хотите, чтобы ваша жена в ее юном возрасте выглядела так же, как выглядит сейчас английская королева, можете пойти к Лагерфельду!..

– Мы не можем пойти к Лагерфельду, – успокоил портного Коля.

– Так это ваше большое счастье! – в свою очередь успокоил его портной. – Потому что, в отличие от Лагерфельда, я таки действительно могу сделать из вашей жены королеву. И не какую-нибудь там английскую! А настоящую королеву красоты! Ну а теперь за работу... Но вначале последний вопрос: вы вообще знаете, что такое платье? Молчите! Можете не отвечать. Сейчас вы мне скажете: рюшечки, оборочки, вытачки... Ерунда! Это как раз может и Лагерфельд. Платье – это совершенно другое. Платье, молодой человек, это прежде всего кусок материи, созданный для того, чтобы закрыть у женщины все, на чем мы проигрываем, и открыть у нее все, на чем мы выигрываем. Понимаете мою мысль? Допустим, у дамы красивые ноги. Значит, мы шьем ей что-нибудь очень короткое и таким образом выигрываем на ногах. Или, допустим, у нее некрасивые ноги, но красивый бюст. Тогда мы шьем ей что-нибудь длинное. То есть закрываем ей ноги. Зато открываем бюст, подчеркиваем его и выигрываем уже на бюсте. И так до бесконечности... Ну, в данном случае, – портной внимательно посмотрел на Олю, – в данном случае, я думаю, мы вообще ничего открывать не будем, а будем, наоборот, шить что-нибудь очень строгое, абсолютно закрытое от самой шеи и до ступней ног!

– То есть как это «абсолютно закрытое»? – опешил Коля. – А... на чем же мы тогда будем выигрывать?

– На расцветке! – радостно воскликнул портной. – Эти малиновые попугайчики на зеленом фоне, которых вы мне принесли, по-моему, очень симпатичные! – И, схватив свой портняжный метр, он начал ловко обмерять Олю, что-то записывая в блокнот.

– Нет, подождите, – сказал Коля, – что-то я не совсем понимаю!.. Вы что же, считаете, что в данном случае мы уже вообще ничего не можем открыть? А вот, например, ноги... Чем они вам не нравятся? Они что, по-вашему, слишком тонкие или слишком толстые?

– При чем здесь... – ответил портной, не отрываясь от работы. – Разве тут в этом дело? Ноги могут быть тонкие, могут быть толстые. В конце концов, у разных женщин бывают разные ноги. И это хорошо! Хуже, когда они разные у одной...

– Что-что-что? – опешил Коля.

– Может, уйдем отсюда, а? – спросила у него Оля.

– Нет, подожди, – остановил ее супруг. – Что это вы такое говорите, уважаемый? Как это – разные?! Где?!

– А вы присмотритесь, – сказал портной. – Неужели вы не видите, что правая нога у вашей очаровательной жены значительно более массивная, чем левая. Она... более мускулистая...

– Действительно, – присмотрелся Коля. – Что это значит, Ольга? Почему ты мне об этом ничего не говорила?

– А что тут было говорить? – засмушалась та. – Просто в школе я много прыгала в высоту. Отстаивала спортивную честь класса. А правая нога у меня толчковая.

– Ну вот! – торжествующе вскричал портной. – А я о чем говорю! Левая нога у нее нормальная. Человеческая. А правая – это же явно видно, что она у нее толчковая. Нет! Этот дефект нужно обязательно закрывать!..

– Ну допустим, – сказал Коля. – А бюст?

– И этот дефект тоже.

– Что – тоже? Почему? Мне, наоборот, кажется, что на ее бюсте мы можем в данном случае... это... как вы там говорите, сильно выиграть... Так что я совершенно не понимаю, почему бы нам его не открыть?

– Видите ли, молодой человек, – сказал Перельмутер, – если бы на моем месте был не портной, а, например, скульптор, то на ваш вопрос он бы ответил так: прежде чем открыть какой-либо бюст, его нужно как минимум установить. Думаю, что в данном случае мы с вами имеем ту же проблему. Да вы не расстраивайтесь! Подумаешь, бюст! Верьте в силу человеческого воображения! Стоит нам правильно задрапировать тканью даже то, что мы имеем сейчас, – и воображение мужчин легко дорисует под этой тканью такое, чего мать-природа при всем своем могуществе создать не в силах. И это относится не только к бюсту. Взять, например, ее лицо. Мне, между прочим, всегда было очень обидно, что такое изобретение древних восточных модельеров, как паранджа...

– Так вы что, предлагаете надеть на нее еще и паранджу? – испугался Коля.

– Я этого не говорил...

– Коля, – сказала Оля, – давай все-таки уйдем.

– Да стой ты уже! – оборвал ее муж. – Должен же я, в конце концов, разобраться... Послушайте... э... не знаю вашего имени-отчества... ну, с бюстом вы меня убедили... Да я и сам теперь вижу... А вот что если нам попробовать выиграть ну, скажем, на ее бедрах?

– То есть как? – заинтересовался портной. – Вы что же, предлагаете их открыть?

– Ну зачем, можно же, как вы там говорите, подчеркнуть... Сделать какую-нибудь вытачку...

– Это можно, – согласился портной. – Только сначала вы мне подчеркнете, где вы видите у нее бедра, а уже потом я ей на этом месте сделаю вытачку. И вообще, молодой человек, перестаньте морочить мне голову своими дурацкими советами! Вы свое дело уже

сделали. Вы женились. Значит, вы и так считаете свою жену самой главной красавицей в мире. Теперь моя задача – убедить в этом еще хотя бы нескольких человек. Да и вы, барышня, тоже – «пойдем отсюда, пойдем»! Хотите быть красивой – терпите! Все. На сегодня работа закончена. Примерка через четыре дня.

Через четыре дня портной Перельмутер встретил Колю и Олю прямо на лестнице. Глаза его сверкали.

– Поздравляю вас, молодые люди! – закричал он. – Я не спал три ночи. Но, знаете, я таки понял, на чем в данном случае мы будем выигрывать. Кроме расцветки, естественно. Действительно, на ногах! Да, не на всех. Правая нога у нас, конечно, толчковая, но левая-то – нормальная. Человеческая! Поэтому я предлагаю разрез. По левой стороне. От середины так называемого бедра до самого пола. Понимаете? А теперь представляете картину: солнечный день, вы с женой идете по улице. На ней новое платье с разрезом от Перельмутера. И все радуются! Окружающие – потому что они видят роскошную левую ногу вашей супруги, а вы – потому что при этом они не видят ее менее эффектную правую! По-моему, гениально!

– Наверное... – кисло согласился Коля.

– Слышишь, Римма! – закричал портной в глубину квартиры. – И он еще сомневается!..

Через несколько дней Оля пришла забирать свое платье уже без Коли.

– А где же ваш достойный супруг? – спросил Перельмутер.

– Мы расстались... – всхлинула Оля. – Оказывается, Коля не ожидал, что у меня такое количество недостатков.

– Ах вот оно что!.. – сказал портной, приглашая ее войти. – Ну и прекрасно, – сказал этот портной, помогая ей застегнуть действительно очень красивое и очень идущее ей платье. – Между прочим, мне этот ваш бывший супруг сразу не понравился. У нас, дамских портных, на этот счет наметанный глаз. Подумаешь, недостатки! Вам же сейчас, наверное, нет восемнадцати. Так вот, не попрыгаете годик-другой в высоту – и обе ноги у вас станут совершенно одинаковыми. А бедра и бюст... При наличии в нашем городе рынка «Привоз»... В общем, поверьте мне, через какое-то время вам еще придется придумывать себе недостатки. Потому что, если говорить откровенно, мы, мужчины, женскими достоинствами только любимся. А любим мы вас... я даже не знаю за что. Может быть, как раз за недостатки. У моей Риммы, например, их было огромное количество. Наверное, поэтому я и сейчас люблю ее так же, как и в первый день знакомства, хотя ее уже десять лет как нету на этом свете.

– Как это нету? – изумилась Оля. – А с кем же это вы тогда все время разговариваете?

– С ней, конечно! А с кем же еще? И знаете, это как раз главное, что я хотел вам сказать про вашего бывшего мужа. Если мужчина действительно любит женщину, его с ней не сможет разлучить даже такая серьезная неприятность, как смерть! Не то что какой-нибудь там полусумасшедший портной Перельмутер... А, Римма, я правильно говорю? Слышите, молчит. Не возражает... Значит, я говорю правильно...

Жора с Большой Арнаутской

Когда, как сказал поэт, вашу хладную душу терзает печаль, или вы вдруг действительно поверили, что Одесса уже не та, и она перестала вырабатывать юмор, как противоядие от окружающего ее безумия, что спасало наш город во все времена, – купите билет на трамвай и поезжайте на Привоз. Там в рыбных рядах за прилавком, заваленным тушами толстолобиков, огромными блинами камбал, золоченой скумбрией и серебристыми карпами, священнодействует Жора. Продавец и рубщик рыбы. Худощавый пожилой человек с лицом библейского мудреца. Знаменитый на весь Привоз Жора, чей острый язык может сравниться только с острейшим разделочным ножом в его умелых руках, который сам Жора романтически называет «рыбным мачете».

– Люди! – проповедует Жора собравшимся вокруг покупателям. – Если вы зададите вопрос, у кого здесь можно купить свежую рыбу, то я отвечу вам правду, какой бы горькой она ни была: у меня, и только у меня. Конечно, вам тут многие скажут, что их тухлая камбала свежа, как поцелуй невинной девушки. И вы можете им поверить! – Жора указывает на стоящих за соседними прилавками рыбных торговков, одетых как огородные пугала. – Сильны чары этих сладкоголосых сирен! Но только я вам продам такую рыбу, которую действительно можно есть и кушать, а не лечь и умереть. Свежайшую рыбу, потому что ее не только сегодня поймали, но еще и быстро вытащили.

– Мне какую-нибудь крупную и недорогую, – просит Жору очередной покупатель.

– С превеликим удовольствием, Изя! – отвечает Жора. (Почему-то всех своих покупателей он называет Изями.) – Предлагаю коропа. Свежайший. Ах, тебя это не интересует!.. Ну тогда – барабулька. Вкуснейшая! Или глоська, без единой косточки. Ах, тебе и это по барабану... Угу... Значит, тебя устраивает костлявая, невкусная и несвежая, главное – чтобы была большая и недорогая? Да? Так что же ты мне сразу не сказал, что тебе на подарок?

Толпа покатывается от хохота.

– А тебе кого порубать, Сарочка? – спрашивает он у покупательницы с явно рязанским лицом. (Всех своих покупательниц он, как вы поняли, называет Сарами.)

– Мне бы бычков парочку на уху, – вздыхает та. – Мужу в больницу... Такой мало-приятный диагноз...

– Ой, перестань! – отмахивается Жора. – Скажи своему Изе, пусть не берет в голову! Разве эти врачи что-нибудь соображают?! Даже самый умный из них, академик Филатов, и тот почему-то работал сразу в двух направлениях: улучшал людям зрение и изобретал эликсир для продления жизни. Слышишь?! Как будто бы непонятно, что в нашей стране чем человек меньше видит, тем он дольше живет...

– А ты что стоишь, Сарочка? – обращается он уже к другой покупательнице. – Тебе почистить твоего судака?

– Но это же, наверно, дорого...

– А что, твой Изя приносит тебе мало денег? Так я тебя сейчас научу, как увеличить их количество. Берешь большую эмалированную кастрюлю или ведро, кладешь туда деньги, которые у тебя есть. Запомнила? Так. А потом бросаешь туда дрожжи... Давай я почищу за полцены.

– Нет, – говорит покупательница, – я уж как-нибудь сама... Если вы не возражаете...

– Да я-то не возражаю, – говорит Жора. – Сама так сама. А вот рыба этого не любит. Она любит, чтобы шкуру с нее снимал профессионал. А готовить хоть ты умеешь, Сарочка? Или тоже как-нибудь?

Женщина смущенно молчит.

– И как вам это нравится?! – возмущается Жора. – Ни шкуру снять она не умеет, ни приготовить. Зачем же так издеваться над бедной рыбой? Ну скажи, женщина, тебе бы понравилось, если бы с тебя снимал платье какой-нибудь недотепа, который не только не умеет его снимать, но, кроме того, еще и не знает, что делать с тобой дальше?.. Хорошо. Я почищу тебе бесплатно. И еще подарю рецепт, приготовь по нему своему Изе фаршированную рыбу. Надеюсь, ему понравится. Во всяком случае, выплюнуть ее он всегда успеет.

– Боже! Какая роскошная Сара! – застывает Жора перед очередной покупательницей. – А с каким вкусом одетая: зеленые рейтузы, красная кофта, желтый берет – просто какой-то павлин, честное слово!

– Не забывайте, Жора, что вы женатый человек! – окликает его торговка с соседнего лотка.

– Но я же только смотрю, – отвечает ей Жора. – Конечно, я помню, что я женат. Но можно подумать, если человек на диете, так что, он уже не может посмотреть в меню?.. В жизни не видел такой красоты, – продолжает он любоваться клиенткой, разделявая ей огромную рыбину. – Хотя, как говорится, *omnia praeclara rara et fronti nulla fides*¹.

– Вы знаете латынь? – удивляется кто-то из очереди.

– А как же? – обижается Жора. – Я же учился в Ватиканском университете вместе с папой римским.

– Как разделявать камбалу? – ехидничает очередь.

– Нет, – строго отвечает Жора. – В Ватиканском университете я изучал латынь. А как разделявать камбалу – это я там преподавал. У меня, между прочим, и здесь есть ученики, – указывает он на трех молодцов, работающих рядом. – Правда, они способны только на то, чтобы отрезать рыбы хвосты и головы. Раньше учеников было больше. Но кто ушел в украинский бизнес, кто в украинскую политику... Остались самые толковые.

– Дядя Жора, – спрашивает один из учеников, – а какая все-таки разница между глосью и камбалой? И одна плоская, и другая...

– Ну как же, – разъясняет Жора, – камбала – это большая рыба, килограммов на пять, а глось – маленькая, граммов на двести.

– А может глось вырасти до размеров камбалы? – интересуется ученик.

– Ну если правильно настроить весы... – отвечает учитель.

Одесское солнце, устав от собственного жара, падает за корпус «Фруктового пассажира». Очередь постепенно тает. И я подхожу к Жоре, чтобы поговорить «за жизнь».

– Меня здесь считают самым умным человеком на весь Привоз! – хитро щури свои иудейские глаза, говорит Жора и смахивает с прилавка рыбную чешую. – А знаешь, как это получилось? Ну, самыми умными на Привозе вообще всегда считались евреи. И вот несколько лет назад все они стали подходить ко мне и спрашивать: ехать им в Израиль или нет? И всем я говорил – да! Обязательно. Они и решили: раз такой неглупый еврей, как Жора, говорит нам, что надо ехать, – значит, надо ехать. И уехали. А я остался. Ну откуда же им было знать, что я албанец? Теперь я здесь самый умный.

– А сейчас к вам приходят за советами? – спрашиваю я.

– Бывает, – кивает Жора. – Вот вчера приходил один из мясных рядов. «Что мне делать, Жора? Я обидел мать, места себе не нахожу...» – «Во-первых, – говорю, – пойдешь и немедленно извинишься. Нет такой обиды, которую бы мать не простила своему сыну. А во-вторых, перестань себя так уж сильно терзать. Смотри, Бог создавал человека целый рабочий день. Наверно, это и есть время, необходимое для создания человека. А тебя родители создавали максимум минут десять. Естественно, что ты получился немножечко недоделанным...»

– А секреты профессии перенимать ходят? – интересуюсь я.

¹ Все прекрасное редко и наружность обманчива.

– Стоял тут один целый день, – отвечает Жора, – смотрел, как я работаю. «Восхищаюсь, – говорит, – вашими умелыми руками. Как у вас все так ловко выходит: четыре удара – и хребет пополам. Еще четыре удара – и второй хребет пополам. У меня так не получается». «А кто вы такой?» – спрашиваю. «Массажист»... – Жора хитро подмигивает.

– А латынь вы что, действительно изучали? – пристаю я.

– Конечно, – кивает Жора, снимая свой брезентовый фартук. – Правда, не в Ватиканском университете, а, как все интеллигентные люди, в советской тюрьме. Но какое это имеет значение? Просто с моими данными в тюрьму было попасть значительно легче. Ну что ты на меня так смотришь? В пятидесятом году они меня взяли. Месяц держат, второй, а потом приходят и спрашивают: «Ну что, придумал наконец, за что ты у нас сидишь?» – «А что тут придумывать, – отвечаю, – за то, что у вас батя мой сидит уже восемь лет как албанский шпион». – «Так-то оно так, – говорят, – только это нам не подходит. Товарищ Сталин сказал, что сын за отца не отвечает». – «Ну это, – говорю, – он, наверное, про своего сына сказал». Тут они как обрадовались! «Так это же, – говорят, – совершенно другое дело». И вкатили мне сколько могли за оскорбление товарища Сталина... В общем, что теперь вспоминать! Сейчас все мои прокуроры и следователи уже давно пенсионеры, приходят ко мне за рыбой, и я им продаю, только толстолобик не рекомендую. Зачем? Если у людей и без того такие непробиваемые лбы, то куда им еще и толстолобик?

Быстро темнеет, мы с Жорой выходим с Привоза на Большую Арнаутскую улицу.

– Да, – говорю я ему, – жаль, что у вас все так нехорошо получилось. Вам бы в молодости учиться, а потом выступать на эстраде.

– Так я на Привозе выступаю уже сорок лет, – философски отвечает Жора. – Можно подумать, сильно большая разница. Особенно сейчас, когда все наши великие юмористы разъехались кто куда, и теперь, чтобы попасть на их концерт, нужно платить бешеные деньги, – так люди приходят ко мне и всего за несколько гривен имеют и свежую рыбу, и почти что свежую шутку. Ты мне другое скажи, – вдруг останавливается он, – придут когда-нибудь времена, чтобы мы жили по-человечески?

Я пожимаю плечами.

– А я вот верю. – И Жорины глаза опять загораются дурашливо-пророческим блеском. – У нас же такие люди! Вон в газете написано: «Девять месяцев донецкие шахтеры не получают зарплаты. И только теперь, на десятый месяц, они начали голодовку». А до этого что они ели, спрашивается? Да с такими людьми!.. Я тебе так скажу: чтобы в нашей стране настала хорошая жизнь, нужны две вещи – чтобы народ наконец начал работать, а правительство наконец перестало!

И, попрощавшись со мной, он уходит к своей семье.

На Большую Арнаутскую улицу опускается неопишуемая майская ночь. Падают звезды. И глядя на них, я оптимистически думаю, что, сколько бы их ни упало или ни закатилось куда-нибудь за горизонт, на нашем одесском небе их всегда останется более чем достаточно.

Вторая с половиной Фонтана

Хорошо живется сейчас нашим телезрителям. Интересно! У кого пять телевизионных каналов, у кого десять, а у кого и все двадцать шесть. Гуляй – не хочу. Сел вечером у телевизора, не понравилась передача – переключил на другой канал. И тут ерунду показывают – на следующий. Потом еще и еще... Смотришь, пора и на боковую.

Когда-то, в советские времена, в Одессе было всего два канала. Первый, московский, который смотрели все, и второй, одесский, который не смотрел никто. На этом канале я и трудился.

Возглавлять наш довольно большой и, в общем-то, не бездарный коллектив партия направила человека, которому сам Бог велел быть тележурналистом. Дело в том, что у него был какой-то странный дефект речи. А может быть, даже и психики. Если обычные люди в разговоре стараются опускать так называемые слова-паразиты, такие как «ну», «в общем», «как бы это сказать», «как его», и изъясняются в основном при помощи существительных, прилагательных и глаголов, наш руководитель, высказывая свою мысль, наоборот, опускал существительные, прилагательные и глаголы и изъяснялся исключительно при помощи «паразитов». Эффект был потрясающий!

Мой первый приход на службу, помнится, совпал с редакционной летучкой. В небольшой, сильно прокуренной комнате сидели человек пятьдесят. Перед ними стоял руководящего вида мужчина и, строго глядя на собравшихся из-под кустистых бровей, говорил примерно следующее:

– От это... Знаете ли... Не то чтобы... Ну как бы это сказать... Вот... А... В общем, конечно... Как его там... Ну... Вы меня понимаете!..

Самым поразительным было то, что его действительно понимали.

– Вот правильно учит нас наш уважаемый Владлен Александрович! – вскочила сразу после его выступления очень пожилая и очень дородная дама с юношеским пушком над верхней губой (как выяснилось впоследствии – редактор передач для старшекласников Фира Аркадьевна Казанская). – Сейчас мы как никогда обязаны сильно улучшить качество своих передач! Только так мы сможем заслужить любовь и уважение нашего зрителя!..

«Это какого еще зрителя? – подумал я. – Откуда это у нас зритель?..»

Оказывается, я ошибался. Зритель у нас, оказывается, был. Правда, один. Звали его Степан Митрофанович Перебейнос. Он работал инструктором городского комитета партии и получал свою зарплату исключительно за то, что с утра до вечера смотрел наши передачи. С целью недопущения и контроля...

Вот в этом, оказывается, и была вся загвоздка! Любое отступление от вкусов Степана Митрофановича, от его глубокого понимания, что и когда нужно показывать людям по телевизору, грозило нашей студии самыми серьезными неприятностями. Впрочем, за годы совместной работы студийцы так изучили запросы своего зрителя, что какие бы то ни было пробои здесь были практически исключены.

Каждый день мы начинали свое вещание с захватывающей телепрограммы под названием «Битва за урожай», в которой очередной председатель колхоза докладывал нашему единственному зрителю, что «у прошлом годе, несмотря на героические усилия, наш коллектив не смог перевыполнить своих социалистических обязательств, потому что той год був сыльно холодный и усэ чысто помэрзло. Совсем по-другому обстоят дела в этом годе, который не такой холодный, як той, а, наоборот, теплый, и потому у нас усэ чысто згорело!..» Такие объяснения Степана Митрофановича устраивали. Правда, иногда он делал нам замечания.

Однажды, помню, по студии разнеслась страшная весть: зритель нами недоволен. Вчера в передаче на атеистическую тему он услышал фразу: «Начиная с тысяча девятьсот семнадцатого года в нашей стране, слава Богу, нет никакого Бога!» Она показалась ему двусмысленной...

– Ой, я вас умоляю, – отмахивался редактор этой передачи Лопушанский, – так завтра мы скажем, что Бога у нас нет не с тысяча девятьсот семнадцатого года, а вообще никогда не было, и не только в нашей стране, но и за рубежом, и за это не слава Богу, а слава КПСС!..

– А вы не боитесь? – спросил я у него.

– Кого?

– Бога. Вы что, действительно так уверены, что его нет?

– Перестаньте, молодой человек, – ответил Лопушанский. – Я уверен, что если он и есть, то он не то что нас – он и московские передачи не каждый день смотрит! Главное, чтобы Степан Митрофанович был доволен...

Конечно, для нас это было главным. Но так уж устроен человек, что ему всегда не хватает своего счастья. Ему хочется большего. Нам, например, хотелось, чтобы нас смотрели миллионы! И однажды судьба дала нам такой шанс.

– Слыхали?.. Слыхали?.. – прокатилось по студии. – Владлена Александровича вчера вызывали в обком. К самому товарищу первому!.. За очередные заслуги в сельском хозяйстве нам предоставлена высокая честь участвовать в первомайском «Голубом огоньке»!.. Прямое включение в прямой всесоюзный эфир!.. Целых четыре минуты!.. Сами находим героя, артистов, которые будут его чествовать... В общем, все как положено...

И началось. Телевизионное начальство из Москвы звонило по нескольку раз на день: «Вы понимаете, какая это ответственность? Вас будут смотреть сто пятьдесят миллионов человек! Впрочем, черт с ними, с этими ста пятьюдесятью миллионами... Но кроме них вас будут смотреть еще девять человек – членов Политбюро, а это уже более чем серьезно!.. Город у вас в национальном отношении сложный. Так что вы уж найдите там у себя героя, фамилия бы которого, так сказать, отражала... Точнее, не отражала... Короче, вы понимаете, о чем мы говорим?!»

Конечно, мы понимали... Ну кто же не знал, что наше высокое руководство относилось к людям определенной национальности, точнее говоря, к евреям, ну, скажем, так же, как к определенным частям человеческого тела. Просто избавиться от них вроде бы невозможно, потому что организм без них станет хуже работать, но рассказывать о них по телевизору... А тем более показывать...

Короче, мы нашли нужного человека. И фамилия у него была замечательная – Трандасир. Он был комбайнер и вообще очень хороший парень. Правда, разговаривал он еще хуже, чем наш Владлен Александрович, но в данном случае от него это и не требовалось.

– Ты только не нервничай, Коленька! – суетились мы вокруг нашего героя за несколько минут до включения. – Тебе почти ничего не нужно будет говорить... Все скажет Наташа – наша ведущая. Только в самом конце, когда она вручит тебе ключи от нового трактора, ты скажешь: «Спасибо вам за приз!» Запомнишь?

– Угу, – сказал Коля.

– Пять минут до эфира! – закричал режиссер. – Давайте порепетируем!

– Дорогие друзья! – начала наша пышногрудая красавица Наташа, тоже сильно волнуясь. – Сегодня я хочу познакомить вас с замечательным трандасиром товарищем Комбайнером... то есть замечательным комбайнером товарищем Трандасиром...

Пока она говорила, Коля, напряженно уставясь на вырез ее довольно-таки открытой блузки, почему-то начал краснеть...

– А сейчас, дорогой Николай, – закончила Наташа, – разрешите вручить вам ключи от нового трактора!

Коля молчал.

– Ну!.. – зашептали мы. – Говори же «Спасибо...»

– Спасибо... – просипел Коля.

– Вам... – подсказывали мы.

– Вам... – проговорил Николай, не отрываясь от Наташиного выреза.

– За...

– За бюст! – неожиданно брякнул Коля.

– Стоп! – заорал режиссер. – Какой еще, к черту, бюст?! При чем тут бюст?! «Приз» – нужно сказать! Понимаешь? Приз!.. Десять секунд до включения. Приготовились...

– Вы... Это вот самое!.. – строго проговорил Владлен Александрович. – Не то чтобы, знаете... Ну как бы это сказать... А лучше, ну как его там... В смысле... Ну вы меня понимаете...

– Что это он говорит? – спросил я Фиру Аркадьевну.

– Он говорит, что Коле вообще ничего не нужно отвечать. Пусть говорит только Наташа. Это наше единственное спасение!

– Эфир! Мы на первой программе! – панически закричал режиссер.

И дальше все пошло как по маслу. Наташа прекрасно рассказала о том, какой Коля замечательный комбайнер. И как он в этом году скосил в два раза больше, чем посеял. Потом вручила ему ключи. Потом скрипач стал играть в его честь музыкальное произведение. А пока он играл и камера брала скрипача, к креслу ведущей подполз мальчишка помреж с наушниками на голове и быстро проговорил:

– Москва в восторге! Им очень понравилось! Просят назвать фамилии создателей сюжета!..

– Не!! – шепотом закричал Владлен Александрович. – Ой!.. Ну как бы это сказать!.. Опа!!

Но было уже поздно. Камера взяла ведущую. И она, наивная наша красавица, купаясь в лучах всесоюзной славы, произнесла:

– А теперь Одесса прощается с вами. И мне остается только сказать, что сюжет о комбайнере Трандасире для вас подготовили и провели журналист Шварц, режиссер Кац, оператор Лидерман, звукооператор Либерман, а также скрипач Шнеерзон, который исполнил фрагмент из скрипичного концерта Мендельсона...

Включение закончилось. Нас вырубили из эфира.

– Это конец! – охнул кто-то в наступившей тишине.

– Хай бы вин уже лучше про груды сказав! – произнес Владлен Александрович, может быть, первую за всю свою жизнь внятную фразу.

На следующий день разразился скандал. Степана Митрофановича сильно понизили и отправили в родное село, где теперь уже под его чутким руководством «усэ чисто горило и мэрзло».

Владлена Александровича опять вызвали к самому товарищу первому, и он оттуда уже вообще никогда не возвратился.

Все остальные остались на своих местах. И только я через какое-то время уволился по собственному желанию. Хотя и грустно было расставаться с этими уже полюбившимися мне людьми. И с этой студией, окруженной, как сейчас вспоминается, какими-то вечно цветущими каштанами в парке на второй с половиной станции Большого Фонтана, среди которых, убежав с очередной летучки, так весело было гулять вдвоем с красавицей Наташей. Ушел, оставив среди этих каштанов, как говорится, частицу своей души, в попытке сохранить в ней в целостности хотя бы все остальное...

Сапоги всмятку

Человек вообще такое удачное создание, что, где бы он ни жил, пусть даже в раю, он все равно рано или поздно доживет до очень крупных неприятностей.

Казалось бы, уж до чего спокойное место Одесса – и ближайший вулкан находится неизвестно где, и до ближайшего рассадника чумы, специалисты говорят, пока долетишь, так уже вообще ничего не хочется... И что же? За сорок лет жизни в этом тишайшем городе я лично пережил пять землетрясений, три эпидемии холеры, шесть полных обледенений деревьев и проводов, а также одну советскую власть, которая, как известно, принесла этому городу больше неприятностей, чем все вышеперечисленные катаклизмы, вместе взятые...

Первое землетрясение застало меня в городской больнице. Надо сказать, больницы тогда, в семидесятые годы, были не то что сейчас. То есть не в том смысле, что лучше лечили, а в том, что попасть туда было невозможно. Разве что по знакомству. Это сейчас наш человек ложится в больницу только тогда, когда у него уже, извините, остается всего лишь два места, куда он может лечь – или в больницу, или на кладбище. А в те времена... Две-три недели за счет государства, да еще с сохранением заработной платы!.. Здоровые завидовали! И врачи тогда были не в пример нынешним... Светилы!

– Уж как мы вам благодарны, профессор! Так благодарны!.. – суежилась, бывало, какая-нибудь гражданка, воровато оглядываясь по сторонам и незаметно всовывая пухлый конверт в вяло сопротивляющуюся руку профессора. – Ну неужели не помните? Вы же нашего дедушку консультировали!

– А, ну конечно... Возможно... М-да... И как он, живой?

– Нет, ну зачем же... Дело не в этом. Просто мы его до вас уж кому только не показывали, и все нам говорили по-разному. Одни – что это у него менингит, другие – что грыжа, одни – что так его нужно лечить, другие – что этак, и только вы как посмотрели на него, так сразу и определили: «К Новому году помрет!» И точно, к Новому году! Можно сказать, под бой кремлевских курантов! Что значит опыт!..

Но вернемся к землетрясению. Итак, морозным февральским вечером, а точнее, ровно в девять часов, телевизор «Электрон», стоявший в углу нашей палаты, начал было показывать программу «Время», но вдруг затоптался на своих длинных ногах, вышел в центр палаты, произнес там что-то торжественное типа: «С небывалым подъемом весь советский народ воспринял сообщение о досрочном окончании отопительного сезона...» Потом осекся, вернулся в угол и, застенчиво повернувшись к стенке, замолк навсегда.

Потом треснул потолок, и закачались стены.

– Зэмлэтрус, – равнодушно произнес мой сосед по палате, – я у Ташкэнте такое бачыв. Не обращайтесь внимания.

– То есть как это не обращайтесь?! – заволновались остальные соседи. – Мы же на пятом этаже! А если оно все рухнет к чертовой матери? Нас же поубивает!

– Необязательно, – отозвался первый сосед. – Мне у Ташкэнте розказувалы, что если стать у дверной проем, то бувалы случаи, что и не убивало. Хотя лично я у Ташкэнте такого нэ бачыв...

Мы выскочили в коридор. Там уже царило необычайное для реанимационного отделения оживление. Лифт, конечно же, не работал, и все наши больные, человек пятьдесят, штурмовали узкую дверь, ведущую на лестницу.

– Женщин пустите вперед! – кричала какая-то могучая больная, расталкивая всех, в том числе и женщин. – Да пропустите же, мужчина, я вам говорю! Ишь нахальный какой! И с ног его не собьешь, а еще язвенник называется!

Но тут нас тряхнуло, мы вывалились на лестницу и всем отделением покатались вниз. На четвертом этаже к нам присоединилась загипсованная толпа из травматологии. На третьем – группа мрачных субъектов из нервного отделения.

– Лежачему дайте пройти! – кричал кто-то из травматологии, ловко скача по лестнице на костылях и тараня толпу высоко поднятой ногой в гипсе. – Лежачего пропустите немедленно, а то я вас тут всех положу!

– И не стыдно вам? – отвечали ему. – Вы бы вот с психов брали пример. Какие интеллигентные люди! Не орут, не толкаются.

– Ага, интеллигентные!.. – обижались больные из нервного отделения, завистливо глядя на загипсованного. – Вам бы вот тоже каждый день по двадцать уколов успокоительного в задницу вкалывали, так и вы бы интеллигентами стали...

Больницу опять тряхнуло, и тут, уже на втором этаже, я увидел единственного человека, которого все происходящее приводило в полный восторг. Это был заведующий отделением хирургии. Дело в том, что он недавно защитил диссертацию, в которой доказывал, что советский больной уже на второй день после самой тяжелой операции может вставать, а на третий – идти на работу. И все бы хорошо, вот только больные после его операций никак не хотели вставать ни на второй день, ни на десятый, а некоторые и вообще. То есть не понимали люди, какой народно-хозяйственный эффект может дать такое открытие. Поэтому сейчас, глядя на своих пациентов, которые, придерживая руками трубки, торчащие из животов, высказывали на лестницу, врач ликовал.

– Значит, все-таки можно вставать, если понадобится?! – спрашивал он. – Все-таки можно?! И это правильно, потому что все может наш человек! Ничего, вы у меня и работать скоро начнете как миленькие!

– А вот это уже дудки! – отвечали ему. – Это нас никакое землетрясение не заставит.

Больницу вновь сильно тряхнуло, и мы покатались на первый этаж. Но главный удар нас ожидал именно там. Входная дверь, единственная на всю больницу, она же наша единственная надежда на спасение, оказалась закрытой. Снаружи. На огромный висячий замок. Это вахтерша Надя при первом же подземном толчке убежала домой, предусмотрительно закрыв нас на замок. Она справедливо рассудила, что если мы вместе с вверенным ей больничным имуществом исчезнем под обломками, то виновато будет землетрясение, а вот если мы с этим имуществом разбежимся кто куда...

В общем, мы волной накатились на закрытую дверь и разбились об нее, как прибор, поседевший от ужаса. Тогда мы бросились к висящему рядом телефону, тоже единственному на всю больницу, и стали дозваниваться домой, чтобы передать последний привет своим родственникам. А заодно убедиться, что хотя бы они не пострадали от этой стихии. Опять образовалась давка.

– Женщин пропустите вперед! – снова расталкивала всех дама – борец за права женщин. – Я за своих родственников, может быть, больше вас всех переживаю. Мы ж в девятиэтажном доме живем!

– Все в девятиэтажном! – отгаскивали ее от телефона.

– Так наш же построен мимо фундамента! Они там спешили к какому-то празднику. А говорила я им: «Почините дом!» Все исполкомы обошла – и обл-, и гор-, и рай, и ад!.. Вот они уже у меня где, эти исполкомы! В печенке сидят. Недаром же она у меня такая увеличенная. Ой, мне нехорошо! Пустите скорей позвонить, а то вы меня сейчас вообще потеряете!

Ее пропустили – и она не дозвонилась.

А в это время вокруг все начало как-то успокаиваться. Подземные толчки прекратились, многие из нас, в отличие от дамы, дозвонились домой, выяснили, что и там, слава Богу, ничего страшного не произошло, и уже начали расходиться по палатам, и только она, время от времени прорываясь к телефону, все крутила и крутила диск изувеченного автомата.

– Ой, люди добрые! – причитала печеночница. – Не отвечает никто! Наверное, одна я теперь на всем белом свете!.. Люся, – обратилась она к своей соседке по палате, которая уже собиралась подниматься на пятый этаж, – я тебя очень прошу, там у меня под кроватью лежат югославские сапоги. Почти еще новые. Теперь это единственное, что у меня осталось в жизни. Так ты выбрось их в форточку. Эта придурочная Надька-вахтерша, наверное, сейчас придет, откроет дверь – и тогда я их сразу надену и побегу к себе на родные развалины. Может, еще удастся спасти что-нибудь. Ну пусть не из родственников, так хоть из одежды!

Люся ушла наверх, а толпа у телефона все редела и редела. Даже заведующий хирургией дозвонился-таки через соседей по коммунальной квартире вахтерше Наде и приказал ей немедленно прийти на работу. На что вахтерша ответила ему, что в гробу она видела ту работу, и вообще из своей квартиры выходить не собирается. Потому как, если уж ей суждено, чтобы ее прибило землетрясением, так только вместе с соседями...

И тут наконец повезло нашей великомученице. Причем еще как! То есть она не просто дозвонилась домой, но оказалось, что и дом ее не только не развалился, а даже, наоборот, укрепился как никогда, поскольку в результате толчков встал наконец на фундамент.

– Ну слава тебе, господи, – сказала она, – пойду, пожалуй, прилягу!

Но тут кто-то закричал:

– Смотрите!

Мы повернули головы и увидели сквозь застекленный кусок фасадной стены больницы, как мимо всех этажей – от самого пятого до самого первого – летят и в конце концов шлепаются на землю с той стороны закрытой двери почти еще новые югославские сапоги. Вот тут-то, впервые за все землетрясение, я увидел, как выглядит настоящий человеческий ужас. Яркими, хотя и на глазах бледнеющими красками он был изображен на лице владельца этих сапог. Было где-то около часа ночи.

Дальнейшее мы узнали со слов верной Люси, которая вскоре спустилась с пятого этажа и затем помогала несчастной, глядя в окно, сторожить лежащие на улице сапоги уже до самого рассвета. Несколько раз за ночь к сапогам подходили местные жители и собаки. И посягали! Но в этот момент хозяйка начинала так истерически биться в окно, всем своим видом показывая, что стоит ей вырваться наружу, и она растерзает все живое, что злоумышленники в панике отступали. Потому что всех на этом свете больше всего пугает непонятное. А в этой ситуации было непонятно все: если этой странной даме так нужны ее сапоги, то почему она не взяла их с собой в помещение, а, наоборот, разулась на улице и даже заперла за собой дверь? Если же они ей вообще не нужны и она решила их выбросить, то что же она теперь так волнуется?

Только утром пришла Надина сменщица, и все наконец окончилось благополучно. Более того! На следующий день при обходе выяснилось, что после этой страшной ночи печень у нашей героини стала нормальных размеров. И вообще ее скоро выписали.

Вот, собственно, и все... М-да... И что мы хотели этим сказать? Вот разве только то, что никакие землетрясения, как и другие, более страшные катаклизмы, нам вообще не страшны. Скорее наоборот. Они пробуждают в нас какие-то нечеловеческие силы, которые, может быть, только и дают нам возможность жить. Даже тогда, когда никаких человеческих сил уже не хватает. А значит, никакими стихийными бедствиями нас испугать нельзя. Можно только порадовать.

Пьяный переулоч

Мы живем в плену предрассудков. Вот говорят: литр спирта – смертельная доза для человека. А кто проверял? Никто. Иностранцы – потому что боятся. Наши – потому что денег не хватает... Так что смертельная она или нет – еще не известно. Может, даже наоборот. Тут один пьяный человек с девятого этажа свалился. На трезвого человека. Так что бы вы думали? Трезвого в травматологию отвезли, а пьяному хоть бы хны! Так это он после пол-литра водки свалился. А если бы после литра? Да еще спирта?! Так где бы он тогда уже был, этот трезвый?..

В общем, неясно что-то с этой смертельной дозой. Может, она как раз раскрывает в человеке какие-то невероятные способности? Надо бы эксперимент провести.

Хотя что я темню... Был такой эксперимент, был! И результаты он дал просто необыкновенные!..

Все началось с того, что в гастроном на углу Мукачевского переулоча завезли «Біле міцне». Помните, было такое вино когда-то? Жутковатый напиток. Тот, кто не пил – тот помнит. А тут еще какой-то чудаковатый на базе что-то напутал, и в накладной на это вино в графе «цена» поставил прочерк не перед словом «коп.», а перед словом «руб.». А единицу – не перед словом «руб.», а перед словом «коп.». Получилось, цена бутылки – копейка.

Продавщица заподозрила было что-то, но потом махнула рукой: это что, ее магазин?.. И началось!

Жители Мукачевского, бывало, это вино и по рублю моментально расхватывали. А тут ящиками понесли! «Видимо, это у них там, наверху, или коммунизм начался, – размышляли они, – или конец света. Во всяком случае, что-то такое, что долго продолжаться не может. Так что нужно успеть...»

Целую неделю Мукачевский переулоч пил не переставая. Но в конце концов у Саввы, Славы и Павы – трех алкашей, известных даже в Мукачевском переулочке под прозвищем Три Поросенка, копейки кончились раньше, чем в гастрономе бутылки. Тогда Пава вспомнил, что ему на фабрике слепых, где он числился сторожем, к Международному дню солидарности трудящихся, наверное, положена премия. Вспомнив это, Пава уселся на буфер пятого трамвая и поехал на фабрику. А Савва и Слава легли под скамейку на трамвайной остановке и начали ждать.

Прошло два часа. Потом еще несколько. Пава не возвращался. Савва и Слава стали уже трезветь и даже завокнувались. Но тут часы на одесском вокзале показали роковое число семь, и Павины приятели поняли, что волноваться уже бессмысленно, потому что наверняка произошло самое страшное.

Была только одна причина, способная помешать их другу вернуться до закрытия гастронома, в котором «Біле міцне» продавалось по одной копейке. И причиной этой могла быть только Павина смерть.

Весть о кончине Павла мигом разнеслась по Мукачевскому переулочу. И уже через несколько минут Савва и Слава во главе такой же еле держащейся на ногах делегации от скорбящей общественности ввалились в комнату старухи Кузьминичны – единственной Павиной родственницы.

– Давай, Кузьминична, это... доставай, что ты там накопила за свою трудовую жизнь! – волновались они. – Будем поминки устраивать. А то не по-христиански получается: такого человека, можно сказать, потеряли сегодня, а пьем как в обычный день!..

– А вот хрена вам лысого! – возразила старушка, потягивая «Біле міцне». – Поминки им устраивай до похорон! А может, Пава и не помер совсем? Подумаешь, человек к закрытию

гастронома не пришел! Так чего ж сразу «помер»? Мало ли что?.. Не пришел... Может, его просто паралич разбил? Или трамваем ноги отрезало?.. Чего ж сразу плохое-то думать?!

Но тут с недопитой бутылкой «Білого міцного», торчащей из кобуры, явился местный участковый по фамилии Гвоздь, и кое-что начало проясняться.

– Бабка! – заговорил он. – У тебя, я слышал, племянник сегодня пропал. А мне в рай-отделе сказали, что они там три дня назад труп какой-то нашли у себя перед окнами. Так, может быть, он?

– Ну вы даете!.. – засомневалась бабка. – Сегодня пропал... Три дня как нашли... Разве ж такое бывает?

– Бывает, – подтвердили Савва и Слава. – В милиции это часто бывает... Ты же пойми: если бы они его сегодня нашли, то есть в тот день, когда его убили, то это у них называется «оперативное раскрытие преступления»... А если за несколько дней до того, как его убили, – тогда это у них называется «профилактика»...

– Понимают, ханурики! – похвалил их Гвоздь. – А тебя, бабка, начальство теперь вызывает. Посмотреть. Опознать.

– Не пойду! – испугалась Кузьминична. – Я на него и при жизни смотреть не могла. А уж в таком состоянии... Боюсь!

– И напрасно, – сказал участковый. – Чего тут бояться? Лежит он себе тихий, спокойный... Правонарушений не совершает. Любо-дорого посмотреть... Если бы у меня на участке все уже были такими, так я бы и горя не знал!.. Только он зеленый какой-то...

– Значит, Пава, – твердо сказала старушка. – Это вам и любой подтвердит. Он у нас в переулке один такого зеленого цвета был. Потому что все остальные синие. Так что ты, Гвоздь, так и передай своему начальству, что это Пава и есть. Мол, ни покойник, ни родственники не возражают. А мы тебе за это взятку дадим!

– Советские милиционеры с мертвых взяток не берут! – гаркнул участковый. – Это нам и начальник каждый день говорит. Хотя нет... Он, кажется, говорит: только с мертвых не берут... Ну хорошо, Пава так Пава. Значит, так мы и зафиксируем. Тем более и товарищи его по работе опознали. Говорят – он.

– Так они же слепые! – изумилась Кузьминична. – Как же это они могли опознать?

– А они по телефону, – объяснил участковый.

– В общем, хватит резину тянуть! – засуетились Савва и Слава. – Пора, Кузьминична, столы накрывать. Только учти, это тебе не именины какие-нибудь. Поминки – это такой праздник, который бывает у человека только один раз в жизни. Так что тут «Білим міцним» не отделаешься. Водка нужна... Значит, смотри: придет человек двести пятьдесят. То есть весь переулок. Если не считать дряхлых стариков и малых детей, получается, нужно двести бутылок.

– А если считать малых стариков и дряхлых детей? – спросила Кузьминична.

– Получается еще пятьдесят.

– Та на шо ж это я куплю такое богатство! – испугалась старушка.

– А ты Павину комнату в коммуналке продай, – подсказал Савва. – Вон богатые Парасюки давно на нее зарятся.

– Заримся! Мать... перемать... – выступил вперед толстенный Парасюк. – Она аккурат к нашему санузелу примыкает, комната эта. Так мы с женой сильно мечтаем столовую в ней себе оборудовать, чтобы, значит, если приспичит, от еды недалеко отходить. Мы тебе за нее не то что двести пятьдесят – мы триста бутылок дадим! Правда, не водки, а самогону. Так что тебе не то что на поминки – вообще до конца твоих дней хватит...

Бабка быстро прикинула в уме, сколько самогону ей нужно до конца ее дней, и запрочила еще четыре бутылки. Ударили по рукам.

И тут же, как по команде, еле держащиеся на ногах жители Мукачевского вытащили из своих домов такие же еле держащиеся на ногах столы и табуретки и накрыли прямо посреди улицы огромный криво стоящий стол. Немыслимых размеров Парасюк поднялся из-за него со стаканом мутной жидкости в кулаке и, обведя собравшихся еще более мутным взглядом, торжественно прокричал:

– Горько!..

Возникло недоумение.

– Горько!.. – повторил Парасюк.

Савва и Слава растерянно поцеловались.

– Э... Харитон! – одернула тамаду Парасючка. – Кого это ты тут женишь? Покойника, что ли?

– Горько осознавать... – гнул свое Парасюк.

Но мысль о свадьбе уже воспламенила Павину сожительницу Галу по прозвищу Студебеккер.

– И на кого ж ты меня покинул, голубь мой сизорыл... это... сизокрылый! – заголосила она, упавшая необъятной грудью в салат «оливье». – Ой, положите ж меня немедленно до него у гроб!..

– А вот тебе дулю! – разозлились Савва и Слава. – Коза ненасытная! Ты и при жизни, бывало, каждую минуту норовила до него у койку залезть. А теперь и в гроб норовишь!.. Дай уже человеку хоть там полежать без движения!

– Действительно, Гала... – всплакнула пьяненькая Кузьминична. – При мне бы хоть постыдилась! Вот у меня горе так горе. Мне моего любимого племянника никто не вернет. А тебе я таких козлов, как он, хоть сто человек в день предоставлю, только деньги плати. Ты мою таксу знаешь...

Потом Мукачевский переулочек пил, дрался, мирился и снова пил почти до рассвета. А потом появился Пава в белых одеждах.

– Мы что, уже в раю? – спросил у него кто-то из тех, кто еще мог говорить.

– Ну вы так точно в раю, – ответил Пава. – Где же еще может быть такая житуха? И солнце еще не взошло, а вы уже лыка не вяжете. А вот мне, между прочим, в медвытрезвителе никто и стакану портвейна не дал. Еле сбежал из этого страшного заведения. В одной простыне.

И, вырвав у какого-то зазевавшегося подростка початую бутылку самогона, Пава осушил ее в три глотка.

И вот тут, оказывается, все только и началось по-настоящему. Весь следующий день и всю следующую ночь бурлил в Мукачевском переулочке голубоватый самогонный поток. Пили за упокой души Павы первого и за чудесное появление на свет Павы второго. За новоселье Парасюков и в знак солидарности с борющимся народом Африки...

Этой ночью была наконец преодолена та самая пресловутая норма, установленная строгой наукой для человека: литр чистого спирта на одно выпивающее лицо. Причем преодолена многократно.

И начались поразительные явления.

Открыл было рот Парасюк, чтобы в очередной раз вспомнить мать-перемать, но вместо этого полились из его рта волшебные звуки теноровой арии композитора Доницетти из оперы «Лючия ди Ламмермур».

А Савва и Слава вдруг пододвинули к себе замасленный лист бумаги из-под селедки и стали решать на нем теорему Ферма, которая, как известно, вообще не имеет решения. И тоже справились очень быстро. Хотя оба они еще в третьем классе начальной школы по состоянию здоровья были освобождены от математики.

А потом заговорил участковый Гвоздь. Причем на чистейшей латыни. И изложил на ней основы римского права. А старая сводня Кузьминична поддакивала ему: мол, правильно говоришь, Гвоздь, *tantum morale legitimum est*, то есть законно только то, что нравственно...

...А Парасюк все пел, наполняя Мукачевский переулок своим невероятным тенором. И, вторя ему, грянуло откуда-то с неба бессмертное доницеттиевское *tutti*. И волны сладостных скрипок подхватили Парасюка, а вместе с ним и других обитателей Мукачевского, и унесли куда-то в светлеющие небеса. А может, и не полностью обитателей, а только их души, в которых рачительная природа хранила за семью печатями талант, ум, любовь и честь ввиду абсолютной ненужности этого всего в нашей обыденной жизни. И что проявляется в нас только в минуты высшей опасности. Например, если мы видим перед собой какого-нибудь агрессора. Или если выпьем литр чистого спирта.

Стоматологический детектив

Бойцам подпольного трудового фронта посвящается наш рассказ. Героям, которые, несмотря на суровую статью «О нетрудовых доходах» (а была такая в советском уголовном кодексе), продолжали все же в тяжелых домашних условиях производить штаны, которые, в отличие от изготовленных на государственных предприятиях, все-таки можно было натянуть на себя, не отпугивая при этом людей и животных. Хотя производство таких штанов приравнялось тогда чуть ли не к измене Родине. Да разве только штанов!..

В 1979 году у меня заболел зуб. Родители запаниковали. Ну действительно, не отправлять же сына в государственную поликлинику. Как-никак, единственный ребенок в семье.

– Частник, и только частник! – настаивала пожилая соседка Розалия Фаликовна. – И у меня такой есть. Это не врач, а бог! Конотопский Илья Семенович. Принимает у себя на квартире каждое воскресенье после девяти часов вечера. Нужно сказать, что вы от меня. При себе иметь двадцать рублей – это гонорар, а также букет цветов и коробку конфет «Мишка на Севере».

– А это зачем? – удивился я, имея в виду цветы и конфеты.

– Он так велел. О котором я говорила! – произнесла Розалия Фаликовна, молитвенно подняв глаза к небу.

Из чего следовало, что она или действительно считала этого зубного врача богом, или была абсолютно уверена, что сам Господь Бог носит гордую фамилию Конотопский.

В назначенный час я с конфетами и цветами явился по указанному адресу.

– Ваня! Сынок! – закричал, открывая мне дверь, бритоголовый крепкий мужчина, похожий на слегка уменьшенную копию знаменитого борца Ивана Поддубного. – Я знал! Я чувствовал, что ты меня найдешь! – продолжал он шпарить цитатами из известного фильма, при этом подозрительно оглядывая меня, подъезд за моей спиной, а также улицу, ведущую к этому подъезду. – Какой прекрасный подарок к папиным именинам! Мой сын от первой жены! – кричал он. – Наконец-то ты у меня!..

– Вы ошибаетесь... – обалдел я. – Я у вас не от первой жены... Я от Розалии Фаликовны...

– Тсс... – зашипел мужчина, втаскивая меня в переднюю. – Вас что, не предупредили? В этом доме живет сто пятьдесят человек, и каждый из них хочет меня посадить. Но это еще полбеды! Хуже всего, что в соседней квартире живет финансовый инспектор Колокольников, который мечтает посадить весь этот дом! Поэтому – конспирация и еще раз конспирация! Вы пришли ко мне на именины. А это остальные гости. Близкие и друзья, – продолжал Конотопский, заводя меня в комнату, где за столом, уставленным шоколадными конфетами и тортами, сидели, с отвращением глядя на эти сладости, несколько человек с перекошенными от зубной боли физиономиями.

– Значит, вы, юноша, – повторил доктор, – мой сын от первого брака. Этот, – врач указал на человека в военной форме с флюсом во всю щеку, – допустим... э... муж моей жены от второго брака... Она, – ткнул он пальцем в жалобно стонущую старушку с челюстью, перевязанной шерстяным платком, – ну, скажем, мамаша. Зашла, так сказать, отпраздновать. Ну и, наконец, этот, – врач показал на громилу явно бандитского вида, физиономию которого украшали сразу два флюса, – допустим, друг семьи... Коллега из Академии наук. Все запомнили? А теперь, – неожиданно закричал Конотопский, почему-то глядя в потолок, – мы начинаем веселиться! – И тут же, обращаясь к нам, перешел на шепот: – Кстати, вас познакомили с условиями веселья... в смысле приема? Значит, никаких лекарственных препаратов и инструментов у меня в квартире, конечно, нет. Их могут найти при обыске. Поэтому

никаких зубов я у себя на квартире никому не лечу. Только удаляю. При помощи обычных плоскогубцев. Раскаленных над газовой плитой. Для дезинфекции...

– С нами крестная сила! – перекрестилась старушка. – Но это хоть неопасно?

– Почему? – удивился врач. – Держать у себя в квартире плоскогубцы имеет право каждый советский человек. Тем более газовую плиту. Так что тут я особой опасности для себя не вижу... Ну, удаляю я, как вы понимаете, без наркоза. И это, конечно, больно. Но кричать во время удаления категорически запрещается. Сто пятьдесят соседей... Финансовый инспектор Колокольников... Так что первый же крик моего пациента может оказаться для меня последним. Поэтому я вас сразу хочу спросить: вы петь умеете?

– Петь? – изумились мы. – А это еще зачем?

– Ну, это на случай, если кто-нибудь из пациентов все же не выдержит и закричит, – остальная очередь должна тут же запеть. Чтобы заглушить крик. В конце концов, у нас именины, и громкое пение, я думаю, не вызовет у Колокольникова серьезных подозрений. Есть какая-нибудь песня, которую вы все знаете? Что будем петь, товарищи?

– «Вставай, страна огромная!..» – предложил военный.

– Не подойдет, – забраковал Конотопский. – У нас все-таки именины, а не военный парад на Красной площади.

В конце концов сошлись на «Хороши весной в саду цветочки». И врач приступил к священнодействию.

– Няся! – шепотом закричал он кому-то. По-видимому, жене. – Неси инструмент!

Жена вынесла из кухни и установила в центре стола огромную сковородку с лежащими на ней раскаленными плоскогубцами.

– Нуте-с, с кого начнем? – поинтересовался доктор, надевая толстенную рукавицу. – Я думаю, с бабушки. Из уважения к ее преклонному возрасту. – И он потянулся за плоскогубцами.

– А-а-а-а!.. – сразу же заголосила старушка.

– Хороши весной в саду цветочки! – взвыли мы исступленными голосами.

И тут в прихожей раздался звонок.

– Странно, – удивился доктор, стаскивая рукавицу. – И кто бы это мог быть? На сегодня, по-моему, больше никто не записан...

– Я не хотела тебе рассказывать, – нервно заговорила жена Конотопского, – но этой ночью мне снился ужасный сон: огромная дикая свинья ворвалась в нашу квартиру, переломала всю мебель, разодрала ковер, а потом нагадила на туалетный столик...

– И при чем здесь?.. – пожал плечами врач.

– А при том, – сказала жена, – что я знаю, кто это пришел. Это Колокольников.

– А ну посмотри, – приказал доктор.

Жена выскочила в коридор – и тут же вернулась обратно.

– Это она! – проговорила мадам Конотопская, дрожа всем телом. – То есть он!

После чего на пороге возник лично сам этот великий и страшный Колокольников. Маленький, плюгавенький человек с серым лицом, по которому текли крупные детские слезы.

– Степан Митрофанович, дорогой! – бросился к нему Конотопский. – Боже, какая радость! Но что это с вами?!

– Зуб, – проговорил вошедший, тыча себе пальцем куда-то в рот. – Адская, нестерпимая боль!..

– Да быть такого не может, – изумился врач, недоверчиво разглядывая Колокольникова. – Вот я же и говорю: боже, какая радость... То есть я хотел сказать – значит, и с фининспекторами такое случается?

– А что ж, мы уже не люди, по-вашему? – обиделся фининспектор. – У всех, значит, могут зубы болеть, а у нас не должны?

– Нет-нет, – испугался доктор. – Вы меня неправильно поняли! Должны, конечно, должны! То есть я хотел сказать – вы больше чем люди! В том смысле, что зубы у вас должны болеть даже тогда, когда у всех остальных людей уже перестанут... Вернее... М-да... Ну, в общем, не важно... Я-то чем вам могу помочь?

– А то вы не понимаете!.. – замотал головой страдалец из проверяющих органов. – Вырвите мне этот чертов зуб – и дело с концом!

– То есть как это «вырвите»? – В голосе Конотопского прозвучало неподдельное возмущение. – На дому?! Но, по-моему, уже весь наш город знает, что я этой незаконной деятельностью не занимаюсь! Вот, например, у меня именины. Собрались самые близкие родственники, друзья. У всех, как видите, проблемы с зубами. У многих адская боль. Но никому из них даже в голову не придет попросить меня что-нибудь там у них вырвать! Сидим. Кушаем шоколадные конфеты. Закусываем тортами. Присоединяйтесь! Жена накрыла нам стол.

– Да уж я вижу, как она накрыла вам стол, – махнул рукой Колокольников. – А это тогда что? – указал он на дымящиеся плоскогубцы.

– А это... горячее, – сориентировалась жена Конотопского.

– Но что же мне делать?! Что делать?! – Колокольников заметался по комнате, подпрыгивая на каждом шагу от зубной боли. – Поликлиника откроется только завтра. В «Скорой помощи» мне положили мышьяк, но он меня не берет!

– Ничего удивительного, – прошептала за моей спиной жена Конотопского. – Если б уже мышьяк брал фининспекторов... Так мы бы в Одессе горя не знали...

– Господи! – взмолился измученный Колокольников. – У меня уже просто сил нет терпеть эту боль! Хоть бы мне кто-нибудь этот проклятый зуб... я уж и не знаю... хотя бы выбил!..

– А вот это любопытная мысль! – заинтересовался врач. – Я вам больше скажу, уважаемый: если бы речь шла о том, чтобы выбить вам глаз или, допустим, оторвать ухо, то здесь вы могли бы рассчитывать даже на меня. В конце концов, вы это заслужили! Но выбить вам зуб на дому – при моей специальности это может быть квалифицировано как незаконная трудовая деятельность. То есть десять лет с конфискацией имущества. Вот, может, товарищ военнослужащий согласится. Ну как, – обратился он к офицеру, – выбьете зуб этому товарищу? Вы же у нас, кажется, артиллерист, так что вы в домашних условиях не имеете права только стрелять по нему из пушки.

– Вообще-то да, – согласился военный. – Хотя выбивание зуба... Драка... Тоже может быть расценено как ведение боевых действий в нерабочее время...

– Хватит, Илья! – выступила вперед жена Конотопского. – Перестань издеваться над больным человеком. Ты же видишь, ему так хорошо плохо! Придется вырывать.

– Ты понимаешь, что говоришь? – занервничал Конотопский. – Как только ему станет лучше, он на нас сразу же донесет!

– Не донесу! – угасающим голосом заговорил фининспектор. – Вы думаете, я не вижу, что происходит? Профессор Бердников – наш сосед слева – по вечерам ремонтирует зажигалки. Балерина Шляпникова держит на балконе козу и продает этому профессору молоко чуть ли не целыми стаканами. Но я закрываю глаза на эти вопиющие беззакония! Надо же людям на что-то жить! Для меня соседи по нашему первому этажу – как близкие родственники. Разве я на них донесу? Я вообще благороднейший человек! И потом, что, в нашем доме второго этажа, что ли, нет? Или, допустим, третьего... Ой, мне совсем нехорошо... – И он закатил глаза.

– Вырывай! – скомандовала жена Конотопского. – Ну и пускай донесет. Мне уже надоела такая жизнь. Как говорится, лучше ужасный конец, чем этот бесконечный ужас.

И Конотопский вырвал Колокольникову зуб.

...Конечно, такую историю хотелось бы закончить каким-нибудь эффектным финалом. Типа: Конотопского арестовали уже на следующее утро. И в тот же день в газете появилась заметка о героическом подвиге инспектора Колокольникова, который пожертвовал единственным здоровым зубом, чтобы вывести на чистую воду подпольного рвача-миллионера...

Но жизнь оказалась мудрее наших умственных построений. На самом деле Колокольников не донес на Конотопского. Просто через четыре дня их арестовали обоих. Одного за нетрудовые доходы, а второго – за недоносительство. Была и такая статья в нашем уголовном кодексе.

И сделал это не кто иной, как та самая старушка с челюстью, перевязанной шерстяным платком, которую мы так вежливо пропустили без очереди. Потому что оказалась она не кем иным, как работником районной прокуратуры, выполнявшим в тот день специальное задание по установлению в нашем городе законности и полного правопорядка...

В общем, как говорил один мой знакомый, бывший владелец подпольной собачьей парикмахерской: вот так-то, дорогие дети! В суровые времена жили ваши родители, каждый день героически зарабатывая незаконные деньги, чтобы иметь возможность потом каждую ночь их героически перепрятывать. Так что откуда вы у нас появились, дорогие дети, – я, честно говоря, просто ума не приложу...

Грация Монолог одного пострадавшего

Живу я хорошо. Недалеко от города. Один в девятиэтажном доме. Ну не во всем, конечно, а только в одной квартире. Однокомнатной. На седьмом этаже. А так все удобства: там, плита газовая, туалет, совмещенный с умывальником... Хорошо...

Вот только белье сушить негде.

Короче, на балконах мы его сушим, это белье, будь оно трижды неладно!.. Из-за него все и случилось.

А дело-то как было? Выхожу я, значит, на свой балкон – и вижу: лежит там какая-то вещь. Ну явно, что не моя. То есть какие-то трусики женские сиреневого цвета, а сверху к ним еще и бюстгальтер пришит. Уже потом, в больнице, когда ко мне туда милиционер приходил протокол составлять, он мне сказал, что вещь эта грацией называется. А вначале я вообще ничего не понял. Откуда взялось? С неба, что ли, упало? Потом наверх посмотрел – точно... Прямо надо мной балкон восьмого этажа, а там на веревке какие-то женские вещички болтаются. Ну ясно, думаю. Значит, ветром снесло. Так, интересно, соображаю, и что же теперь мне с этой вещью делать? Как поступить? С одной стороны, вещь, конечно, красивая. С кружевами. И, видно, цены немалой. Но с другой – мне-то она к чему? Куда мне ее, к примеру, надеть? Если на работу к себе в котельную, так она слишком маркая. А на выход... Так я, кроме как в котельную, из своей квартиры никуда и не выхожу.

И тут вдруг меня как громом ударило! А что, думаю, если ее вернуть? Законным владельцем. Вот так... безвозмездно. Просто пойти и отдать!

И так у меня хорошо на душе от этой мысли сделалось! Нет, точно, думаю, вот пойду сейчас и отдам! И пусть люди знают, что вокруг не только бандиты и алкоголики ошиваются!.. А есть еще и такие граждане, у которых, как это там говорили по телевизору, «души прекрасные позывы». И всякое такое...

Вот с этими благородными мыслями поднимаюсь я на восьмой этаж, звоню в дверь – не открывают. Тогда я стучать начал. Сначала рукой. Потом ногой. Потом уже сильно. То есть двумя.

Слышу, зашевелились. Наконец появляется. Видимо, муж. Здоровый такой хмырь. В одной руке тарелка борща, в другой – ложка. Значит, дверь, видимо, тоже ногой открывал.

– Ну, – говорит, – чего тарабанишь? Шляются тут бомжи всякие. Пожрать не дают!.. Чего тебе надо?!

И такая меня злость почему-то на него взяла!.. Я к ним, можно сказать, со всей душой, а они...

– Да мне, – говорю, – как раз от вас, гражданин, вообще ничего не надо! А вот вы бы супружнице своей сказали, чтоб она за своими трусами да лифчиками следила получше!.. А то я вот, как честный человек, принес. А другой какой-нибудь у себя дома найдет, так вы с него и через суд не получите!

И протягиваю ему свою находку.

Смотрю, этот с борщом аж осел на задние лапы. А тут жена его из кухни подгребает. И тоже с борщом.

– Что тут за шум, – говорит, – Мусик? Кто к нам пришел?

– Это ты, – он ей говорит, – у меня спрашиваешь, кто к нам пришел?! Это я у тебя хочу спросить. Откуда это у него твое исподнее?!

Она присмотрелась...

– О-о, – говорит, – Мусик, так это же наш сосед! Под нами живет. А вещичка эта... Ну слава тебе, господи! Теперь все понятно. А то я уже обыскалась совсем. На веревке, смотрю,

нету. На себе – тоже нету. А она, значит, у вас находилась!.. Спасибо, что занесли. Так, может, в гости зайдете? Мы сейчас с мужем покушаем быстренько и потом уже можем вместе чаю попить!..

Тут ее муж, гляжу, совсем ошалел.

– Ах ты, – говорит, – Леля, такая-разедакая! Даже не знаю, – говорит, – как тебя и назвать при чужом человеке, чтобы тебе мало не показалось!.. И я еще после всего должен с ним чаи распивать?! Ну теперь все понятно! Пока я, значит, дома сижу, так ты меня – Мусик-Пусик! А как за порог – так ты сразу к соседу бежишь! Еще и панталоны свои у него на квартире оставляешь, как будто бы у тебя, кроме них, еще какие-нибудь имеются!..

Тут уже и она завелась.

– Ты меня извини, – говорит, – Пусик, но только ты у меня совсем придурок какой-то! Не оставляла я у него на квартире никаких панталон! Объясняю ж тебе! Я на балкон вышла, чтобы их снять, а они...

– Ну правильно! – он кричит. – В квартире у него тебе раздеваться уже недостаточно. Тебе у него на балконе обязательно нужно с себя все сымать! Чтоб уже, значит, весь город видел, какая ты...

– Да не снимала я с себя ничего!! – орет она. – Их просто ветром сдуло!

– Конечно! – орет он. – Как супружеский долг исполнять, так тебя часами нужно упрашивать, чтобы ты хоть что-то с себя сняла! А сосед какой-нибудь только подмигнет, так с тебя все аж ветром сдувает!..

Тогда уже и я не выдержал.

– Слушай, – говорю, – ты действительно ненормальный какой-то! Тебе в дурдом обратиться нужно. Там тебе уже, наверное, года два как прогулы записывают! Русским же языком тебе объясняют: не сымала она у меня ничего! Ни в квартире, ни на балконе. Зачем же ты женщину-то оскорбляешь? Ну, допустим, моя физиономия тебе подозрительна. Так ты ж на ее лицо посмотри! А?! Да на кой ляд она мне нужна, такая красивая! Она эту вещь у себя дома постирала и на свой балкон повесила! Усекаешь?! А потом ее ветром сдуло! И она на мой балкон перелетела. Понял наконец?!

– Ах вот оно что! – он говорит. – Так вы меня и вправду за дурака принимаете!.. Значит, перелетела... Ясно. Ну тогда мы сейчас будем проводить летные испытания. То есть сначала я эту штуку буду с балкона сбрасывать, а если она куда-нибудь не туда полетит – тогда уже вас!

Жена его – в слезы:

– Умоляю, – кричит, – Степочка, только не это! У нас же восьмой этаж! Я и так эту вещь целый день искала, аж извелась вся, а ты опять хочешь ее отправить куда-то там в неизвестность... Давай я тебе лучше поплоше что-нибудь дам для твоих научных экспериментов!

И начинает таскать ему из шифоньера какие-то майки заштопанные, носки. А он все это с балкона сбрасывает. А тут – то ли ветер не в ту сторону подул, то ли что, но только все это барахло, как назло, мимо моего балкона летит – и прямо на землю шлепается. Там уже и народ собираться стал. Разбирает все это, примеривает. Потом крики всякие в нашу сторону раздаваться начали. Типа «Давай еще скидай!», «А поновее у вас ничего нет?», «А из мебели?! Из мебели что-нибудь скиньте!»

В общем, смотрю я на это дело и думаю: все, Петро! Вот до чего тебя довело твое свинячье благородство! Сейчас у них в шифоньере старые шмутки закончатся, а вместе с ними и твоя молодая жизнь...

И тут вдруг жена этого придурочного как заверещит из своего шифоньера:

– Ой, Степочка, ой! Ты посмотри, что я нашла!

И достает оттуда точно такую же вещь, как я им уже принес, но только совсем другую!

– Так вот она, оказывается, где была, лапушка моя ненаглядная! – кричит эта самая жена. – Оказывается, она просто за полочку завалилась!

Мы с ее охломоном аж остолбенели оба. А потом он мне тихо так говорит:

– Ах ты...

Ну, в общем, вы понимаете, что он мне говорит. Типа: что же это вы... ну, типа, товарищ, чуть не разрушили сейчас нашу здоровую семью? И на кой же это вы, ну, типа, хрен принесли в наш мирный дом эту совершенно не принадлежащую нам, ну, типа, хреновину? Мы тут с женой жили, можно сказать, душа в душу!.. Слова громкого никогда!..

И тянется уже, гад, за табуреткой...

Но только вдруг эта самая жена ему и говорит:

– Нет, подожди, Степан. Что-то я не пойму... Эта вещь, которую я сейчас в шифоньере нашла, она, конечно, моя... Но только и та, вторая, которую сосед принес... Я же ее тоже вчера, когда из магазина пришла, на диване увидела. Ну и постирала, конечно, сушить повесила. Так вот она-то у нас откуда вчера в квартире взялась, а? – и смотрит на своего супруга как-то без большого доверия.

Гляжу, этот Степан стушевался. И даже вроде бы с лица начал спадать.

– Ну, – говорит, – Лелечка, мало ли... Откуда я знаю...

Э, думаю, плохи его дела. Надо выручать мужика.

– Я, – говорю, – знаю! Тут, видимо, вот какая история получилась. Над вами же еще один балкон имеется? Девятого этажа. Вот оттуда, наверное, она к вам и прилетела. Вы ее за свою приняли. Постирали, повесили, а потом она уже полетела ко мне!..

– Точно! – говорит этот самый Степан. – Ну правильно. Просто она балкон перепутала! Видишь, Леля? А у тебя сразу какие-то подозрения!..

– Хорошо! – говорит эта самая Леля. – Тогда давай поднимемся сейчас на девятый этаж и выясним. И вы, сосед, с нами пойдете. Вы у нас свидетелем будете. А может, и понятным...

Вот тут бы мне и упереться рогом. Мол, не пойду – и все! Тогда, может быть, эта история и закончилась бы для меня как-нибудь безболезненно. А я что-то слабину дал...

В общем, поднимаемся мы на девятый этаж, звоним. Открывает нам дверь старичок какой-то сморщенный, как сухой перец. В руке – костыль. Степан ему эту штуковину показывает:

– Не твоя, – говорит, – дед? Хотя откуда она у тебя такая может быть?..

А дед ему вдруг:

– Ошибаетесь, – говорит, – товарищ! У меня как раз таких много. Нам, ветеранам гражданской войны, их сейчас вместо пенсии выдают. У государства нашего денег временно не хватает, а товар этот у них на каком-то там складе еще с прошлых времен затоварился. Так что я их уже, считай, года два получаю. У меня их сейчас ровно двадцать четыре штуки накопилось. А вчера было даже двадцать пять. Только тут племянница моя прибежала. «Дедуль, – говорит, – дай мне эту твою фиговину поносить. А то я здесь с мужиком одним познакомилась. В вашем доме на восьмом этаже живет. Он меня в гости к себе пригласил, пока его жена в магазин отлучилась. Так чтобы выглядеть как-то пообразованней...»

Только он это проговорил, как тут, значит, Леля своего благоверного коленом под дых – шарах! Чтобы верность ей сохранял. Тот, в свою очередь, деда кулаком, чтобы много не разговаривал. А тот уже меня костылем – за компанию. Хотя я-то при чем?.. Но сильно они там разбирались в гражданскую...

Потом, конечно, соседи всякие повыскакивали. Как же не поучаствовать?!

Короче, лежим мы сейчас все в травматологии, и я вот думаю: поставят меня наши медики на ноги, выйду я отсюда на инвалидность – и больше уж из своей квартиры ни на шаг! Ну разве за пенсией там. Или за бутылкой. Ну, в общем, только то, что необходимо для

жизни. Потому что с благородными какими-нибудь целями в наше время из своего помещения выходить – чистая смерть.

Аркадийская идиллия Этюд с натуры

Прохладным октябрьским вечером, когда в свинцовом и вздыбленном море уже не купаются даже пришмаленные курортники, на пляжном топчане в Аркадии сидит и вкушает недоеденный за лето кислород приличная одесская семья: папа лет тридцати – слегка полноватый мужчина с почти что интеллигентным лицом, еще более полная и еще более интеллигентная мама и флегматичный мальчик примерно семи лет, явно страдающий ранней склонностью к полноте и умственной деятельности.

На соседнем топчане – другая семья, примерно такого же возраста, хотя и менее интеллигентная на вид, и мальчик из этой семьи, худой как молодая акула, явно устраивает своим родителям «вырванные годы»...

– Ну папа... Ну мама... Можно я возле воды побегаяю, а?

– Сиди, тебе говорят, – шипит на него папа. – Кто это сейчас бегаёт возле воды? Смотри, какой холод! Ни один дурак сейчас туда не подойдет. Ни за какие деньги. Мне вон хоть миллион заплати – не пойду!

– Ну папа, пожалуйста!.. Я на минуточку...

– Да что же это такое, в конце-то концов? Вон, смотри, мальчик рядом сидит. Тихий, спокойный... А ты? Да на кой черт тебе эта вода, когда ты и так целый вечер пьешь как верблюду... кровь из родителей?!

– Па-па!.. Я только туда и обратно!..

– А чтоб ты уже... только туда... Как ты мне надоел!

– Типун тебе на язык, Фима! – вступает в разговор его жена. – Такое сказать своему сыну... Ты что же, ему смерти желаешь? Иди, Ленчик, иди... Но только запомни, паразит, я потом с твоим горлом возиться не буду. Заболеешь – убью!..

Но Ленчик уже не слышит. Вздымая пляжный песок и чаек, гуляющих по нему, он галопом несется к воде.

– Какой непослушный ребенок! – говорит мальчик из первой семьи. – Он видел, что родители не хотят его отпустить, но все-таки настоял на своем. Нехорошо.

Родители непослушного мальчика смущенно разводят руками, а родители послушного поощрительно гладят его по голове.

Но в этот момент непослушный мальчик, поковырявшись палочкой в песке у самого моря, что-то там откапывает и с криком: «Папа! Мама! Смотрите, что я нашел!» – несется обратно.

– Ой, что ты там мог найти! – говорит ему мама. – Наверно, опять гадость какую-нибудь. Выбрось немедленно!

Но вдруг все с удивлением видят, что в руках у ребенка никакая не гадость, а довольно большой желтого цвета перстень...

– Наверное, бижутерия, а? – говорит мама послушного мальчика, жалобно глядя на мужа.

– Да нет, это не бижутерия, – отвечает папа непослушного мальчика, разглядывая перстень. – Вот тут проба имеется очень высокая... И потом, смотрите, бриллиант. Нашел-таки вещь, сорванец...

– Нашел и не объявил – все равно что утаил! – назидательно говорит послушный мальчик, из чего явно следует, что он не только послушный, но и воспитанный...

– А, ну конечно, конечно, – соглашается папа непослушного и, обернувшись к совершенно безлюдному пляжу, негромко объявляет:

– Тут перстень с бриллиантом никто не терял?.. Хорошо... Получается – наш, – и кладет этот перстень в карман.

– Папа, папа, а можно я еще раз побегу? На минуточку... – опять начинает канючить непослушный мальчик.

– Ну почему же только на минуточку?.. – говорит его папа.

– Перестань, Фима, – одергивает папу мальчика мама. – Вот это уже лишнее. Как говорится, два снаряда в одну и ту же воронку не попадают, так что нечего ему больше туда ходить. Пусть рядом сидит...

Но мальчик и в этот раз не слышит ее, потому что снова мчится к воде.

– Нет, он совсем нехороший ребенок, – говорит мальчик из культурной семьи. – Сам же просил родителей только один раз отпустить его к воде, а теперь побежал во второй. Получается, он еще и обманщик!

Но эти слова уже ни у кого из взрослых не вызывают никакой реакции.

А непослушный мальчик тем временем опять роется в песке у моря и тут же, захлебываясь от восторга, бежит обратно: «Папа! Мама! Смотрите!..» И все видят, что в руке у него болтается большая золотая цепочка.

– Не может быть! – говорит мама послушного мальчика и при этом сильно бледнеет.

– Золото! Настоящее золото! – определяют на зуб папа и мама непослушного. – И какая массивная! Грамм двести пятьдесят, не меньше...

– Тут цепочку никто не терял? – еще тише объявляет папа из этой семьи, обращаясь исключительно к чайкам. И, не дождавшись ответа, прячет цепочку в тот же карман, что и перстень.

– А можно я еще... один только раз?.. – спрашивает их отпрыск и, уже не дожидаясь ответа, устремляется к морю.

– Ну таких непослушных мальчиков я даже у нас в школе не видел! – говорит послушный мальчик. – Ему родители разрешили один раз, он побежал во второй, а сейчас – в третий...

– А ты бы, Павлик, вот тоже, – перебивает его отец, – вместо того, чтобы нести тут всякую ерунду, поднял бы свою толстую задницу и походил вон там, возле моря... Покопался в песочке!..

– И не стыдно тебе, Аркадий?! – возмущается его жена. – Неужели для тебя какие-то побрякушки дороже здоровья ребенка?

– Ничего себе побрякушки!.. И вообще, я не об этом. Просто всякое послушание должно иметь разумные пределы. Если бы я в свое время слушался только родителей, а не боролся бы, не искал свое место под солнцем, не преодолевал огромные трудности, я бы, наверное, до сих пор всю свою жизнь был простым продавцом в ларьке. А так все-таки его директор!.. Поэтому я хочу, чтобы мой сын тоже не сидел сложа руки, активно вмешивался в жизнь, отстаивал свои идеалы...

– Ой, перестань, Аркадий, – обрывает его жена. – Пусть уже лучше сидит. Этот пацан там все равно больше ничего не найдет. В конце концов, чудес не бывает!..

Но в этот момент, хотите верьте, хотите не верьте, но именно в этот самый момент пацан возле моря опять-таки что-то находит, причем, по-видимому, довольно тяжелое, потому что он чуть ли не обеими руками волочит это к своему топчану.

– Портсигар! – выдыхает его папаша. – Червонного золота. Я таких вообще никогда раньше не видел!.. А может, там еще что-нибудь есть?

– Нет, – отвечает его сынок. – Теперь уже точно...

– Ничего, – говорит их мамаша. – Для одного вечера и так неплохо. Нормально сходили воздухом подышать.

– Надеюсь, тут портсигар никто не терял? – уже по привычке спрашивает папа непослушного мальчика и, опять уже по привычке, собирается засунуть этот портсигар в свой карман.

Но тут папа послушного мальчика поднимается с топчана и каким-то не очень своим голосом говорит:

– А вот вы как раз не надейтесь!

– То есть в каком это смысле? – спрашивает его другой папа.

– В прямом.

– То есть вы что же, хотите сказать, что это ваш портсигар? Вы его тут потеряли?

– Нет. К сожалению. Но если вы думаете, что мы здесь ничего не потеряли, а вы много нашли, то вы глубоко ошибаетесь!

– Я что-то не понимаю... Ленчик! Рита! Домой!

– Э, нет... Подождите... Вы что же, действительно надеетесь, что мы вас сейчас вот так и отпустим вместе с вашими драгоценностями? Не на тех напали!

– А что же тогда?

– Ничего. Просто мы сейчас вместе с вами, как законопослушные граждане, отправимся в ближайшее отделение милиции и сдадим там все это как вещественные доказательства! А как же иначе? Вы что же, не понимаете, откуда здесь эти бесценные вещи?

– Ну снял кто-то с себя перед купанием, чтобы не потерять... А потом не нашел. Или утонул. Но ценности свои сохранил. По-моему, это по-хозяйски...

– А если здесь произошло преступление? Какие-нибудь злоумышленники убили с целью ограбления богатого человека, сняли с него ювелирные украшения...

– Угу... угу... угу... А где же тогда труп?

– А труп унесли с собой!

– Да вы понимаете, что говорите?

– А что?

– А то, что если они убили его с целью ограбления, они же должны были унести с собой драгоценности, а не труп!

– Так они перепутали! Короче, это не важно. В милиции разберутся. Там у меня друзья – опытные криминалисты.

– Ха!.. Слышишь!.. Криминалисты! Да я этим криминалистам и так каждый день половину своей выручки отдаю, так я еще должен им драгоценности!.. Рита, домой!..

– Хорошо! Уходите!.. Но тогда мы пойдем за вами, узнаем, где вы живете, а потом я уже обращусь не в милицию, а совсем наоборот. Понимаете? Там у меня, между прочим, тоже друзья имеются. Причем еще больше, чем в милиции. И вот когда эти страшные люди узнают, какие сокровища вы прячете у себя на квартире...

– Ах, вот оно что? – говорит тогда папа из менее культурной семьи и очень близко подходит к папе из более культурной. – Так я и думал! Я, знаете ли, как только посмотрел на ваш благообразный профиль, так сразу и понял, что вы крупный мафиози! У приличных людей в наше время таких честных лиц не бывает. Слишком часто приходится воровать...

– Ну и прекрасно! – отвечает ему папа из культурной семьи. – Плевать я хотел на то, что вы там поняли, но только драгоценностей я вам не отдам.

– Ну так не доставайся же оно никому! – кричит тогда первый папа и, достав из кармана перстень, цепочку и портсигар, бросает все это в море...

Тут уже всем становится нехорошо – и маме непослушного мальчика, и папе послушного, и только мама послушного в этот момент приходит в себя и говорит:

– Какие же мы все-таки глупые люди! Ну почему нельзя было договориться, взять эти драгоценности, продать... я знаю кому, а деньги поделить поровну. На пятерых.

– Как это на пятерых?

– Ну мне, моему мужу, вам, вашему мужу и нашему сыну Павлику.

– Минуточку, а как же наш Ленчик? Он тут, можно сказать, в поте лица, дрожа от холода, все это откопал!..

– Ах да, извините, я про него не подумала. Хорошо. Его можно тоже как-нибудь поощрить. Например, скинуться всем пятерым и купить ребенку мороженое...

– Да, по-идиотски все получилось, – говорит папа непослушного мальчика. – И я что-то погорячился. Слушайте, а может, все еще можно достать?! По-моему, я не так далеко закинул...

И тут все взрослые, на ходу сбрасывая одежду, бросаются в море, куда, как они говорили, их за миллион не затащишь, ныряют в него и, дрожа и синяя от холода, начинают вытаскивать оттуда на берег всякие там голыши, арматуру, а также вставные челюсти, потерянные курортниками во время купального сезона.

Тем временем становится совсем уже холодно, и оба мальчика, послушный и непослушный, прижавшись друг к другу, сидят на берегу и думают о том, что этих взрослых, оказывается, вообще слушать нельзя, а значит, в предстоящей им жизни, такой непонятной и удивительной, придется рассчитывать исключительно на себя...

Звезда Одессы

Была такая передача на Центральном телевидении, «От всей души» называлась. Душе-раздирающие истории из счастливой жизни советских людей. Например, родители, которые лет тридцать назад в порыве трудового энтузиазма так и не успели забрать своего ребенка из родильного дома, встречались с ним наконец прямо на глазах у изумленной публики. Или еще что-нибудь. Короче, «Плачьте с нами, плачьте как мы, плачьте лучше нас» – называлось это в народе.

Была такая передача и на одесском телевидении. Называлась она «Родной завод – судьба моя». Разница состояла в том, что «От всей души» готовило пятьдесят человек, и над ней плакала вся страна, а «Родной завод...» готовил всего один человек – Рафаил Маркович Шанс, и плакал над его сценариями вначале тоже всего один человек, а именно – первая и последняя телезвезда Одессы Лилия Степановна Марченко. Потому что вести эту передачу предстояло ей. А сценарии Рафаил обычно писал халтурные. Так что доводить их до ума (то есть зрителей до инфаркта) приходилось самой Лилии Степановне. Иногда импровизируя прямо на сцене. И были поразительные случаи.

– Ты понимаешь, старуха, – суетился однажды Рафаил, подсовывая Лилии какие-то скомканные листы бумаги прямо перед ее выходом на сцену. – В этой передаче у нас два героя. Но я успел написать только про одного. И в этом как раз весь кайф. Понимаешь? Потому что про второго героя вообще ничего писать не надо. У него точно такая же биография, как и у первого. Короче, люди всю свою жизнь прошли вместе. Так сказать, рука об руку. Учеба, работа, война... Юность, молодость, зрелость... А они неразлучны, как эти... ну, сиамские коты. То есть близнецы... В общем, кому я это рассказываю?! Вперед! На сцене сообразишь...

И Лилия Степановна шагнула на сцену заводского клуба, где уже были включены телекамеры и публика доставала носовые платки, готовясь в ближайшие полтора часа нарядиться, как на похоронах любимого родственника.

– Баллада о неразлучных друзьях! – с чувством произнесла Лилия.

В зале послушно всхлипнули.

– Сидят у нас в первом ряду два человека, – продолжала ведущая, – Иван Иванович Иванов и Петр Петрович Петров. И вот повезло же людям. Казалось бы, два человека могли прожить две жизни, а прожили всего одну. В тридцать втором году Иван Иванович закончил профтехучилище при вашем заводе и стал машинистом домны. И в том же тридцать втором закончил это училище Петр Петрович.

– Нет, нет! – закричал из зала пожилой мужчина. – Я это училище не заканчивал, я тогда в другом училище обучался. В музыкальном. И не по классу домны, а по классу домры!

– М-да... – произнесла Лилия Степановна. – Так что в юности нашим героям так и не удалось повстречаться... Но настала индустриализация! И по призыву комсомола пришел на ваш завод и встал у горячей домны молодой домнист Иванов. И рядом с ним плечом к плечу встал молодой домрист Петров...

– Да нет же! Нет!.. – опять закричал из зала тот же мужчина. – Не вставал я ни у какой домны. Я тогда в ВОХРе работал охранником. И не на этом заводе, а на кондитерской фабрике. Там как раз воровать начали понемногу, так нас комсомол бросил на усиление...

Лилия Степановна метнула огненный взгляд за кулисы, но Рафаила уже и след про-
стыл.

– Да... – произнесла она. – В общем, и в молодые годы Иван Иванович и Петр Петрович так и не узнали друг друга. Но настал час великих испытаний! Война!.. И в первые же часы

этой лихой години пришел на фронт добровольцем Иван Иванович Иванов. И надо же так случиться, что в тот же полк, и тоже добровольцем, пришел на фронт Петр Петрович...

– Да не приходил я ни на какой фронт! Тем более добровольцем! – уже просто застонал из зала Петр Петрович. – Меня вообще от армии освободили по состоянию здоровья. Я же на этой конфетной фабрике белую горячку получил. От сильного переедания шоколадных конфет с ликером...

Конечно, такой поворот событий мог сбить с толку и более опытную ведущую, чем Лилия Степановна. Но Лилию Степановну он не сбил!

– В общем, как вы уже поняли, – произнесла она, – и в зрелые годы наши неразлучные друзья так и не познакомились. Но пришла Великая Победа! Настала пора восстанавливать разрушенное хозяйство, и вернулся на свой родной завод Иван Иванович Иванов. И вот тут-то уже Петр Петрович Петров тоже пришел на ваш завод!.. Я правильно говорю? – обратилась ведущая к несговорчивому Петру Петровичу.

– Неправильно! – твердо ответил он из зала. – Ни на какой этот завод я тогда не приходил. Я на нем вообще никогда в жизни не был. Просто у меня тут жена работает официанткой в клубном буфете. Вот я и сижу в этом зале – жду, пока она освободится.

И все же Лилия Степановна сумела закончить свою прочувствованную балладу.

– Да, дорогие друзья! – произнесла она, и голос ее как бы от волнения дрогнул. – Вот так иногда бывает в нашей советской жизни. Неразлучные Иван Иванович и Петр Петрович никогда не встречались друг с другом. Более того, они и слыхом друг о друге не слыхивали. А в нашем зале сегодня они сидят рядом. Так встаньте же, наши дорогие герои, пусть вас увидят зрители! И обнимите друг друга!

Двое совершенно незнакомых друг с другом мужчин поднялись и с отвращением заключили друг друга в объятия. Зал разразился аплодисментами. Многие плакали.

...Нет, все-таки великим советским публицистом была ведущая одесского телевидения Лилия Степановна Марченко. Хотя почему была? Она и сейчас есть. Живет себе в Германии, ведет телевизионные передачи для наших эмигрантов.

А вот интересно, может ли их сейчас заставить расплакаться рассказ о родном заводе, на котором они когда-то трудились? Вряд ли. Разве что перспектива на него вернуться...

Рецепт долголетия

Вот правду говорят, что лучший доктор – это семейный. Он приходит к вам как к себе домой, знает ваш организм как свои пять пальцев...

У меня, например, такой есть. Зовут его Ленчик.

Мы дружим с ним уже много лет, и он меня полностью устраивает. Хотя по профессии он гинеколог. Когда меня начинает что-нибудь беспокоить, я как цивилизованный человек не занимаюсь самолечением, а обращаюсь к врачу. То есть к Ленчику. Он долго выслушивает меня, тербя свой бесконечный нос, и наконец изрекает:

– Ну что тебе сказать, Георгий?.. Что касается моей специальности, то с этой стороны я в данном случае у тебя никаких серьезных отклонений не вижу...

После чего я успокаиваюсь, и мы оба с сознанием выполненного долга выпиваем по рюмке.

Но с самым замечательным семейным доктором я познакомился еще в детстве. Это была наш участковый терапевт Розалия Генриховна Сулькина. Пожилая дама весом в центнер, постоянно кашляющая, чихающая и держащаяся за печень, она поднималась к нам на второй этаж так, как будто взбиралась на Эверест. И потом долго отдыхала в дверях, вытирая обильный пот и преодолевая одышку.

– Ну? – укоризненно спрашивала она наконец. – И зачем вы меня сюда вызывали, на такую вот высоту?!

– Так видите ли, Розалия Генриховна, – извиняющимся голосом начинала мама, – переболели мы тут все. У меня вот температура тридцать восемь... Слабость... Видимо, грипп...

– Это у вас грипп?! – презрительно глядя на маму, перебивала ее Розалия Генриховна. – Вот у меня таки грипп!.. Подумаешь, тридцать восемь! У меня сорок два третью неделю держится. А слабость какая! Перед глазами круги!.. Ноги подкашиваются!..

– Так вы бы присели... – начинала волноваться мама.

– Да что там «присели», – отмахивалась Сулькина. – Мне бы сейчас прилечь надо, прилечь! Причем недели на две!..

И она обводила взглядом нашу квартиру, как бы отыскивая себе место, куда бы это ей на две недели прилечь.

– Хотя что это я говорю... – тут же обрывала она себя. – Разве я могу себе это позволить? У меня же еще пять вызовов! Я даже в аптеку сходить не успеваю, чтобы купить себе лекарство... Ой, что-то мне совсем нехорошо стало... Сейчас упаду...

И она грузно опускалась на стул.

– Так, может быть, я схожу? – робко предлагала мама, вставая с постели.

– Куда?

– В аптеку. Вам за лекарством.

– Ну это же неудобно, – останавливала ее Сулькина. – Все-таки вы больная – я врач... И потом, что, мне уже, кроме вас, за лекарством некому сходить? Вот супруг ваш, например, пусть сходит. Что это он на диване лежит?

– Так это у него радикулит, – оправдывалась мама. – Он подняться не может...

– У него радикулит?! – переспрашивала Сулькина, тыча в папину сторону толстым дрожащим пальцем. – Да на нем еще воду можно возить! Нет, я вижу, что он лежит, но я же слышу, что он не кричит!.. Вот у меня радикулит! Это да! Я кричу двадцать четыре часа в сутки. Не прекращая ни на минуту!.. Такая боль!..

– Но сейчас вам, наверное, легче? – с надеждой спрашивал папа, кряхтя поднимаясь с дивана.

– Это почему вы так думаете? – удивлялась доктор.

– Ну сейчас же вы не кричите...

– Пожалуйста... Я могу начать! Я сейчас так закричу, что у вас тут у всех барабанные перепонки полопаются!.. Но зачем? Разве меня кто-нибудь услышит?..

– Знаете, – сочувственно говорил папа, – мне в таких случаях жена делает массаж поясницы. Очень помогает...

– Как вы говорите? – заинтересовывалась Розалия Генриховна. – Массаж? А ну давайте пусть она мне сейчас сделает!.. Кстати, заодно и пропотеет. Ей это очень полезно. А вам, наоборот, полезно немного пройтись. Размять свои залежавшиеся суставы. Поэтому я вас очень прошу: пойдете в аптеку, так возле нее – детский сад... Заберите оттуда моего внука Павлика. Он скажет, куда себя вести. Он привык. Его каждый день пациенты домой отводят... Ну давайте, что это у вас за массаж? – продолжала она, укладываясь на освобожденный папой диван. – Да, минуточку, может быть, у вас есть еще какие-нибудь жалобы? На сердце, например?

– Да нет, – говорила мама, – с сердцем у нас пока все в порядке...

– Это хорошо, – удовлетворенно кивала Сулькина. – А то бы я вам сейчас у себя такую стенокардию продемонстрировала, что вы бы даже забыли про мой радикулит...

– Зато у нас вот бабушка приболела, – продолжала мама, массируя доктора. – Давление у нее высокое. Сто восемьдесят на сто двадцать...

– Да что вы говорите?! – изумлялась Розалия Генриховна. – Неужели сто восемьдесят на сто двадцать?! И бывают же такие счастливые люди!.. Высокое!.. Я уже не хочу вас пугать, но у меня это самое давление на такой заоблачной высоте, что его уже никакими средствами не собьешь! Только при помощи истребителя!.. И что же? Мне теперь не идти на работу? Или, не дай Бог, на базар?!

– Какой базар?! – ужасались мои родители. – А вдруг вам там станет нехорошо?

– Обязательно станет! – соглашалась Сулькина. – А как же иначе? В данном случае шансы выжить практически сведены к нулю! Но на базар же все равно кто-то должен идти! А кто? Может быть, мой зять – этот бытовой пьяница? Или дочь-бездельница? Кто, я вас спрашиваю?! Вот разве что сынишка ваш сбегает, вместо того чтобы телевизор смотреть...

– По поводу сына мы с вами тоже хотели проконсультироваться, – извиняющимся голосом вставляла мама. – Он у нас скарлатину перенес несколько дней назад... Так можно ему уже в школу идти или нельзя?..

– В школу – нельзя, – категорически заявляла доктор. – Еще перезаразит там всех. А на базар – можно. Я бы там этих спекулянтов сама бы всех перезаразила, если б могла! Но их же никакая холера не берет. Так что иди, детка, иди... Там у меня в сумке деньги лежат, и список я уже для тебя составила...

– Но с поясницей-то вам хоть легче становится? – спрашивала у нее мама, не прекращая массаж.

– Вы знаете, да! – отвечала доктор. – У вас таки действительно золотые руки... Но разве это может облегчить мои главные страдания? Вот если бы вы этими золотыми руками задушили моего зятя, я бы, конечно, почувствовала облегчение... А так... Все мои болячки исключительно от него. И давление у меня от него поднимается, и температура. А если что-нибудь иногда и падает, так только гемоглобин. Я уже думала найти какого-нибудь физически крепкого мужчину, который бы мог с ним просто поговорить... Но где? Мужа, который любил меня больше жизни, я потеряла десять лет назад. Остальные мужчины, которых любила я, потеряли меня еще на десять лет раньше... А этот негодяй просто составил себе пятилетний план по сведению меня в могилу!.. И я боюсь, что к наступающим первому-майским праздникам он таки перевыполнит его досрочно...

Тут Сулькина начинала горько рыдать.

– Так, может быть, я с ним поговорю? – спрашивал мой не очень физически крепкий, но очень сердобольный папа.

– Нет, ну зачем же? – вяло сопротивлялась Розалия Генриховна. – Вам и так уже и в аптеку для меня идти, и за Павликом... Хотя, если вы настаиваете... Там, рядом с нашим домом, пивной ларек. Этот алкоголик со своими дружками как раз в это время опохмеляется... Как увидите самую бандитскую физиономию – смело подходите. Это он и есть. И скажите ему так: если ты, мерзавец, еще один раз поднимешь свой голос на доктора Сулькину или даже поднимешь на нее руку!.. на эту святую женщину!.. опытного терапевта, которая каждый день ставит на ноги весь район... – я тебе так врежу по морде, что ты аж упадешь!.. А еще лучше знаете что? Вообще ничего ему не говорите. А просто подойдите и сразу врежьте!

– Не объясняя, за что? – удивлялся папа. – Но он же меня прибьет!

– И очень хорошо! – торжествовала Сулькина. – Так, значит, вы сами убедитесь, с каким хулиганом мы в данном случае имеем дело!

И что вы думаете? Папа, забыв про свой радикулит, шел покупать доктору Сулькиной лекарства, потом – забирать ее внука, потом – получать по физиономии от ее зятя. Я, наплевав на скарлатину, бежал, как говорят в Одессе, делать ей базар. Мама, преодолевая свой грипп, делала ей массаж. А наша престарелая бабушка тихо радовалась, что давление у нее все-таки – тьфу-тьфу-тьфу! – не на такой невыносимой высоте, как у нашей несчастной докторши, а значит, никаким таким истребителем ее, то есть бабушку, в ближайшее время никто истреблять не будет.

То есть, решая катастрофические проблемы нашего семейного доктора, мы как-то забывали о своих незначительных неприятностях.

Что же касается самого доктора, то она, между прочим, дожила до девяноста лет. Так что свои невероятные беды и страдания она, видимо, сильно преувеличивала. Понимаете зачем? Ну конечно! Просто она знала великий секрет врачевания: для того чтобы человеку стало легче, он должен увидеть перед собой другого человека, которому еще тяжелее, чем ему! Иногда это действительно может поставить пациента на ноги. И уж, во всяком случае, всегда улучшает ему настроение.

И еще она говорила, будучи уже в глубоко преклонном возрасте:

– Ну, допустим, я таки да умру... И что же? Эти мерзавцы родственники устроят себе по этому поводу пьянку сначала на моих поминках, потом на девять дней, потом на сорок... А фига с два! Такого вечного праздника они у меня не заслужили!..

По-моему, эта мысль – блестящий рецепт долголетия.

Суд Соломона

Ну кого сегодня в Одессе может удивить рухнувший от старости дом или, скажем, балкон?.. О кирпиче, упавшем с балкона на голову, я вообще не говорю. Упал и упал. Кто обращает внимание! Особенно если не на тебя...

Но так было не всегда. Первая трехэтажка, рухнувшая в центре нашего города в далекие времена моей молодости, привлекла к себе, помнится, такое количество местных жителей и приезжих, что жильцы, в последний момент выскочившие из-под нее, чувствовали себя чуть ли не именинниками.

– Главного секретаря обкома хотим!.. – митинговали они. – Вот пусть он приедет сюда и увидит, до чего довели жилфонд жэковские начальники!..

И жильцов за такие смелые речи никто не разгонял, не преследовал. Нет, что ни говори, а первым всегда многое позволяется...

Но все же через пару часов, когда к бывшему дому подъехало несколько автомобилей, из которых вышла группа холеных, одинаково одетых мужчин, возникло некоторое оцепенение.

– Секретарь приехал, – зашептали вокруг. – Секретарь!..

– Здравствуйте, товарищи жильцы! – сказал секретарь, подходя к жильцам, толпящимся среди развалин. – Я слышал, возникла потребность поговорить... Может быть, какие-нибудь жалобы, вопросы?..

– Да уж, конечно... – зашумели пострадавшие. – Вот, посмотрите... А мы ведь писали, сигнализировали... Пятнадцатый год без ремонта...

– Гунько! – произнес секретарь, не оборачиваясь к сопровождающим.

– Здесь! – подскочил к нему человек с портфелем под мышкой.

– Ты что ж это, твою... не реагируешь? Вот, товарищи обеспокоены. Наверное, не без причины...

– Виноват, товарищ секретарь! – побледнел подскочивший. – Готов, так сказать, если прикажете, понести... Но только как же это не реагирую!.. Можно сказать, денно и ночью... Вот, в прошлом месяце по этому дому трубу поменяли... от отопления. Теперь не течет. Пожалуйста, подпись, наряд...

– Угу, – сказал секретарь, взглянув на бумажку. – Значит, по отоплению сняли вопрос...

– Так точно.

– Ну, это хорошо. Как-никак, дело идет к зиме.

– Да при чем здесь труба!.. – заволновались жильцы. – Вот же стены уже!..

– Так и стены мы держим, товарищ секретарь, так сказать, на контроле. Вот, взгляните, решение от двадцать четвертого четвертого семьдесят четвертого. Установить две подпорки. И установили бы, просто праздники начались майские, а потом сразу ноябрьские... Да я вообще этот дом лично курирую. Вот пенсионер Крутов с третьего этажа жаловался, что у него лестница обвалилась. Так что ж мы, не понимаем, что ему в его возрасте каждый раз с третьего этажа без лестницы... Ну, спускаться, может, оно и быстрее получается... а обратно потом по водосточной трубе?! Правильно я говорю, пенсионер Крутов?

– Так что, вы поставили ему лестницу?

– Поставили!.. В план... Что ж вы молчите, Крутов? Или вы опять недовольны? Что, я вам не помог? Я же вам лично, этими вот руками показывал план. Или не показывал?.. И по крыше у нас оригинальные задумки имеются. В смысле покрыть ее наконец. Вот проект.

Секретарь посмотрел на проект.

– И что, уже начали?

– Начали, – твердо отрапортовал подскочивший. – Можно подняться взглянуть!.. Нет, я же не говорю, что на этом объекте уже и придраться не к чему. Имеются, конечно, отдельные недоработки. Но зачем же они так все черной краской?..

– М-да, товарищи, – сказал секретарь, строго посмотрев на жильцов. – Действительно, нехорошо. Вас тут послушать – выходит, мы не заботимся о народе. А мы заботимся. Недавно народу Зимбабве послали партию ватников. А как же иначе? Ведь когда-нибудь их зимбабвийским внукам вместе с нашими правнуками предстоит жить одной большой, дружной семьей в прекрасных дворцах, построенных из стекла и бетона!.. Вот о чем я бы сейчас думал на вашем месте, а не о каких-то там мелочах!..

И секретарь уехал. А толпа еще долго стояла, зачарованно глядя на горизонт, открывшийся на месте рухнувшего дома...

– Да сколько же это может продолжаться? – спросил у меня незнакомый мужчина, с которым мы вместе наблюдали эту картину. – Когда же мы наконец перестанем им верить?! И вообще – кто мы такие, в конце-то концов?

По-моему, я знал, что ему ответить. Но для этого мне бы пришлось рассказать ему целую историю. А я не хотел. Как-никак, чужой человек... Рассказываю ее вам.

Примерно за десять лет до описанных выше событий, то есть где-то в середине шестидесятых годов, когда у руководства нашей страны возникла странная идея повернуться наконец «лицом к человеку», одесским старым большевикам было разрешено создать себе дачный кооператив. Под это гуманное дело большевикам в курортном селе Черноморка был выделен довольно-таки большой придорожный овраг.

Практичные дети и внуки революционеров быстро сколотили себе на его склонах незамысловатые халабуды со всеми неудобствами и принялись в меру сил отдыхать. Сами же большевики построили себе в овраге беседку и стали каждый день проводить партийные собрания. Проходящие мимо оврага немало удивлялись, бывало, заслышав из него голоса, требующие немедленно пригвоздить к позорному столбу американских империалистов. Иногда у большевиков по какому-нибудь незначительному поводу возникала товарищеская дискуссия. Тогда из оврага долетало что-нибудь еще более интригующее, например: «А вас, уважаемая товарищ Эльвира Спиридоновна, за такие слова в тридцать седьмом году я бы с удовольствием поставил к стенке!»

Впрочем, заканчивались эти собрания всегда единодушным и единогласным принятием резолюции, что было, честно говоря, заслугой только одного человека, а именно – постоянно председательствующего Соломона Марковича Разина. Дело в том, что, кроме массы других достоинств, Соломон Маркович обладал еще одним, абсолютно бесценным для председательствующего на большевистских собраниях. Он был совершенно глухой. Более того, стараясь создать себе стопроцентно комфортные условия для работы, Соломон Маркович, несмотря на летний сезон, всегда являлся на собрания в старой меховой шапке с опущенными и завязанными под подбородком ушами. Явившись, он объявлял повестку дня, давал слово первому оратору и сразу же начинал писать окончательную резолюцию. Ораторы спорили между собой, излагая самые разнообразные точки зрения, обвиняли друг друга во всяческих там уклонах, а Соломон Маркович, даже не прислушиваясь ко всему этому, писал и писал свою резолюцию, пока не дописывал ее до конца. Дописав, он звонил в колокольчик и ставил резолюцию на голосование. Естественно, что она никогда даже близко не имела ничего общего с тем, о чем говорили ораторы; но собравшиеся, понимая всю бесперспективность попыток хоть как-нибудь докричаться до председательствующего, в конце концов единогласно голосовали и расходились по халабудам.

Конечно, можно было избрать себе председателя, который бы слышал получше Соломона Марковича и учитывал бы разные мнения, но тогда возникала угроза к концу собрания

не получить вообще никакой резолюции. Или еще хуже – получить резолюцию, за которую нельзя было бы проголосовать единогласно! А это среди большевиков, как известно, всегда считалось самым большим несчастьем...

Хотя и Соломону Марковичу порой приходилось несладко. Так случилось, когда на собрании слушался какой-нибудь особенно важный политический вопрос. Например, вопрос о козе, взбудоражившей однажды весь кооператив.

Суть его состояла в следующем: был среди старых большевиков один наиболее старый и наиболее стойкий товарищ по имени Агата Федоровна. О ней говорили, что до революции она жила в Париже и даже вдохновляла там одно время какого-то французского писателя-классика. Наверное, так оно и было, но в дни, когда происходила наша история, стоило вам увидеть, как престарелая Агата Федоровна, опираясь на клюку, прогуливается по большевистскому кооперативу, как тут же вам в голову приходила странная мысль о том, что призрак коммунизма, который, как известно, в прошлом веке бродил по Европе, на самом деле никуда не исчез, а просто вышел на пенсию и теперь бродит у нас по оврагу. Знала она лично и самого вождя мировой революции. Причем в те незапамятные времена, когда этот величайший мыслитель всех времен и народов, будучи заочником Казанского университета, все никак не мог пересдать свою тройку по логике.

Так вот, у этой самой Агаты Федоровны была собственная коза. Обычно она сидела на веранде Агатиной дачи, привязанная к ножке стула, в то время как сама Агата, сидя на стуле, переписывала набело протоколы партийных собраний, время от времени зачитывая козе наиболее эффектные места. Наверное, молодая коза вдохновляла Агату Федоровну, так же как она в свое время своего писателя-классика...

Каждую осень, уезжая в город, Агата оставляла козу местной почтальонше Дуне. Весной забирала обратно. И вот однажды произошло непредвиденное: Дуня отказалась возвращать животное!.. Исчерпав все доступные ей средства воздействия на вероломную почтальоншу, а именно: уговоры, крики и даже угрозы пожаловаться на самый верх, то есть начальнику местной почты, Агата обратилась за помощью к товарищам по борьбе. Тогда то и состоялось то самое историческое собрание, безусловно, навсегда запечатлевшееся в памяти и у большевиков, и у приглашенной на него беспартийной Дуни, а также у представителей прессы, которые в лице тогда еще малолетнего автора этого рассказа подслушивали из лопухов.

Учитывая сложность вопроса, Соломон Маркович в тот день председательствовал без меховой шапки и даже постоянно прикладывал к уху лейку для наливания молока, заменявшую ему слуховой аппарат. Первой говорила Агата Федоровна.

– Дело тут не в козе, – сказала она. – Вопрос в той самой проклятой частной собственности, которую я лично ненавижу всей своей большевистской душой! Поэтому меня обладание козой уже испортить не может!.. А вот если козу будет иметь такой еще мало воспитанный член нашего гармоничного общества, как почтальонша Дуня, то я боюсь, что в конце концов она, то есть коза, стащит ее, то есть почтальоншу, в болото мелкобуржуазной идеологии...

Потом председательствующий дал слово Дуне.

– Я про вашу ту... идеологию, може, чога и не понимаю, – сказала она, – я знаю одно: пока коза жила при большевиках, они ее не кормили, а только пытались доить... Потому – не отдам! Ни за какие деньги! А если и отдам... То тогда пускай Агата Федоровна скажут мне, за какие...

Собрание крепко задумалось. И было о чем. С одной стороны, коза, конечно, Агатиная, но с другой – отобрать ее у почтальонши, думали большевики, значило бы обидеть трудовое крестьянство. А по всему было видно, что Дуня представляет здесь именно этот глубоко прогрессивный класс. Ну не интеллигенцию же, в конце-то концов!..

Все взоры обратились к Соломону Марковичу. И Соломон рассудил так, как и должен был рассудить человек, носящий это библейское имя:

– Приведите козу! – сказал председательствующий.

Козу привели.

– А теперь вы, дорогой товарищ Агата Федоровна, идите к себе на дачу, а вы, Дуня, домой. За кем пойдет коза – та и хозяйка.

Женщины направились в разные стороны, и тут всем присутствующим вновь было явлено великое торжество идей казанского троечника: коза дернулась было за почтальоншей, но вдруг остановилась, повернулась в другую сторону и обреченно потрусила за товарищем Агатой Федоровной...

Вот эту историю я и должен был рассказать моему случайному собеседнику тогда, у рухнувшего дома, в ответ на его вопросы: «Да сколько же все это может продолжаться?» и «Кто же мы такие, в конце-то концов?»

А закончил бы я ее так:

– И знаешь, мой неизвестный друг, чем дольше я живу, тем больше мне кажется, что дело здесь вообще не в секретарях и не в большевиках, а дело здесь в удивительной способности нас всех, рожденных на этой земле, дернуться иногда в сторону нормальной жизни, но тут же повернуться и снова брести по оврагу за каким-то очередным призраком.

И продолжаться это будет до тех пор, пока представительницы прекрасной половины нашего населения не перестанут быть вот такими же наивными козочками, а представители сильной половины – соответственно...

Спасибо за понимание.

Репа и Баренбрикер

Году в шестьдесят шестом товарищ Репа, работник отдела пропаганды райкома партии, решил перейти на службу в КГБ. А хоть простым оперуполномоченным! В зарплате он при этом терял, но уж очень хотелось товарищу Репе еще с детских лет поддержать, так сказать, в руках «карающий меч революции». Не получилось. Товарища Репу завернула медицинская комиссия, так как ему не удалось пройти психиатра.

Но через пару лет в КГБ открыли отдел по борьбе со всякими там инакомыслящими, и кого же брать в этот отдел, если не человека, который много лет просидел на культуре и пропаганде, к тому же с детства мечтал...

На медицинской комиссии зануда психиатр опять было заартачился. Но с ним поговорили где следует. И он сказал: «Хорошо. Я дам товарищу Репе справку, что он нормальный. Но учтите: если Репа нормальный, то тогда ненормальные все остальные!» – «А остальные нас не интересуют!» – ответили психиатру. И зачислили товарища Репу в КГБ. И не каким-нибудь оперуполномоченным, а сразу начальником нового отдела. Так что он и в зарплате выиграл. Вот что такое идеологически правильная детская мечта!

Понимая, что Одесса – город специфический и самым главным врагом его отдела является международный сионизм, товарищ Репа вызвал к себе на беседу председателя еврейской общины Ицхака Рувимовича Баренбрикера. И был промеж них разговор, ставший потом легендой.

– Гражданин Баренбрикер! – строго сказал товарищ Репа. – Какие процессы происходят в одесских околосинагогальных кругах?

– Околокаких, вы говорите, кругах? – переспросил престарелый Ицхак Рувимович.

– Повторяю, – еще более строго сказал товарищ Репа. – Какие процессы происходят в одесских околосинагогальных кругах?

– Ах, вот вы о чем... – сказал Баренбрикер. – Да какие там у нас процессы!.. Было бы о чем говорить! Последний процесс был четыре года назад, когда судили Левку – заправщика сифонов. Дали ему полтора года, можно сказать, ни за что... А с тех пор нету у нас вообще никаких процессов! Все наши евреи живут тихо. Соблюдают социалистические законы. В смысле: не попадают. Так что...

– Гражданин Баренбрикер! – совсем уже строго перебил его товарищ Репа. – Вы что, не понимаете, о чем я вас спрашиваю? Я руковожу отделом по борьбе с вражеской идеологией!.. Хорошо, поставим вопрос по-другому. Какова обстановка в одесских околосинагогальных кругах?

– А вот это, гражданин начальник, – оживился Ицхак Рувимович, – вопрос очень даже животрепещущий! Обстановка в одесских околосинагогальных кругах, я вам скажу, антисанитарная! Около синагоги, да и вокруг, кучи мусора. Дворники подметают спустя рукава. Мы уже жаловались участковому милиционеру, но и он не реагирует. Вот если бы вы, гражданин начальник, помогли нам решить вопрос с этим мусором... То есть я имею в виду не милиционера! Упаси господи! А... хотя и его тоже. То мы бы уж вам...

– Баренбрикер! – окончательно разозлился товарищ Репа. – Вы что, и вправду не сообщаете, о чем я с вами говорю? Повторяю: я здесь поставлен, чтобы бороться со всякими гнусными антисоветскими извращениями! В первую очередь – с сионизмом. А ну, отвечайте мне быстро: каковы настроения у евреев, которые приходят в одесскую синагогу?

– Так нужно было так и спросить! – начал быстро отвечать Ицхак Рувимович. – У евреев, которые приходят в одесскую синагогу, настроение очень хорошее! Когда евреи приходят в синагогу, у них вообще всегда настроение улучшается. Я вам больше скажу: вот вы сейчас на меня ругаетесь, настроение у вас плохое. А вот если вы, уважаемый товарищ Репа,

каждую субботу будете приходить к нам в синагогу, настроение у вас всегда будет замечательное!

– Да что за чушь вы несете! – взревел Репа, поднимаясь из-за стола. – В самый последний раз спрашиваю вас, Баренбрикер: вы уясняете себе суть задаваемых мною вопросов?

– Уясняю! – ответил Баренбрикер. – Вы спрашиваете у меня, Ицхака Баренбрикера, старого человека, председателя одесской еврейской общины, согласен ли я работать на КГБ.

– Да, – сказал товарищ Репа. – И какой будет ваш ответ?

– Согласен! – ответил Баренбрикер. – Но не имею права.

– Почему?

– Потому что я ненормальный! – И Баренбрикер показал товарищу Репе соответствующую справку, подписанную уже знакомым нам психиатром. – И я вам, опять-таки, больше скажу! – продолжил Ицхак Рувимович. – Кого бы вы ни приглашали к себе на беседу из этих, как вы их называете, околосинагогальных кругов, все вам покажут точно такие же справки, так как мы все ненормальные. Потому что нормальный у нас в городе на данный момент только один человек, а именно – вы. С чем я вас и поздравляю.

На этой мажорной ноте беседа была окончена.

Сердце маклера

– И мы еще жалуемся? – спрашивал, бывало, Лева Рыжак собравшихся за столом, когда общий стон по поводу непомерно тяжких налогов начинал заглушать треск раскрываемых устриц и хлопанье пробок шампанского «Дом Периньон». – И нам еще что-то там тут не нравится?! Да. Нам пока нелегко. Мы, например, не можем еще открыто говорить, где мы берем свои деньги, но зато мы уже можем открыто их тратить! Мы выходим на улицу, оглядываемся по сторонам и видим, что можем свободно купить все, что вокруг нас стоит или движется! Или это уже не прогресс? Или это не то, за что боролись всю свою жизнь лучшие умы человечества? Вы вспомните, что мы имели раньше, ну, в смысле естественных прав хорошо обеспеченного человека? Сплошные же нарушения!

И тут Лева обычно рассказывал всем историю, которая вкратце выглядела примерно так.

Лет пятнадцать назад Лева Рыжак, тогда еще молодой, но уже известный всему городу подпольный маклер, вернулся с работы и чуть не зарыдал на плече у жены.

– Рита! – говорил он. – Сегодня в нашем дворе я видел ужасное: вдову Грудиновкер, нашу соседку, вынесли из ее квартиры и увезли туда, откуда еще никто не возвращался. В реанимационное отделение еврейской больницы!.. Неужели мы потеряем ее – такую светлую, чистую?.. Такую большую!..

– Ты имеешь в виду вдову Грудиновкер? – спросила его жена.

– Я имею в виду ее квартиру! – ответил Лева. – Мое сердце этого не выдержит!

– Но что же мы можем сделать, Лева? – спросила жена. – Мы же не имеем к этой квартире ни малейшего отношения!

– Пока не имеем. Но у меня есть план, Рита. И ты обязана с ним согласиться! Иначе... Иначе произойдет самое страшное, что ты только можешь себе представить!

– То есть что?! – испугалась Рита. – Ты отойдешь в мир иной вместе с вдовой Грудиновкер?

– Хуже! Квартира вдовы Грудиновкер отойдет государству!

Потом Лева еще что-то долго и страстно говорил жене на ухо, но этого уже никто не слышал. Зато через какое-то время его видели в сберегательной кассе, где он снимал с книжки все, что на ней было. А через час он уже разговаривал с врачом еврейской больницы.

– Доктор! – говорил Лева. – Сегодня утром к вам в больницу привезли вдову Грудиновкер...

– Утром?.. – задумался врач. – Что ж... получается, ей осталось жить всего несколько часов...

– Вы что же, ее осматривали?

– Нет. Просто исходя из обычного опыта работы нашего отделения...

– Послушайте, доктор. Я буду платить вам двадцать пять рублей в день, – сказал Лева, – но она должна прожить еще как минимум трое суток!

– Молодой человек, – сказал доктор, – я разделяю ваши чувства... Вы же, наверное, родственник... Но медицина, увы, не всесильна... Тем более в нашем отделении...

– Хорошо, – сказал Лева, – тридцать рублей в день.

– Прекратите! – обиделся врач. – Неужели вы действительно думаете, что к тем больным, за которых нам платят, мы относимся как-то иначе, чем к тем, за которых не платят? Уверю вас, мы ко всем относимся одинаково. Поэтому я же вам говорю: если утром ее к нам привезли, значит, к вечеру вы уже можете забирать ее вещи...

– Тридцать пять рублей в день! – сказал Лева.

– Я сейчас позову милицию, – сказал врач.

– Пятьдесят!

– Вот это уже другой разговор... С этого и нужно было начинать. Но больше трех суток я вам не обещаю.

– Хорошо, – сказал Лева, – попробуем уложиться.

И он начал действовать.

Развестись с Ритой оказалось не так-то уж и просто. Несмотря на рассказы обоих супругов о сильной взаимной неприязни, возникшей еще при знакомстве, постоянных изменах, начавшихся в первую же брачную ночь, детях на стороне и ежеминутном остром желании зарезать друг друга, государство в лице заведующего загсом твердо стояло на страже их счастливой семьи и требовало подождать с разводом еще как минимум месяц. Но в данном случае государство, как говорится, не на тех напало. Лева задействовал все свои связи, и в конце концов их с Ритой развели за пять минут. Увы, это были последние пять минут из того времени, которое отпустил врач еврейской больницы... И Лева снова отправился в эту «кузницу здоровья».

– А!.. – узнал его врач. – Любвеобильный родственник вдовы Грудиновкер! Ну что ж, молодой человек, наш коллектив совершил невозможное! Ваша вдова еще дышит. Хотя мы, врачи, считаем, что это совершенно противоестественно.

– Доктор, – сказал Лева, – а нельзя ли продержат ее в этом непривычном для вас состоянии еще пару дней?

– Перестаньте, – сказал врач. – Вы же понимаете, что это невозможно.

– А за сто рублей в день?

– Исключается.

– А за сто пятьдесят? Да чего уж там!.. Я заплачу вам любые деньги!

– Что значит любые? Вы же не будете платить мне двести?

– Буду, – сказал Лева.

– Ну я не знаю, – заколебался врач. – Мы и так влили в нее все лекарства, которые были у нас в отделении... Вот разве что вам удастся достать ей лекарства, которые действительно помогают при ее заболевании...

И Лева достал такие лекарства! Самолет из Америки прилетел с ними в Одессу уже на следующий день, хотя, судя по расписанию, должен был прилететь через день и не в Одессу, а в Кишинев.

Теперь Лева мог приступать ко второй части своего плана – женитьбе на вдове Грудиновкер. Правда, осуществить ее оказалось еще сложнее, чем первую. Бывшие супруги Рыжак продали все имевшиеся у них в доме предметы второй и третьей необходимости. Несколько раз заходил Лева к заведующему загсом, но тот упирался, при этом неся какую-то ахинею о необходимости соблюдать закон, требующий подождать месяц, и даже о своем отрицательном отношении к взяткам!.. Короче говоря, было ясно, что такого заведующего следует немедленно снимать со своего поста и ставить на его место другого, который, находясь на этой руководящей работе, мог бы действительно принести реальную пользу себе и людям.

Лева продал последние «Жигули» и пошел на прием к главному начальнику всех городских заведующих загсами. Кадровый вопрос был решен уже на уровне секретарши. Но время, отпущенное врачом вдовы Грудиновкер, опять истекло, к тому же на следующий день было воскресенье...

– Нет! – сказал врач, как только Лева появился на пороге его кабинета.

– Да! – сказал Лева. – Еще один день!

– Ну поймите! – взмолился доктор. – С этой вашей вдовой вы и так поставили перед нами непосильную задачу. Это еще счастье, что за ее решение взялся сам академик Шпак,

и то при условии, что мы предоставим ему невиданный гонорар и какой-нибудь учебник по медицине! Врачи нашего отделения скормили этой вдове самые дефицитные препараты, которые держали исключительно для себя! Круглые сутки она подключена ко всей мыслимой и немыслимой аппаратуре. Главврач больницы уже не знает, как он будет рассчитываться за электричество!.. Ну почему, почему вы не хотите смириться с неизбежным?!

– Это вам придется смириться с неизбежным! – строго сказал Лева. – Я заплачу вам тысячу! За один рабочий день!.. К тому же еще выходной!..

Врач обреченно махнул рукой.

...В понедельник утром Лева Рыжак с букетом цветов, в новом костюме, с новым заведующим загсом явился в реанимационное отделение.

– Где тут постель новобрачной? – спросил он врача. – Я имею в виду вдову Грудиновкер!

– Ах вот оно что! – сказал врач. – Ну слава тебе, Господи... теперь все понятно. А то я уж думал, может, и вправду бывают такие заботливые родственники... Чуть с ума не сошел. В моем возрасте, знаете ли, трудно менять фундаментальные представления о человечестве...

Все трое зашли в палату.

– Дорогой Лев! – заговорил заведующий загсом, стараясь не смотреть на вдову, окутанную проводами. – Хорошо ли вы обдумали этот шаг?

– Хорошо, – сказал Лева. – Я еще ни один шаг в своей жизни так хорошо не обдумывал!

– А вы, мадам Грудиновкер, согласны ли вы стать женой этого человека?

Вдова, естественно, молчала.

– Боюсь, что она не сможет сказать вам слово «да», – заметил врач.

– Ничего, – успокоил его Лева, – в конце концов, слово «нет» она же тоже сказать не может. Так что для заключения брака этого достаточно.

– Объявляю вас мужем и женой! – быстро закончил заведующий загсом и вышел из комнаты невесты на свежий воздух.

– Все! – сказал Лева врачу. – Отключайте аппаратуру...

– И что же дальше? – спрашивали обычно в этом месте Левиного рассказа его слушатели.

– Что, что... А ничего! – отвечал Лева. – Думаете, померла? Держи карман шире! После такого ухода, таких лекарств и такой аппаратуры?! Пятнадцать лет прошло, а она жива и здорова как гренадер. Сейчас ей уже за восемьдесят. Развода мне она не дает, живет у меня в квартире и требует исполнения супружеских обязанностей. Риту называет проходящей шлюхой и каждый вечер гонит ее на улицу... В общем, кошмар!..

– А как же ее квартира? – спрашивали слушатели.

– Так это же самый большой кошмар! – отвечал Лева. – Оказалось, что муж вдовы Грудиновкер при жизни был ужасный картежник. Так что ее квартиру сразу же пришлось отдать за долги. Хорошо, что хватило хотя бы на половину. А остальное я до сих пор выплачиваю... Поэтому же я вам и говорю: не ропщите на свою жизнь. От добра добра не ищут. И вообще, запомните раз и навсегда: самые большие в жизни неприятности у человека начинаются именно тогда, когда ему удастся наконец осуществить свои самые страстные желания...

Шедевр

Практичному другу моего затянувшегося детства Игорю Метелицыну посвящается

Это сейчас бывший приемщик стеклотары Вова Хомяк известен в нашем городе как собиратель картин. Это сейчас он, проводя гостей по своему огромному дому, обставленному с какой-то вавилонской роскошью, небрежно роняет сквозь оттопыренную губу, указывая на стены:

– Филонов... Шемякин... Целков...

– А это что? – интересуются гости, останавливаясь у очередной картины.

– А это Ге, – еще более небрежно роняет Вова.

– Почему ге? – удивляются гости. – А что, хорошую картину ты уже не мог себе прикупить?

– Да нет, – отвечает Вова, – Ге – это фамилия художника. А картина как раз хорошая. Вот темные вы люди...

Нет, сейчас Вова в этом вопросе, как говорят его друзья, «какой-то переодетый профессор». Но еще лет десять назад, в те великие времена, когда все мало-мальски соображающие люди в Одессе делали себе огромные состояния за каких-то двадцать минут, а Вова, как самый мало соображающий, сделал его себе за двадцать пять, он, то есть Вова, был далек от этого искусства как от Луны.

– Ну Пусик! – уговаривала Вову его жена Ляля. – Помнишь, мы еще с тобой кино смотрели из жизни миллионера Онассиса? У него там в квартире картинки всякие, статуэтки... Красиво! А у нас из живописи один перекидной календарь. Можно подумать, что мы с тобой бедней какого-то там Онассиса!

– Перестань! – отмахивался Вова. – Картинки-шмартинки... Это все Чайковский.

– Как ты говоришь? – переспрашивала Ляля.

– Ну это дедушка мой так говорил, – объяснял Вова. – Все, что человек не может съесть, надеть на себя или трахнуть – это Чайковский. То есть для жизни вещь абсолютно не нужная...

Впрочем, в том, что искусство – для жизни вещь очень даже не бесполезная, а никакой не Чайковский, Вова пришлось убедиться довольно скоро.

...Ранним воскресным утром грянул этот звонок. Ляля отправилась было открывать бронированную входную дверь, но та почему-то раскрылась сама, и перед четой Хомяков предстал неотразимо элегантный мужчина, похожий на молодого Мефистофеля, с огромным кожаным кейсом в руках.

– Алекс Пургалин! – представился он. – Бывший ваш соотечественник, а ныне гражданин США. Президент транснациональной суперкорпорации «Брайтонский Лувр». Дешевая распродажа бесценных шедевров. В этом городе всего на несколько минут, и вот, так сказать, не мог не посетить представителей зарождающейся элиты... Мои рекомендательные письма... Совместные фотографии с Клинтоном, папой римским, а также мэром города Бугульмы...

– Ой, Вовчик! – ахнула Ляля. – Так это же как раз то, что нам нужно!

– Даже не сомневайтесь! – подтвердил гость. – Я работаю со всеми самыми богатыми представителями прогрессивного человечества, и еще не было случая, чтобы какой-нибудь клиент ушел от меня безнаказанным. То есть без произведения живописи или скульптуры!

– А нам что вы можете предложить? – недоверчиво поинтересовался Вова.

– Все, что угодно! Взгляните на эти холсты, – и Мефистофель достал из своего кейса несколько листов плотной бумаги. – Ван Гог, Гоген, Шагал... Три лучших художника Брайтона, день и ночь, не выходя из своего подвала, рисуют для меня эти бессмертные копии, которые я, заметьте, ставлю значительно выше оригиналов. Во всяком случае, по цене! Вот – Сальвадор Дали. Очень рекомендую. Блестящая вещь!

– Где Сальвадор? – удивился Вова, рассматривая картину. – Тут паровоз какой-то из печки выезжает... это я вижу... А Сальвадор тут где?

– Так говорят же тебе – в дали! – неловко пошутила Ляля, всем своим видом показывая, как ей неудобно за своего необразованного мужа. – Просто, наверное, нужно присмотреться...

– Нет, – твердо сказал Вова. – Это мы не берем. Я этот абстракционизм вообще ненавижу.

– Совершенно с вами согласен, – бодро закивал головой гость. – Я его сам терпеть не могу. Бездарнейшая картина!.. Даже не понимаю, зачем я ее вам принес... – И на глазах изумленных Хомяков быстро разорвал Сальвадора Дали на мелкие кусочки. – Но взгляните на это совершенно бесценное полотно! – продолжал он, доставая следующий лист бумаги. – «Мишки в сосновом бору»! Здесь, я думаю, для вас уже будет почти все понятно!..

– Тем более не берем! – отмахнулся Вова. – Я эту лагерную тематику в квартире не потерплю. «Мишки на севере», «Мишки на лесоповале»... Насмотрелся уже в свое время... И боюсь, еще насмотрюсь...

– Но, Вовочка, – сильно расстроилась Ляля, – надо же что-то приобрести. Больше такого шанса нам может и не представиться...

– Да что я, не понимаю! – взорвался Хомяк. – Раз уж у всего мира крыша поехала от этого чертова искусства, надо как-то соответствовать... Но тогда уж хотелось бы чего-нибудь, я не знаю... Ну, типа, не копию там, а оригинал... Желательно антиквариат... Ну, чтобы деньги вложить!

– Есть, – твердо ответил гость, гипнотически глядя на Хомяка. – Исключительно только для вас. Именно оригинал. Антиквариат. И именно для того, чтобы вкладывать деньги.

И с этими словами он достал из своего кейса выполненную в натуральную величину ярко раскрашенную, хоть и потемневшую от времени керамическую фигуру, в которой Хомяки, родись они лет на пятнадцать раньше, сразу смогли бы узнать популярную в те времена среди посетителей одесского Привоза кошку-копилку.

– Ништяк! – ахнула Ляля. – Боже, какая прелесть!

– В каталоге Эрмитажа этот шедевр числится под названием «Бенгальский лев», – заметил президент транснациональной корпорации.

– А это точно антиквариат? – спросил Вова. – В смысле – вещь давно сделана?

– В шестнадцатом веке.

– А сейчас какой? – заинтересовалась Ляля.

– Сейчас двадцатый. Да тут и так видно, что вещь старинная. Вот ухо отбито. Я думаю, это работа Леонардо да Винчи.

– Хулиган, – не одобрил Хомяк.

– Кто?

– Этот самый Давинча – взял ухо отбил!..

– Нет, вы не поняли. Да Винчи – это автор шедевра. А ухо... Вы ведь бывали в Италии?

– Еще сколько раз!

– Обратили внимание: Венера Милосская – с отбитыми руками, Аполлон – с отбитым носом?.. И ничего. Они от этого, наоборот, в сто раз дороже становятся...

– Ну, по музеям нам там ходить некогда, – ответил Вова. – Но в прошлую субботу мы в этой Италии так погудели с братвой в одном ресторане, что к утру от него камня на камне... Ну, в общем, как вы говорите, так ему теперь вообще цены нету.

– Понятно, – кивнул гость. – Так что, «Льва» будете приобретать?

– Хочу! – опять ахнула Ляля. – Ой как хочу!

– Подожди! – одернул ее Хомяк. – А какая цена?

– Вам как ценителю собственно «Лев» обойдется в одну тысячу долларов.

– Покупаем! – твердо сказала Ляля.

– Да подожди ты! – опять остановил ее Вова. – «Лев», «Лев»... Что я, не вижу, что ли, что это кошка?.. Хотя, может, ее и слепил этот самый... Довинченный...

– А я хочу!.. Ну посмотри, дорогой, – она же как живая!

– Но все-таки не живая...

– Пожалуйста, – вмешался в разговор американский гость. – Я могу и живую!.. Хотя, конечно... Живая, шестнадцатый век... Это вам будет стоить дороже...

– Да я и эту, дохлую, за тысячу долларов не куплю! – разозлился Хомяк. – Да никогда в жизни!

– Правильно, – подтвердил мистер Пургалин. – Потому что вы же прекрасно понимаете, что на самом деле она стоит намного дороже! Если вы обратили внимание, я сказал, что тысячу долларов стоит собственно «Лев». Но это еще не все.

– А что же еще? – насторожились Вова и Ляля.

– Видите это отверстие на голове у животного? – таинственно заговорил хозяин «Брайтонского Лувра», и глаза его блеснули, как бриллиантовые запонки. – Эту художественно выполненную прорезь? Великий Леонардо сделал ее специально для монет. Таким образом скульптор как бы подтвердил вашу блестящую мысль о том, что большие деньги следует вкладывать только в бессмертные произведения искусства. И люди вкладывали! Богатые вельможи, особы королевских кровей, которым в разное время принадлежала эта скульптура, бросали сюда золотые луидоры, потом эти... сестерции тоже бросали, и главное – пиастры! Пиастры! – закричал он вдруг каким-то попугайчьим голосом. – Слышите, сколько их там накопилось? – и Мефистофель потряс копилку под ухом у Хомяка.

– Сколько? – спросил Хомяк, и глаза его блеснули не хуже, чем у Мефистофеля.

– А вы как думаете – за четыреста лет? Так что в целом это произведение искусства вообще не имеет цены. Я купил его в Англии, можно сказать, по случаю, из-под полы у наследника королевского престола. За двадцать тысяч долларов. Но вам как истинному ценителю продам за девятнадцать.

– Бери, Пусик! Бери! – подскочила Ляля. – За девятнадцать тысяч – это классное предложение!

– Да подожди ты, в натуре! – напрягся Хомяк. – А если там не эти самые... луидоры, а какие-нибудь жетоны на метро?

– Исключено! – торжествующе вскричал заграничный гость. – Я выяснял: в Италии в шестнадцатом веке метро еще не было. Так что я думаю – тут просто несметные сокровища!

– Но как же это проверить?! – чуть ли не плакали Хомяки.

– А вот это как раз невозможно, – развел руками блистательный обольститель. – Не разбивать же бессмертное произведение. Это ужаснейший вандализм! Хотя, если вы настаиваете... Оно, конечно, бессмертное, но, как видите, довольно-таки хрупкое... Можем договориться так: сейчас мы его разобьем, и если там действительно бесценные сокровища – с вас девятнадцать тысяч. Если нет – что, конечно же, невозможно, – платите всего лишь одну. То есть за собственно «Льва».

– Эх, была не была! – взвился Хомяк – и со всего размаху шваркнул произведением о косяк.

– О, май Гад! – схватился за голову гость, рассматривая монеты, раскатившиеся по полу. – Тысяча девятьсот пятьдесят третий год... СССР... Двадцать копеек... Как я обманут! Как обманут!..

– Ничего, – нравоучительно говорил Хомяк, вручая ему тысячу долларов. – В следующий раз будете поумнее. А то – «у наследника королевского престола»!.. Запомните: сейчас из-под полы вообще ни у кого и ничего покупать нельзя. Скажите еще спасибо, что он вам колбасу какую-нибудь не всучил шестнадцатого века, а то бы вы вообще отравились!..

...Через какое-то время мистер Алекс Пургалин уже видел эту Одессу с большой высоты. Удобно устроившись в кресле самолета, берущего курс на Атлантику, он думал о том, что не перевелись еще в этом городе истинные ценители прекрасного. И бизнес какой-никакой с ними делать, конечно, можно. Хотя возвращаться сюда после всего, что произошло, ему, конечно, нельзя.

А в квартире у Хомяков в это время происходил следующий разговор.

– Что же ты, Вова, честное слово, разбил «Бенгальского Льва»?! – сокрушалась Ляля.

– Ой, перестань, – отвечал ей Вова. – У моей бабки на Молдаванке этих «львов» было штук двадцать пять. Полный комод. Я его сразу узнал, как только увидел. А разбил... Ну просто чтобы не сомневаться.

– А деньги ж тогда за что заплатил? – всплеснула руками жена.

– За идею, Лялечка! За идею. Согласись – идея не слабая. В Одессе, конечно, не прохияет, но если скупить здесь этих котов штук пятьсот, скажем, по одной гривне за штуку, а потом продать их как львов всем крутым города Николаева по тысяче баксов, то это получается... пятьсот умножить на тысячу... – и Вова отправился в свой кабинет производить при помощи калькулятора сложную математическую операцию.

И что бы вы думали? Бизнес пошел! Причем не только с котами. Потому что каждый раз, обрабатывая очередного клиента, Вова не переставал повторять:

– Вкладывайте ваши деньги, господа! Вкладывайте их в произведения искусства. В картины, в скульптуры... И вынимайте оттуда только после того, как у вас закончится обыск...

Рыжий русский голубой

Ну что это мы все о людях да о людях? Как будто Господь Бог не создал на этой земле ничего более интересного или, скажем, разумного. Поговорим, например, о котках...

Вот поразительная вещь: все, что мы знаем о них, абсолютно не соответствует действительности. Считается, например, что коты не умеют плавать. Ерунда. Коты – замечательные пловцы. Просто они стесняются это показывать, поскольку не хотят, чтобы все видели, что они плавают по-собачьи.

Или взять, скажем, миф о необыкновенной кошачьей похотливости. Так ли он справедлив?

Один мой знакомый молодой кот влюбился в соседскую кошку. Та отвечала ему взаимностью. Часами, бывало, стояли они на балконах своих квартир, неотрывно глядя в глаза друг другу. Юная особа не выдержала первой. Она пошла по карнизу навстречу своему избраннику, но сорвалась и упала с пятого этажа.

Кошка, к счастью, осталась жива. Но кот с тех пор не обращает на нее никакого внимания. И вообще обходит представительниц прекрасного кошачьего пола десятой дорогой. Потому что с первого же раза понял: любовь и смерть – две вещи неразлучные, их разделяет один неосторожный шаг.

И вообще, я знавал десятки котов, чье поведение в непростых жизненных ситуациях могло послужить, как говорится, достойным примером для нашей молодежи. Расскажу только о троих.

Свой путь к вершинам материального благополучия Рома Каплун начал с того, что переселился с женой и детьми в будку для продажи газированной воды, в которой он и работал, а небольшой дом, доставшийся ему от родителей, сдал в аренду какой-то пожилой американке, приехавшей в Одессу по заданию своей заокеанской компании с целью разобраться, действительно ли в этой стране живут законченные придурки, и если да – немедленно открыть где-нибудь в центре города желательного очень дорогой магазин по продаже американского ношеного белья.

Нужно сказать, что делать с ней бизнес Роме было непросто.

– Ит из комната, – показывал он ей свой дом. – Ит из кухня. Ит из свежий воздух со всеми удобствами. Я думаю, такой хауз стоит тысячу долларов в месяц?

– О, йес! – согласилась старушка. – Конечно же стоит! – и протянула Роме пятидесятидолларовую бумажку.

– Ит из есть задаток? – спросил Рома.

– Ит из есть полный расчет, – ответила американка. – Не подходит – верните, плиз!

Рома чуть не заплакал. Ну откуда эта капиталистическая акула могла узнать, что, взяв в руки денежную купюру любого достоинства, он уже никогда и ни при каких обстоятельствах не мог вернуть ее обратно?

– О'кей! – сказал Рома. – Так уж и быть... Но в доме есть еще мебель, посуда... За них тоже нужно платить. Тут уж, согласитесь, меньше чем сто пятьдесят долларов в месяц...

– Оф корс! – опять согласилась американка. – Конечно же, меньше! Намного меньше! – и всучила ему десятку.

И тут во дворе появился кот. Рыжий бездомный бродяга, которого Рома до этого никогда и в глаза не видывал. Появление кота произвело на американку неизгладимое впечатление.

– О май Гад! – запричитала она. – Вэри найс кэт! Бьютифул кэт! Это есть ваш?!

Рома понял, что теперь наконец настал и его час...

– Конечно же мой, – сказал он. – А чей же еще? Кстати, о коте нам предстоит поговорить отдельно!

Заслышав эти слова, хитрющая рыжая зверюга посмотрела сначала на американку, потом на Рому и чинно уселась у его ног.

– Редчайший экземпляр! – отрекомендовал Рома кота. – Порода русская голубая!

– Но он же есть рыжий? – изумилась американка.

– Правильно! – подтвердил Рома. – А я вам о чем говорю? Именно рыжий! Редкий случай среди голубых! Вообще-то я думал забрать его с собой. Но, говорят, коты привыкают к дому...

– О да! – закивала головой пожилая леди. – Итс импасибл! Этого делать нельзя! Этим вы можете нанести коту моральную травму! Оставьте его мне. Я буду его много кормить. Я обожаю котов!..

– Но, с другой стороны, – продолжал Рома, – разлука с котом может стать для меня невыносимой. Как-никак член семьи... Впрочем, если бы вы могли компенсировать – доллар двести пятьдесят – триста...

– Хау мач?! – вытаращила глаза американка. – Сколько вы говорите?

– Четыреста, – отрезал Рома. – И ни копейки меньше. Или я нанесу ему травму...

Американка полезла за кошельком.

Через месяц рент на кота удалось повисить.

– Очень сильно соскучился, – объявил Рома своей постоялице. – Пришел забирать члена семьи.

– Не делайте этого! – взмолилась американка. – Лук эт зе кэт! Посмотрите: за какие-то три недели этот ваш член поправился на четыре килограмма!

– А я от тоски похудел на восемь! – заявил Рома. – Так что придется раскошелиться!

Еще через месяц, сообразив, что с этим городом каши не сварить, более того – работа здесь, ее американская фирма не только не сможет продать старое белье, но и рискует остаться без своего собственного, американка вызвала к себе Романа.

– Ай гоу ин Америка! – сказала она, поглаживая кота, сидящего у нее на коленях. – У вас в России мне все очень не нравится. Но этого рыжего русского голубого я полюбила всей душой. Продайте его мне. Согласитесь, что в Америке коту будет лучше.

– В Америке всем будет лучше, – резонно заметил Рома. – Не продам.

– А за очень большие деньги?

– Ни за какие!

– Но почему?

– Я же вам объяснял: этот кот – член нашей семьи. А значит, без нашей семьи ни в какую Америку он не поедет!

При этих словах кот грузно спрыгнул с колен американки и демонстративно пересел на Ромины.

И что бы вы думали?! Через какое-то время американка таки прислала Роминой семье вызов и даже оплатила гарант.

Теперь они все живут в Калифорнии, где Рома за довольно большие деньги продает местным жителям русские поношенные ватники, выдавая их за подлинную одежду узников ГУЛАГа. А рассказывая историю своего переезда в Америку, нежно вспоминает кота, говоря, что лучшего партнера по бизнесу у него с тех пор никогда не было.

Следующего нашего героя звали Кузя. Небольшой, серый, ничем не примечательный, он жил за кулисами нашего консерваторского зала и был известен тем, что, в отличие от большинства котов, обитающих в зрелищных учреждениях, никогда во время концертов не выходил на сцену. Хотя первое время мы этого очень боялись. Всем известно, что самый

захудалый кот, появляясь на сцене во время концерта или спектакля, моментально притягивает к себе все внимание самой взыскательной публики. В чем здесь секрет – сказать трудно. Но почему-то вопрос: «Куда направляется через всю сцену эта безмозглая тварь?» – мучил зрителей во все времена значительно больше, чем, например, вопрос: «Быть или не быть?», – который в это же время мучил на сцене какого-нибудь там Гамлета.

А может, это преувеличение. Может быть, корова или, скажем, свинья, появившись они неожиданно во время исполнения шекспировского шедевра, тоже легко переиграли бы в глазах публики датского принца. Но считается, что только коты. Уж как они добились такого исключительного зрительского признания – неизвестно. Но факт остается фактом.

Так вот, Кузя никогда своими талантами не пользовался. Сидел себе за кулисами и слушал. «Какой воспитанный котик!» – думали мы. И заблуждались. Просто Кузя ждал своего часа. Ну что за интерес был ему переигрывать нас – жалких школяров! Он мечтал помериться силами с Великим Артистом. И он своего дождался.

В тот день в переполненном зале консерватории давал концерт сам Эмиль Гилельс. И вот в кульминационный момент этого концерта, как только пианист начал раздирать души собравшихся скорбными аккордами знаменитого шопеновского марша, из-за кулис появился Кузя. Он гордо прошествовал под эту торжественную музыку из одного конца сцены в другой, потом вернулся обратно, и... ничего не произошло! Привыкшая за многие годы к своему коту консерваторская братия не обратила на него никакого внимания. На сцене был Гилельс!

Кузя уселся возле рояля и растерянно уставился на публику. Что происходило в этот момент в его кошачьей голове? Может, он думал о том, что не только уходить со сцены, но и выходить на нее нужно вовремя? Или о том, что великая легенда о непобедимости котов на сцене, легенда, составлявшая, может быть, главную гордость многих поколений его кошачьих предков, рушится сейчас из-за него?.. Во всяком случае, он понимал: нужно немедленно что-то делать.

И он таки нашел выход, этот фигляр! Подлез под педаль рояля. Пианист надавил на педаль. Педаль надавила на Кузю. Кузя заорал – естественно, не человеческим, но даже и не кошачьим голосом. Пианист от неожиданности вскрикнул, смешно вскидывая руки и ноги... Публика покатила от хохота...

Очень жаль было сорванного концерта. Но честное слово – был в этом какой-то урок. Во всяком случае, для начинающих артистов или политиков. И состоял он в том, что, если ты уже выполз на сцену, ты должен заставить всех обратить на себя внимание. Даже ценой собственного здоровья. А кот ты там уже или не кот – в данном случае значения не имеет...

Третьего героя нашего рассказа звали Васей. Уж его-то точно знала вся Одесса. В страшную зиму девяносто третьего года, когда по обледелому и полуживому городу бродили стаи бездомных собак и одинокие фигуры полуголодных, каких-то с виду плохо побри-тых мужчин и таких же женщин, этот кот показал нам всем, как решить проблему, которая тогда волновала многих, а именно – как покинуть эту родную землю, на которой, казалось, жить уже невозможно, в то же время по возможности не покидая ее. Он стал жить на дереве.

Говорят, что он даже родился на крыше ларька, стоявшего когда-то под этой акацией на Греческой площади. А возмужав, тут же залез на акацию. То есть его мохнатая нога вообще никогда не ступала на грешную землю. Короче, он был поэт.

Василий не спускался с дерева ни днем ни ночью. Окрестные жители при помощи нехитрого приспособления подавали ему туда воду в консервной банке, а пищу он добывал себе сам, грациозным движением когтистой лапы ловя на лету куски хлеба и колбасы, которые ему бросали снизу.

И он пережил эту зиму! А потом прилетели первые птицы, и все мы слышали, как он разговаривает с ними на их птичьем языке! И они понимали его!

И началась какая-никакая весна. Зазеленела акация, и на Греческую площадь, как после зимней спячки, вышли из своих дворов действительно самые красивые в мире одесские девушки. И глядя на них, уже всем стало ясно, что жизнь все-таки продолжается! И что этот город таки да будет жить вечно, потому что никогда не перестанут рождаться в нем подлин-ные поэты и подлинные коты.

Лоходром

Монолог моего старого приятеля, произнесенный им в вагоне-ресторане поезда Одесса – Москва, куда мы с женой зашли, чтобы выпить по стакану чая, а он – весь имеющийся там в наличии коньяк

Вот, говорят, бизнес – это нефть, газ, пшеница. А я говорю – мура. Самый лучший бизнес во все времена – это лоходром. Потому что все может закончиться – нефть, газ. Пшеница может не уродить. А лохи как рождались каждый день, так и будут рождаться. И не закончатся они никогда.

И, главное, лоху-то что надо? Чтобы он был здоров. То есть чтобы его в один день вылечили от всех болезней. Чтобы он мог есть за пятерых и при этом не поправлялся. Потом – только пусть дамы не обижаются – чтобы у него с потенцией было все в порядке. Хотя что-то я не видел таких дам, которые бы на это обижались... Га-га-га...

То есть надо ему, как видишь, немного. Но уж за это он отдаст все! На чем, собственно, и построен наш благородный бизнес.

Думаешь, я сам до него допер? Это сыны мои подсказали. Двое их у меня. Сообразительные ребята. Близнецы. Одному восемнадцать, а второму... А, ну и ему, получается, столько же. Зашли они как-то ко мне в офис, посмотрели, как я тружусь. Пора, говорят, тебе, батя, на покой! Двадцать первый век на дворе. Телевидение, Интернет. А ты как разливал свой шмурдяк в бутылки из-под французского коньяка, так до сих пор и разливаешь. То есть направление-то у тебя правильное. Но масштаба уже не хватает. И еще этого... Знания ментальности потенциального инвестора. Короче, психики современного лоха. Так что ты отойди в сторонку, а мы тут у тебя похозяйничаем. А там, глядишь, и носильщиком тебя найдем...

– Это как же – носильщиком? – спрашиваю.

– А вот так, – говорят. – Мужик ты еще здоровый. Будешь чемоданы с бабками нам приносить и в бронированный погреб складывать.

А что, думаю я себе, пусть попробуют, сукины дети. (Это я их мамашу так иногда называю.) Пусть почувствуют, каким трудом дается нетрудовая копейка!

Вот, значит, они и начали. Сначала рекламу по телевизору запустили.

В кадре народный артист, за пятнадцать долларов купленный. Так, мол, и так, говорит. В день моего славного пятидесятилетия и сорокалетия творческой деятельности театральная общественность страны, а также министерство культуры наградили меня поясом из собачьей шерсти. Раньше радикулит, почки и простатит не давали мне разогнуться. Но теперь, почувствовав на спине родную собачью шерсть, я уже легко становлюсь на задние лапы. Так что звоните немедленно. Цена сто долларов.

И что бы вы думали? Сотни звонков сразу же после рекламы.

– Мечтаем приобрести! Но почему так дорого? На базаре этот пояс – пятнадцать гривен!..

– Так на базаре же вам всучат какую-нибудь беспородную дворнягу, – объясняют мои сыны, – от которой вы не только не вылечите свой ишиас, но еще и подцепите на него лишай! А мы вам предлагаем пояса из экологически чистых густошерстных высокогорных собак. Породы дикая болонка.

И понеслось. Закупили мы у водопроводчиков полтора километра войлока, которым они трубы на зиму оборачивают. Двести надомниц сидят день и ночь, строчат из него эти самые собачьи пояса. А лохи прыгают вокруг нас как те же болонки – только уже не дикие, а дрессированные, – и в зубах деньги протягивают.

Как, значит, ажиотаж стал немного спадать, сыны мои новый проект запустили. Три кусочка мыла для похудания. Мол, раскрыт секрет древнеегипетских врачей.

Утром моетесь красным кусочком, днем – зеленым, вечером – синим. И все. Через неделю вы из отечественного откормленного кабана превращаетесь в элегантную древнеегипетскую мумию. Цена все та же – сто долларов.

Тысячи звонков сразу же после рекламы.

– Но вы гарантируете успех? – интересуются лохи.

– А как же! – отвечают мои сыны. – Конечно, мы гарантируем! В девяноста процентах случаев.

Чувствуешь, как неглупо? Именно в девяноста. Потому что если сказать сто, могут же и побить. А так помылился лох нашим мылом неделю, другую, третью – и видит, что он как не влезал в ворота своего гаража, так до сих пор и не влезает. Но кто же тут виноват? Получается, в девяноста процентов случаев он не вошел.

– Зато, – объясняют ему сыны, – вам опять-таки повезло. Попали прямо в десятку...

Нет, с мылом – это была классная идея. Потому что есть же отдельные лохи, которые мечтают не похудеть, а, наоборот, поправиться. Для них – те же самые три кусочка. Но только намыливаться в обратной последовательности.

Ну, лохи аж варежки пораскрывали от удивления. А мы им новый проект – «Чудо-варежка» называется.

Вначале даже сами не знали, что это такое. Просто вышли с рекламой: цена сто долларов, гарантия девяноста процентов.

Не представляешь, что началось! Лохи нам все телефоны оборвали.

– Готовы, – кричат, – платить и двести! Только объясните, от чего она помогает и на что ее надевать!

Ну придумали мы что-то невразумительное. Мол, если ваши руки сморщились от постоянной стирки и безжизненно обвисли, если они вообще с трудом подымаются, суньте их в наши варежки – и через неделю они станут как молодые...

Тысячная толпа под окнами! Причем в основном мужчины. И берут по одной штуке. То есть ясно, что не для рук. На что они собирались надевать наши варежки, даже и не знаю. Хотя, конечно, догадываюсь. Но уж тут-то мы им ничего не гарантируем. Потому что от импотенции у нас другой препарат имеется. «Золотой козел».

Поскольку это дело святое, то мы его соответственно и отрекламировали. Мол, средство из-за границы. Проверено в самых престижных борделях Иерусалима и Ватикана. Действует как на мужчин, так и на женщин. То есть не различает.

И народная артистка по телевизору:

– Поздравьте меня, – говорит, – дорогие любители прекрасного. Вчера в возрасте шестидесяти семи лет я впервые испытала оргазм. Цена сто долларов. Гарантия девяноста процентов.

Лохи, как обычно, набросились. Хватают у нас этот толченый мел с корицей для запаха. Только одна вдруг прибежала, особенно озабоченная:

– Что это за дуриловка такая! – кричит. – Как это средство может действовать на девяноста процентов? Оно или действует, или нет! А я его глотаю уже десять дней – и не испытала никакого оргазма!

– Так правильно! – говорят сыны. – Вам же сейчас лет, наверное, сорок. А в рекламе как было сказано? В шестьдесят семь. Вот поглотаете еще лет тридцать – тогда и испытаете!

– А чтобы уже сейчас испытать? – спрашивает она. – Такого средства вы мне порекомендовать не можете?

– Из научных, – говорю я ей, – не можем. «Козел» – самое сильное. А из народных... Попробуйте переспать с женщиной. Хотя бы со мной. В конце концов, я ведь тоже женщина! В девяноста процентах случаев...

Короче, мы с этими лохами живем как у Христа за пазухой. Старшенький мой, которому восемнадцать, дом себе на Кипре купил. Младшенький – ну которому столько же – тоже где-то там рядом. На Мадагаскаре. А я вот езжу по родной стране и только бабки для них собираю. Ну, мне они доверяют. Родной отец как-никак. Так что я при них зарабатываю в два раза больше, чем они, вместе взятые.

В общем, жить бы нам всем и жить. Вот только жаль, что когда-нибудь помирать придется...

Но мы от этого сейчас специальные таблетки принимаем. Они, правда, дорогие, собаки... Пятьсот долларов штука. Но уж тут зато все без обмана. Нам их одна серьезнейшая фирма продает. С Большой Арнаутской. Вытяжка из вечноцветущего баобаба. Он, говорят, триста лет живет. Так вот, если принимать по три таблетки в день, можно прожить в три раза дольше. То есть восемьсот.

Классное средство. Мы на себе испробовали. Глотаем уже месяца полтора, и пока – тьфу-тьфу-тьфу... Действует безукоризненно.

Биндюжник и профессор

Если бы я не знал, с кого писал Исаак Бабель своего знаменитого Фроима Грача, я был бы абсолютно уверен, что он писал его с Бени Берковича. И это несмотря на то, что Фроим Грач, как известно, был биндюжник, а Бенья Беркович – профессор скрипки в нашей консерватории. Все остальное совпадало полностью. Широкоплечий, коренастый, с бычьей шеей и яростными глазами навывкате, Бенья, как и Фроим, не отличался особой интеллигентностью. Да и на скрипке, честно говоря, никто не слышал, чтобы он когда-нибудь играл...

Но любая одесская мамаша, обсуждая со знатоками этого дела, кому бы отдать своего отпрыска учиться на будущего Яшу Хейфеца, всегда слышала в ответ одно и то же:

– Бене, и только Бене!.. Все остальное – выброшенные деньги!..

И так утверждали не случайно. Дело в том, что в крупной, поросшей рыжей щетиной Бениной голове постоянно вертелась какая-то странная, непонятно как попавшая туда пластинка с идеальным исполнением самых сложных скрипичных произведений. И пока Бенья, прислушиваясь к ней, не добивался от своих учеников хотя бы отдаленного сходства с идеалом, он не успокаивался. Средства воздействия на учеников в данном случае он применял примерно те же, что и Фроим Грач по отношению к лошадям. То есть окрики, понукания и побои.

– Быстрее! Быстрее, я вам говорю!.. – доносилось, бывало, во время занятий из Бениного класса. – Ну кто же в таком темпе играет Чайковского?! Только такой недоношенный мерин, как вы, Рафалович!.. А ну-ка еще быстрее! Еще!.. Пошел, я тебе говорю. Пошел!.. А то как огрею смычком!.. Что, устал? Ну хорошо... Стой! Да стой ты уже, черт бы тебя побрал... Тпру!.. Вот же глупая скотина! То не разгонишь его, то не остановишь... Ладно, отдохни, так уж и быть... Попей водички...

Надо сказать, что такая методика давала совсем неплохие результаты. Почти все Бенины ученики становились приличными скрипачами. Иногда очень приличными. Но, увы, не великими. А Бенья хотел воспитать именно великого. То есть такого, который обессмертил бы наконец его как педагога... Почему такой ученик не появлялся у него до сих пор, Бенья знал абсолютно точно.

– Вы же бездельники! – рокотал он на своих изможденных каторжным трудом воспитанников. – Ну сколько часов в сутки вы занимаетесь на скрипке? Ну десять-двенадцать. А должны заниматься двадцать шесть! В худшем случае – двадцать пять!

– Но в сутках всего двадцать четыре! – оправдывались ученики.

– Кто вам это сказал? – ярился Бенья. – Эту чушь придумали такие же ленивые обезьяны, как вы! А даже если предположить, что действительно двадцать четыре?.. Так вы бы что, занимались все это время? Вы же находите себе любые отговорки! Вам, видите ли, нужно есть, спать... Я знаю, что там еще?.. Студент Ковальчук, говорят, вчера вообще женился. А вот интересно, Ковальчук, расскажите своим товарищам, с кем вы провели эту вашу брачную ночь?

– С женой, естественно...

– Так я и думал! – торжествовал Бенья. – А знаете почему? Потому что Ковальчуку было абсолютно все равно, с кем провести эту ночь, только бы не с инструментом! В общем, о чем с вами разговаривать?!

Найти ученика, который мог бы долгие годы заниматься все двадцать четыре часа в сутки, постепенно стало для Бени идеей фикс. И в конце концов счастье ему улыбнулось.

Тихий тщедушный Сенечка, в возрасте семи лет найденный Беней где-то на окраинах Кишинева, был явно одаренным мальчиком.

– Отдайте мне вашего ребенка, – заявил Бенья Сенечкиным родителям, – и я сделаю из него второго Яшу Хейфеца, чего бы ему это ни стоило...

– А если из Сенечки все-таки не получится второй Яша? – засомневались родители.

– Значит, вам придется родить себе второго Сенечку! – отрезал Бенья.

Короче говоря, вскоре Сенечка был переведен из своей кишиневской коммуналки в Бенину профессорскую квартиру, и великий педагогический эксперимент начался.

Конечно, сразу выйти на полных двадцать четыре часа занятий в сутки не удалось. Как и любому живому организму, какое-то время требовалось Сенечке для приема пусть даже очень скудной пищи. Да и ночью, когда профессор не мог этого контролировать, Сенечка забывался иногда коротким тревожным сном. Но каждое утро ровно в четыре часа его поднимал будильник, и дальше уже все шло по расписанию. С четырех до шести, чтобы не будить Бенью с женой, Сеня играл в туалете. Затем, когда хозяйева просыпались и шли в туалет, он на полчаса переходил заниматься в ванную, затем на кухню. Потом, пока профессор с женой завтракали на кухне, Сеня совершенствовался в коридоре. И только в восемь, когда все уходило на работу, в его распоряжении оставалась вся квартира, то есть кладовка, где его запирали, чтобы ничто не отвлекало от занятий. И выпускали только вечером, когда Бенья возвращался из консерватории и уже лично сам занимался с Сеней по нескольку часов в кабинете, проверяя сделанное ребенком за день и давая ему задание на следующую ночь.

Так прошло Сенино детство, а затем отрочество и юность. Результат был феноменальным. На выпускном экзамене в нашей консерватории, где Сеня якобы занимался на заочном отделении с целью получения официального диплома, он в таком немыслимом темпе сыграл самую виртуозную программу, что обалдевшие члены комиссии еле успели вывести в своих ведомостях пятерки с плюсом. Но дальше нужно было сдавать научный коммунизм!.. А этот предмет, столь необходимый будущему второму Хейфецу, Сеня уже сдать не мог. Поскольку не прочитал в своей жизни ни одной, даже более интересной книги. Три раза пытался он сдавать – и все безрезультатно. И тогда в дело снова вмешался Бенья.

– Семен! – сказал он ученику. – Завтра ты в последний раз идешь сдавать научный коммунизм. Я уже договорился с преподавателем. Тебе зададут три вопроса. Вопрос первый, биографический: где ты родился? Ответ: в Кишиневе. Запомнил? Вопрос второй, по культуре: где находится Молдавский театр оперы и балета? Ответ: в Кишиневе. И, наконец, вопрос третий, политический (все-таки это научный коммунизм): как называется столица Молдавской Советской Социалистической Республики? Ответ: Кишинев. Тебе все ясно? Значит, экзамен завтра. То есть у тебя впереди еще целые сутки. Иди, готовься!

И Сеня сдал научный коммунизм! Он получил «четыре». Видимо, какой-то из этих вопросов все-таки вызвал у него затруднения...

Но это было еще не все. Как известно, Яша Хейфец номер один стал тем, кем он стал, только после того, как переехал из России в Америку. Этот же путь предстояло проделать и Хейфецу номер два. Конечно, в семидесятые годы отправить Сенечку в самое логово капитализма было даже для Бени сложнее, чем помочь ему сдать научный коммунизм. Но Бенья решил и эту задачу. Уж как он отыскал где-то в Черновцах еще сравнительно молодую вдову, имевшую разрешение на выезд в США с целью объединения с горячо любимой двоюродной тетей, остается загадкой. Но Бенья отыскал ее и представил своему ученику в качестве невесты.

– Бе-е-ениамин Моисеевич!.. – взмолился было Сеня, который при виде своей будущей жены сделался на какое-то время заикой.

– Прекрати! – строго прервал его профессор. – Да, она не Мэрилин Монро. Но, по моему, так даже лучше. Во всяком случае, ее внешний вид никогда не будет отвлекать тебя от занятий!

И молодая чета отбыла в Нью-Йорк.

А вся Одесса застыла в ожидании мирового триумфа Сени, а значит, и Бени. И ждала лет пятнадцать. Причем, как оказалось, совершенно напрасно.

Как выяснилось впоследствии, попав в Америку и оглянувшись вокруг, Сеня наотрез отказался ехать в Нью-Йорк, а наоборот, узнав, что какой-то оркестрик в тихом провинциальном городке остро нуждается в скрипаче на последний пульт вторых скрипок, поехал прямо туда. Услыхав его игру, местный дирижер, естественно, чуть не упал в обморок и сразу же предложил Сене работу солиста. Но Сеня наотрез отказался.

– В гробу я видел так упираться! – заявил он. – Только вторые скрипки! И только последний пульт! Не возьмете – уеду!..

– Да что вы такое говорите! – испугался дирижер. – Конечно возьмем! В конце концов, Бостонский оркестр славится тем, что у них самая лучшая в мире струнная группа. Чикагский – что духовая. Так мы теперь прославимся тем, что у нас самый лучший в мире последний пульт вторых скрипок!..

– А вот теперь все! – объявил Сеня жене, получив первую зарплату. – С этого дня я начну возвращать себе то, чего меня лишили в детстве!

И начал возвращать. На скрипке он больше не занимался. Играл только на работе. Все остальное время на протяжении нескольких лет Сеня безудержно ел. Пирожные, мороженое, конфеты. Ел и смотрел телевизор. На остальные деньги каждый день покупал себе детские игрушки: машинки, самолетики, танки... Потом начал читать. Выписал из России «Дядю Степу» и «Приключения Незнайки». Годом к сорока прочел «Тимура и его команду» и начал заглядываться на старшекласниц...

Я встретил его недавно в Америке прямо на улице. В огромном розовощеком толстяке можно было узнать нашего Сенечку, только если предположить, что его кто-то долго и упорно накачивал автомобильным насосом.

– Ты уже сегодня обедал?! – закричал он мне вместо приветствия. – Очень хорошо. Я тоже. Значит, сейчас будем обедать опять. В этой стране вообще глупо обедать один раз в день. Ты посмотри, сколько вокруг всего наготовлено... И обязательно передай Бене, что я ему очень благодарен. Ну, действительно, как тут живет наша эмиграция? Работа, работа и еще раз работа... А я благодаря Бене все свое уже отработал в Одессе. Теперь вот здесь отдыхаю... Было бы ужасно, если б получилось наоборот...

Не передам, думал я, возвращаясь в Одессу. Наверное, Бене это не понравится. Человек так мечтал воспитать второго Яшу Хейфеца – и что получилось?

А может, он сам виноват? Может быть, в деле воспитания гениев и лошадей нужен не только кнут, но и пряник? То есть хотя бы чуточку любви и свободы? Странно, что такой профессор, как Бенья, этого не знал. Вот Фроим Грач небось понимал эту простую истину. Может, поэтому Бабель и не писал своего Фроима с нашего Бени? Да, что ни говори, а хорошего биндюжника можно написать не с каждого профессора.

Искусство жить в искусстве

Знаменитый администратор Одесской филармонии Фима Козик был человек внешне благопристойный и благополучный. За это его много раз вызывали к следователю.

– Гражданин Козик! – строго спрашивал следователь. – Откуда у вас при вашей зарплате квартира, машина и дача?

– Вы же знаете, гражданин следователь, – скромно отвечал Козик, – я подрабатываю по ночам...

– Да знаем! – отмахивался следователь. – Двадцать раз уже наши сотрудники вместе с понятыми приходили ночью к вам на квартиру – и всегда одна и та же картина: вы стоите на кухне и гладите электрическим утюгом огромную простыню.

– Да...

– И что, вы хотите сказать, что это вы таким образом подрабатываете?!

– Именно таким.

– Нет, подождите, – кипятился следователь. – Так, может быть, это вы чужие простыни гладите по ночам за большие деньги?

– Ну что вы, гражданин следователь, разве я не знаю, что по нашим социалистическим законам это называется «нетрудовая деятельность» и строго запрещено? Только свою.

– Послушайте, Козик, что вы из нас дураков-то делаете! Вы что же хотите сказать – что если ночи напролет гладить электрическим утюгом собственную простыню, то можно разбогатеть?!

– Получается, можно.

– Но как?

– Откуда я знаю! Может, если бы я отдавал ее гладить другим людям, ее давно бы сожгли. А так я уже двадцать лет глажу ее самостоятельно, поэтому она до сих пор как новенькая. Получается большая экономия...

– Вон отсюда! – взрывался следователь.

И между прочим, совершенно напрасно. Козик говорил ему чистую правду. Только не всю. Дело в том, что под простыней у него всегда находилось несколько сотен мятых билетов с неотрванным контролем после вчерашнего концерта какой-нибудь заезжей знаменитости. Во время глажки они снова приобретали товарный вид. На следующий день их продавали еще раз. Потом опять и опять...

Конечно, это сильно способствовало подъему Фиминого благосостояния. Но перед служителем закона Козик был чист. Если бы следователь хотя бы один раз спросил его про эти билеты, может, он рассказал бы ему и о них. Но его спрашивали только про простыню...

Козик вообще считался большим шутником. Даже среди одесских филармонических администраторов.

– Мы прибыли! – бодро сообщили ему однажды артисты из трио бандуристов, приехавшие в Одессу на гастроли.

– Да какие вы прибыли! – ответил им Козик. – Вы убытки!..

Арсений Самойлович Астагов, не менее знаменитый одесский администратор и куплетист, тоже умел пошутить.

Когда мы познакомились с ним, он был уже весьма пожилым человеком.

У него была автомашина «Волга». С очень скверным характером. Она ехала когда хотела и останавливалась когда хотела. Она была старше своего хозяина и не понимала, почему она обязана его слушаться.

Однажды, когда мы ехали выступать перед отдыхающими какого-то одесского санатория, эту машину удалось остановить буквально в нескольких сантиметрах от крутого обрыва, под которым уже призывно плескалось море.

– Ну что вы так нервничаете, молодые люди? – спросил Арсений Самойлович, когда мы наконец решились открыть глаза. – Вас же учили, что Волга впадает в Каспийское море? Так что в Черное она не *впадет!*..

За свою очень долгую жизнь на эстраде он перезнакомился там со всеми ее представителями. Естественно, что с годами все они у него в голове немного перепутались.

Как-то в начале восьмидесятых мы зашли в зал Кемеровской филармонии, где нам предстояло выступать. На сцене репетировали фокусники. Очень молодые люди. Парень и девушка.

– Ну! – сказал Арсений Самойлович, присмотревшись к ним. – Это же Алмазовы-Дюбуа! Брат и сестра. Талантливые ребята. Я их очень хорошо знаю. В тридцать шестом году я выступал с ними в Улан-Удэ на празднике овцеводов. И фокус этот я помню...

– Знаете, Арсений Самойлович, – засомневались мы. – Может, они и талантливые ребята, но чтобы за пятьдесят лет совершенно не измениться... Этот фокус, кажется, еще никому не удавался...

Потом выяснилось, что это были действительно Алмазовы-Дюбуа. Но, конечно, не те, с которыми он выступал на празднике овцеводов, а их внуки.

– Но фокус ведь у них тот же! – торжествовал Арсений Самойлович. – И это главное. А мне тут говорят: «Меняйте программу! Меняйте программу!» В этой стране ее вообще не нужно менять! Страна такая огромная, что, пока вы гастролируете от Чопа до Владивостока и начинаете возвращаться обратно, в ней уже полностью меняется поколение зрителей...

Он любил рассказывать истории из своей жизни. Причем внешние поводы, по которым он их вспоминал, обычно не имели ничего общего с самими историями. Получалось очень неожиданно.

– Да! – сказал он однажды, задумчиво глядя на детей, играющих в песочнице. – Все-таки правильно говорят ветераны, что самым лучшим временем в их жизни была война. Вот и у меня тоже... Особенно сорок первый год... Особенно ноябрь. Мороз. Вьюга. А мы, четверо самых крупных театральных администраторов страны, в свердловской гостинице «Большой Урал» играем в преферанс. Помню, я проиграл все. Целый чемодан денег. Тогда я сказал: «Верните мне мои деньги! Тем более что они не мои. Это зарплата артистов. Как честный человек, я должен ее заплатить. Иначе меня убьют!» Они сказали: «Арсений, не валяй дурака. Мы все тут честные люди. Мы все играем не на свои. А если тебя за это убьют, так ты же сам понимаешь: идет война – значит, должны быть жертвы!» – «Послушайте, – сказал я, – если вы не вернете мне деньги, я выброшусь из окна!» – «Арсений! – сказали они. – Да что ты такое говоришь? Мы же столько лет знаем друг друга. Мы же съели с тобой уже не один пуд соли. Неужели ты действительно думаешь, что, если ты и вправду начнешь выбрасываться из окна, кого-нибудь из нас это обеспокоит?!» – «Тогда я сейчас позову милицию!» – сказал я. «А вот этого не нужно! – сказали они. – Это идея плохая. Первая твоя идея – с окном – была значительно лучше. И если ты будешь сильно настаивать на второй, мы сейчас все вместе поможем тебе осуществить первую!..» Я плакал... Я стоял на коленях... Но они были как скала. Тогда я пошел в переднюю, достал из кармана своего пальто учебную гранату, которую всегда брал с собой, когда шел играть с ними в преферанс, и закричал: «Ложись, сволочи! Или вы вернете мне деньги – или я вас всех тут разнесу к чертовой матери!» Они, конечно, легли – и сказали: «Хорошо!.. Так уж и быть – забирай свои деньги, и чтоб духу твоего здесь не было!..» И тут я открыл чемодан. Сложил туда все свои деньги. (Заметьте: только свои. Потому что я был честный человек!..) Вытер пот. И сказал: «Ну слава тебе, господи! Насилу отыгрался...»

И еще о двух одесских администраторах я не могу не рассказать.

Одетые в шикарные фраки, отец и сын Монастырские, прожившие три года в США, сидели за столом в роскошном ресторане казино «Тадж-Махал», имея под столом солидный кейс, туго набитый стодолларовыми купюрами собственного изготовления. Они смотрели на дверь, куда только что вошли несколько полицейских и сейчас медленно направлялись к ним.

– Папа! – сказал Монастырский-сын, пододвигая ногой кейс к стулу Монастырского-папы. – Согласись, что мне сейчас садиться в тюрьму очень глупо. Я человек молодой, полный сил. Мне сейчас только гулять и гулять. А ты уже пожилой. Здоровье твое подорвано, так что можешь и посидеть...

– Э-э, нет! – сказал Монастырский-папа, придвигая ногой кейс к стулу сына. – Я уже свое отсидел. Еще в Союзе. Теперь твоя очередь!..

– Ну что ты сравниваешь, папа! – не согласился сын, двигая кейс к ногам папы. – Советская тюрьма – и американская!.. Ну что ты там видел, в советской, кроме беспредела и голодухи?! А здесь у тебя будет трехразовое питание, телевизор. Из своей камеры ты сможешь свободно связываться по телефону с любой точкой земного шара!

– Знаешь что?! – возмутился Монастырский-папа, отфутболивая кейс сыну. – Давай лучше ты будешь связываться из своей камеры по телефону с этими точками. А я в это время буду в них находиться!..

– Но папа! – не сдавался сын, подталкивая кейс к родителю. – В конце концов, это была твоя идея – ехать в Америку и делать здесь деньги!

– Моя, – согласился папа, точным ударом ноги отправляя кейс обратно. – Но я же не думал, что ты будешь осуществлять эту благородную идею таким буквальным образом!.. И вообще – подумаешь, тюрьма! Неужели из-за такой ерунды мы поссоримся?..

Тут подошли полицейские, а потом был суд, и в конце концов Монастырский-сын и Монастырский-папа сели в тюрьму вместе. Но зато сохранили отношения!..

Только не подумайте, что старые одесские администраторы больше всего на свете любили деньги. Это неправда. Больше всего на свете они любили артистов. Им они были готовы отдать все свои силы, всю свою душу. А иногда даже деньги. Хотя, конечно, не все!..

Отъезд коммуниста

Давным-давно, когда никто в Одессе еще и не слышал про эту самую за границу, а у некоторых еще даже не было вызова, Боря Брант, скромный закройщик одесского ателье «Счастье», сел однажды утром и написал сразу два заявления. Первое – в партком, с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза, а второе – в дирекцию, с просьбой уволить его с работы в связи с отъездом на постоянное место жительства в Государство Израиль.

– Ты что, Боря, с ума сошел? – спросила его жена, имея в виду первое заявление.

– Нет, пусть они мне объяснят!.. – упрямо ответил Боря, и жена отошла, безнадежно махнув рукой, так как знала, что если уж Боря хотел, чтобы ему что-нибудь объяснили в этой стране, то он обычно шел до конца. То есть аж до тех пор, пока ему наконец действительно не объясняли, после чего он на некоторое время успокаивался, лечился...

Собрание, на котором Борю клеймили в связи с отъездом, было обычным. Сначала его долго обзывали крысой, бегущей с тонущего корабля. Но потом представитель райкома товарищ Коноводченко сказал, что про тонущий корабль – это, пожалуй, слишком, и в протоколе записали, что Боря бежит как крыса с нашего быстроходного лайнера.

Потом выступал ветеран ВОХРа товарищ Шварц (о котором в городе ходили слухи, что в свое время он был единственным участником еврейских погромов не с той стороны) и говорил о том, что в 29-м году его родители уезжали на жительство в Палестину и на него уже был куплен билет, но он как комсомольски настроенный пионер героически спрятался... Впрочем, его выступление Боря почти не слушал. Но когда поднялся секретарь партийной ячейки старший закройщик Кац и объявил, что перед отъездом Боря просит принять его в партию, из чего следует, что их бывший товарищ не только негодяй, но и сумасшедший, Боря не выдержал и начал выяснять интересующий его момент:

– А почему, собственно, нет? – спросил он. – Нет, вы мне все-таки объясните!.. Партия у нас какая, интернациональная?

– Ну... – подтвердил товарищ Коноводченко.

– Так почему же тогда здесь я могу бороться за ее идеалы, а в Израиле уже нет? Я, между прочим, всегда сочувствовал большевикам, а сейчас так просто глубоко сочувствую!..

– Издеваетесь? – поинтересовался товарищ Коноводченко.

– Почему же? – искренне огорчился Боря. – Скажу вам больше! Здесь нас, большевиков, пока еще, слава Богу, никто не притесняет... А там я же буду, так сказать, на переднем крае борьбы! Так что туда вы, по-моему, вообще должны посылать лучших из лучших!

– Та-ак... – сказал секретарь партийной ячейки Кац. – Интересно... Но тогда почему же ты думаешь, Боря, что это должен быть именно ты? В таком случае среди нас есть и более достойные кандидатуры. Про себя я уже молчу, но вот, например, товарищ Шварц. Человек столько сделал для нашей сегодняшней счастливой жизни! Так пусть он хоть пару лет в Израиле поживет по-человечески!

– Товарищи! – засуетился Шварц. – В двадцать девятом году мои родители уезжали на жительство в Палестину, и на меня уже был куплен билет...

– Да слышали мы! – закричали из зала. – Слышали! Не хочешь ехать – не надо!

– Нет, вы меня не поняли, – не унимался Шварц. – Наоборот! Я хочу спросить: как вы думаете, если я сейчас приду и скажу, что я просто опоздал на поезд?..

– Ишь какой хитрый! – закричали из зала. – Тут, между прочим, многие хотели бы пожить на переднем крае!..

– Спокойно, товарищи! – сказал секретарь Кац. – Сейчас мы составим список. Как вы думаете, товарищ Коноводченко, или мы что-нибудь неправильно делаем?

– Да нет... – задумался представитель. – Раз уж сложилось такое мнение... – и неожиданно закончил: – Тогда уж, пожалуй, записывайте и меня.

Зал зааплодировал.

– Товарищи! – вскочила председатель профкома Нефедова. – Раз уж мы говорим о лучших, я думаю, будет неправильно, если мы не внесем в этот список секретарей нашего райкома товарищей Брыля и Сероштаненко. Молодые, растущие партработники! Уверена, что простые израильские евреи будут нам за них очень благодарны!

– Ага! – донеслось из зала. – Сильно бы они росли, если бы их в обкоме не поддерживали!

Включили и товарищей из обкома. Собрание продолжалось долго, и уже никого не удивило, когда в конце концов под единодушные аплодисменты участников в список отъезжающих на постоянное место жительства в Израиль было внесено все Политбюро ЦК КПСС во главе с верным продолжателем дела Ленина, руководителем нового типа товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

– Минуточку! – вспомнил вдруг кто-то. – А как же Боря? Борю-то мы и не вписали!..

– А знаете что? – сказал Боря. – Я вот тут подумал... Если все эти люди уедут... То я бы, пожалуй, остался...

Вот такое собрание, говорят, было когда-то в одесском ателье «Счастье». А было ли оно таким на самом деле или нет – спросить об этом уже некого. Потому что никого из участников этой истории в Одессе давным-давно уже не осталось...

Свекровь от первого брака

Зачем Леня Бык, прожив в Америке полтора года и став наконец на ноги, то есть научившись работать на кэш (наличные деньги), не теряя при этом вэлфер (пособие по безработице), – так вот, зачем этот Леня ни с того ни с сего вызвал из Одессы мать первого мужа своей жены и даже оплатил ей дорогу в оба конца, долгое время оставалось неясным.

На вопросы подруг по этому поводу жена Лора отвечала так, как отвечают обычно все жены, которые не понимают всего величия замыслов своих мужей:

– Зачем он ее сюда вызвал? Наверное, потому что идиот...

Целую неделю Ленина сводная свекровь, обезумевшая от неожиданно свалившегося на нее счастья, отъедалась на Лениных хлебах, бегала по дешевым распродажам в поисках гостинцев для своей многочисленной родни, и только в субботу, когда все собрались вместе, чтобы поужинать, кое-что из Лениной затеи стало наконец проясняться.

– Вот так, уважаемая Ираида Аполлоновна, – сказал Леня, отвалившись после первого блюда и ласково глядя на свою тишайшую и интеллигентнейшую гостью. – Так я живу. Как видите, и квартира у меня, слава Богу, двухкомнатная, и машина... четырехдверная, и на столе кое-что есть, чтобы съесть... А сын ваш в это время в Одессе на таком большом банане сидит, что его аж с земли не видно...

– На чем он сидит, Ленечка? – поперхнувшись, переспросила Ираида Аполлоновна.

– Ну про банан – это я так образно выразился, – ответил Леня, – а чтобы вы меня поняли, то сидит он там у себя в Одессе сейчас на большом...

– Не нужно! – испугалась Ираида Аполлоновна. – Не говорите! Я поняла... – и, вспомнив о недокупленных еще подарках, неожиданно закончила: – Сидит, Ленечка... Ох, сидит... На банане...

– А все почему? – продолжал Леня. – Потому что он же у вас дегенерат. То есть придурак жизни. Сколько раз я ему говорил: брось ты уже эту свою кафедру, которой ты там заведываешь! Кому она сейчас нужна? Начни зарабатывать деньги! У тебя же такая профессия есть! Ты же в детстве музыкальную школу закончил по классу арфы. Да с твоими руками!.. Иди в наперсточники! Там сейчас люди такие бабки заколачивают!.. Так нет, он же у вас профессор! Он же оттуда сюда ничего не соображает!.. Да вы кушайте, Ираида Аполлоновна, кушайте... Или я неправильно говорю?

– Правильно, Ленечка, правильно, – послушно соглашалась Ираида Аполлоновна, придвигая к себе давно забытые блинчики с красной икрой. – Профессор... не соображает... оттуда сюда...

– А если правильно, – настаивал Леня, – так что же вы моей Лорочке говорили, когда она от вашего сына ко мне уходила, что она еще пожалеет? И кем вы тогда были в этот момент?

– Дурой, наверное, – догадалась Ираида Аполлоновна, налегая на заливную осетрину.

– Если бы только дурой! А кто в мой профком жаловался, что Леня Бык разрушает советскую семью? Кто моему управляющему трестом письма писал, что таким грязным типам, как я, не место в нашей «Горканализации»?

– Я не писала! – не переставая жевать, испугалась приезжая.

– Ах, не писали?.. Очень хорошо... Лорочка, убирай со стола!..

– Ну писала, писала... – еще сильнее испугалась Ираида Аполлоновна. – Но вы же и меня поймите, как мать... Лорочка с Мишенькой жили, можно сказать, душа в душу, и тут появляетесь вы, совершенно посторонний человек... Со своими ухаживаниями...

– Ах вот оно что! – разозлился Ленья. – Они, значит, как вы говорите, жили душа в душу, а я, значит, по-вашему, как посторонний человек должен был это терпеть? А почему, вы не знаете? Почему это у вашего придурковатого сына должна быть и Лора, и арфа, и кафедра, а у меня, например, ничего? Я, между прочим, тоже был не без способностей. Я был изобретатель! Я, между прочим, первым в Одессе изобрел французские солнцезащитные очки в пластмассовой оправе! И что мне за это дали в вашей драной стране? Профессора? Фига с два! Год условно мне дали, вот что!.. Потом я еще итальянские джинсы изобрел в домашних условиях... Только начал производить – и что получил? Может быть, кафедру? Полтора года тюрьмы с конфискацией имущества! Меня потом даже в эту вашу чертову канализацию без испытательного срока пускать не хотели... И что же? Прихожу я как-то по вызову к вашему сыну чинить бачок, а этот профессорский паразит прямо на моих глазах с молодой женой живет душа в душу. Так должен был я это терпеть или не должен?! Лора! Передай Ираиде Аполлоновне мацу в шоколаде. Она такой сроду не видывала!.. Так я, Ираида Аполлоновна, что-то не слышу: должен был я, в своем положении, терпеть такое счастье вашего сына – или не должен? Ответьте, как вы есть мать!

– Ни в коем случае не должен! – поспешно согласилась приезжая, надкусывая невиданную мацу.

– Вот и я так думаю! – подтвердил Ленья. – Слава Богу, что Лорочка умницей оказалась. Девушки в Одессе, даже самые молодые, вообще умнее ваших профессоров. Они понимают, что замуж сейчас нужно выходить не за тех, кто им предлагает сердца и руки, а за тех, кто им предлагает делать оттуда ноги. Правильно я говорю, рыбочка?.. А вот теперь все по справедливости: ваш сын там на банане сидит со своей арфой и кафедрой, а мы с Лорусей в Америке! А Америка, Ираида Аполлоновна, чтоб вы знали, это такая страна! Такая страна!.. – и тут в голосе Лени Быка зазвучала патриотическая медь. – Я счастлив, что я здесь живу! Я горд! Когда я вижу американский флаг – я плачу. Потому что это действительно страна для человека. Здесь перед человеком открыты все возможности. Да что далеко ходить!.. Буквально вчера, например, я по дешевке купил «Форд» с разбитой мордой, мой друг в Балтиморе сейчас покупает «Крайслер» с разбитой задницей... Наши лоеры, то есть адвокаты, уже созвонились... Хотя что это я вам рассказываю!.. Вы же даже не знаете, что такое иншуренс, то есть страховка. Вы же не понимаете, во что этой стране обойдется такая наша блестящая комбинация... Ну хорошо. Все... На сегодня достаточно. Пейте чай, Ираида Аполлоновна, отдыхайте... Завтра с утра продолжим...

– Так вот зачем ты ее сюда пригласил, – говорила Лора, когда они с Ленией уже укладывались спать. – Все никак успокоиться не можешь, мститель народный... Брайтонский партизан...

– Ничего, – отвечал ей Ленья, – пусть послушает, гримза старая... Сколько она мне в Союзе крови попортила... Да разве только она? Подожди, я вот тут подзаработаю немного – районного прокурора из Одессы в гости приглашу, который моими делами занимался...

– Думаешь, приедет? – засомневалась Лора.

– В Америку?! Да еще если я ему, мерзавцу, дорогу оплачу в оба конца?.. Приедет как миленький! Вот тогда уж поговорим по-крупному...

А вокруг засыпал Нью-Йорк, и только американская Свобода, призвавшая к себе всех оскорбленных и обиженных, зажигала в ночи свой факел. И в свете этого факела вглядывалась в лица этих непонятных русских, думая о том, что таких глубоко оскорбленных и таких постоянно обиженных она, пожалуй, еще не видела...

Один день Бориса Давидовича

*Дающий быстро дает дважды.
Поэт Юрий Михайлик о герое этого очерка*

Она просыпается всегда за несколько минут до него. Всматривается в любимое лицо. Тяжело вздыхает...

«Старее, – думает она. – Вот опять новая морщина появилась. И длинная какая... От правого уха через щеку и подбородок... Аж до самой ноги... Ему бы отдохнуть пару дней... Но кому говорить?.. Разве они поймут? Люди... А вдруг с ним что-нибудь?! – она вздрагивает. – А у меня дети. В этом месяце их опять четверо... Кто о них позаботится?.. Кстати, взглянуть, как они там...»

Она спрыгивает на пол и направляется к картонному ящику, стоящему под столом. От этого прыжка он просыпается.

– Вот же ты сволочь, Джулька! – говорит он. – Чего расшумелась? Мог бы еще подремать. Все-таки воскресенье. Ну ладно. Раз уж поднялись – пошли на работу.

Через какое-то время оба уже сидят в маленькой комнатке на улице Пушкинской, которая громко именуется кабинетом директора детской спортивной школы, он – за столом, уставленным телефонами, она – под столом, и смотрят на дверь. Появляется первый посетитель.

«Ага, – думает Джулька, разглядывая его из-под стола. – Старые сандалии на босу ногу, штаны с бахромой... Значит, у него или крыша течет, или отопление не работает, или желудок... В общем, наши обычные воскресные дела...»

– Здравствуйте, Борис Давидович! – говорит вошедший. – Вы меня, конечно, не знаете, но ваш сосед с первого этажа должен был с вами обо мне говорить... Видите ли, дело в том...

– Ну почему же не знаю? – перебивает его Борис Давидович. – Присаживайтесь. Попробуем что-нибудь сделать.

И тут же начинает накручивать домашний телефон начальника ЖЭКа.

– Але! – говорит он в трубку. – Это гордость нашей эпохи господин Иванов Петр Максимович? Приветствую вас. Извините, что в воскресенье... Да, это Боренька... Значит, слушай сюда. У меня сейчас в кабинете сидит самый близкий мне человек. Брат. Фамилия его... Нет, почему такая же, как у меня? Ах, потому что брат!.. Ну тогда, считай, он двоюродный... И фамилия его... – Борис Давидович закрывает трубку ладонью. – Как ваша фамилия?

– Степанов Илья Ефимович, – говорит посетитель.

– Степанов его фамилия, – повторяет Борис Давидович в трубку. – Это красивый, светлый человек. Ветеран войны, ветеран труда. Пятьдесят лет проработал на одном заводе! Так может он получить у вас квартиру, в конце концов?!

– Нет-нет!.. – панически шепчет посетитель. – Я не проработал на одном заводе пятьдесят лет! Мне всего сорок два!.. Так что и в войне я не участвовал... И квартира мне, честно говоря, не нужна! То есть нужна, конечно... Но разве они...

– Спокойно! – говорит ему Борис Давидович, прикрыв трубку. – А ну сиди ровно! Боренька знает, что делает. – И продолжает уже в трубку: – Значит, квартиру он у вас получить не может. Хорошо... Ну а крышу вы ему отремонтировать способны? Ах, тоже нет?!

– Мне только батарею поменять! – умоляюще шепчет посетитель.

– Так! – как бы не слыша его, продолжает Борис Давидович. – А на что вы тогда способны там, в своем ЖЭКе? Какую-нибудь батарею несчастную он, знаете ли, и без вас поменять может. Ах, это вы как раз тоже можете? Ну и прекрасно. Тогда, значит, вы ее ему и меняете! *(Закрывает трубку.)* Понял? Вот так. А что, по-твоему, Боренька уже вообще

ничего не соображает? Если бы я начал с какой-нибудь там батареи, самое большое, на что бы он согласился – это покрасить тебе почтовый ящик!.. *(В трубку.)* Так, значит, мы договорились, Петр Максимович? При каком еще условии? Что-что-что? Если я устрою тебе встречу с Николаем Степановичем?! С самим?! Ну, знаешь ли, это... Ладно, не вешай трубку. *(Крутит диск на другом телефоне.)* Але! Это дача Николая Степановича? То есть как это – кто говорит? Не узнала, Наденька? А кто тебя больше всех любит? Правильно, Боренька! Узнала, узнала... А где там наш гигант мысли? Отец русской... ой, извините, украинской демократии? Спит? Да быть такого не может. Я думал, он вообще никогда не спит. Мы же тут все только и живем благодаря его неусыпному руководству! Разбудить? Нет. Пускай уже спит. Может быть, мы в этом случае, наоборот, проживем на какое-то время дольше... Шучу!.. Слушай, Надюша, тут у меня на проводе человек, дороже которого у меня никого нет в жизни. Мой отец! Это Иванов из тридцать первого ЖЭКа... Почему он не может быть мне отцом?! Потому что он в два раза младше меня? Ну и что? Просто он очень рано начал... Хорошо, тогда сын. Это не важно. Главное, что это красавец. Чистый человек. Нужно устроить ему встречу с твоим благоверным. Что-то там по бюджету... Что-что-что? Какому чистому красавцу ты уже устраивала такую встречу на прошлой неделе по моей просьбе?! Ах, этому... М-да... И что, твой супруг его принял?.. Вот это напрасно... Знаешь, оказалось, что этот красивый, чистый человек на самом деле – уродливое, грязное животное...

Здесь требуется пояснение. Кроме того, что пять дней в неделю Борис Давидович руководит детской спортивной школой, семь дней в неделю он руководит еще и реабилитационным центром для детей-инвалидов, построенным здесь же на Пушкинской исключительно благодаря его неумной энергии. Как ему удалось без гроша в кармане построить этот центр, в котором к тому же лечат детей бесплатно, – это уже не тема для рассказа. Это тема для большого научно-фантастического романа. Во всяком случае, с тех пор как Борис Давидович загорелся этой идеей, все люди в его сознании четко разделились на две категории: красивые, светлые личности – то есть те, кто помогает центру или может ему помочь, и уродливые, грязные животные – те, кто не помогает или еще помогает, но может в любой момент отказаться...

Но к центру Бориса Давидовича мы еще вернемся. А сейчас вернемся к его телефонным разговорам.

– Наденька, лапа моя родная, – рокочет Борис Давидович в трубку своим неотразимым баритоном, – значит, я могу рассчитывать, что твой гигант русской мысли примет мою гордость нашей эпохи?.. Ну, в смысле моего отца... Или сына... В общем, ты понимаешь, о ком я говорю... Только в каком случае? Если я достану для твоих родственников, живущих в Тбилиси, два билета на спектакль Резо Габриадзе? Ничего себе... Слушай, а попроще их ничего не устроит? Например, если я достану им два билета на представление Одесского цирка?.. Приедут – посмотрят... Нет-нет, подожди! Не вешай трубочку. Хорошо, сейчас попробую... Значит, Резо... Резо... *(Борис Давидович начинает крутить диск следующего телефона, на ходу вспоминая номер.)* Але! Резо, дорогой! Это Боренька из Одессы. Надеюсь, ты рад меня слышать? Нет, я понимаю, что у тебя в зале помещается всего сто пятьдесят человек... Я знаю, что к тебе от меня уже приходили... Что значит – три? Три человека?.. Ах, три полных зала!.. Ну так тем более, что тебе тогда еще два билета?.. Слушай, ты же сам говорил: искусство создано для того, чтобы человеку в этом мире стало хоть немножечко теплее... Так это как раз тот случай! Благодаря твоему искусству человек получит радиатор парового отопления...

Последние фразы Борис Давидович произносит, внимательно приглядываясь к телевизору, стоящему в другом конце комнаты. По телевизору показывают баскетбольный матч.

«За две минуты до конца игры, – говорит диктор, – одесситы проигрывают два очка. Удастся ли им что-нибудь сделать?..»

– Так! – кричит Борис Давидович во все телефоны одновременно. – Никто не вешает трубку! Мне нужно срочно сделать один звонок. Вопрос жизни и смерти! – и быстро накручивает диск последнего телефона: – Але! Это Дворец спорта? Срочно мне тренера Лебедевского! Я понимаю, что он руководит игрой. Я даже вижу, как у него это получается! Передайте – Литвак на проводе!.. Лебедевский, ты почему не выпускаешь Козлюка? Ты что, не видишь, что у тебя Подопригора все подборы проигрывает? Козлюка, говорю, выпускай! Я его за чем десять лет в своей школе учил? Чтобы он у тебя на скамейке трусы просиживал?..

«В команде одесситов замена, – доносится из телевизора. – Мяч у молодого Козлюка. Бросок! Одесситы сравнивают счет. Еще бросок! Они выходят вперед!..»

– Понял, Лебедевский?! – гремит Борис Давидович в трубку. – Всегда слушай Боречку! Черта с два бы вы в прошлом году чемпионами стали, если бы у меня телевизор хуже показывал! Все! Можешь повесить трубку! Остальные еще не повесили?.. Значит, делаем так. Резо, дорогой, даешь два билета родственникам Наденьки. Надюша, милая, устраиваешь Петру Максимовичу встречу с Николаем Степановичем. Петр Максимович, устанавливаешь Илье Ефимовичу радиатор парового отопления... Всем до свиданья!

– Даже не знаю, как вас благодарить... – шепчет растерянный посетитель.

– А меня-то за что? – удивляется Борис Давидович. – Кстати, вы чем занимаетесь?

– Ремонтирую слуховые аппараты.

– Так это же как раз то, что мне нужно! Значит, завтра к вам зайдет один старик. Абсолютно глухой. Отремонтируйте ему, ради Бога, его аппарат, а то я уже месяц ему кричу, что я этим не занимаюсь, а он ничего не слышит!

Потом Джулька видит из-под своего стола потрепанные лакированные ботинки известного одесского артиста, у которого, по его мнению, несправедливо отобрали водительские права, и теперь ему нечем зарабатывать себе на жизнь. Потом – изящные босоножки элегантной дамы среднего возраста. Она просит Бориса Давидовича, чтоб ее осмотрели врачи его центра.

– Но он же детский! – удивляется Борис Давидович. – А вы, извините, на школьницу уже не похожи.

– Ну вот, – горестно вздыхает дама. – Я же вам говорю, что в последнее время я плохо выгляжу...

В конце концов Борис Давидович устраивает ей визит к взрослому доктору.

Потом Джулька видит еще какую-то обувь... Еще... Вечерет.

– Ко мне еще кто-нибудь есть? – спрашивает Борис Давидович у воскресной дежурной по школе Эммы Францевны.

– Двое, – говорит она. – Посол Соединенных Штатов Америки, специально из Киева приехал, и сантехник из центра.

– Пускайте обоих, – кивает Борис Давидович.

– О, господин Литвак! – появляясь в кабинете, восторженно разводит руками мужчина заграничного вида. – Я только что осмотрел ваш потрясающий центр!

– Я тоже осмотрел, – мрачно вторит ему сантехник.

– Я много слышал об этом центре, – продолжает посол, – но то, что я увидел, меня поразило!

– И меня поразило, – соглашается сантехник. – В подвале трубы полопались. На первом этаже кто-то раковину расколол...

– Думаю, что нигде в мире, – продолжает посол, – мы не найдем ничего подобного!

– Ну найти вообще-то можно, – говорит сантехник, – и трубы, и раковину. Например, на Староконном базаре. Но деньги нужны...

– Кстати, о деньгах, – подхватывает посол. – Я слышал, что у вас в центре бывали лидеры многих стран. Так что с деньгами и оборудованием, я думаю, у вас все в порядке!..

– О да! – соглашается Борис Давидович. – Тут мы идем со знаком плюс.

– То есть как? – спрашивает дипломат.

– Очень просто, – отвечает Борис Давидович. – После всех этих посещений у нас, правда, ничего не прибавилось, но, с другой стороны, ничего и не пропало!

После чего посол откланивается. А сантехник остается. И, устало глядя на него, Борис Давидович начинает в очередной раз накручивать диск телефона.

– Коля! – говорит он в трубку. – Ты же красивый, чистый человек. Честный бизнесмен!

– Это я честный бизнесмен?! – доносится из трубки удивленный голос некоего Коли. – Борис Давидович, дорогой, может быть, вы номер перепутали?

– Перестань, Коля, не скромничай, – настаивает Борис Давидович. – Я же лучше тебя знаю твою благородную душу! Просто ты своих денег тратить не умеешь. Ну кто когда-нибудь вспомнит, на каком «Мерседесе» ты ездил? А ты перечисли немного на наш центр. Мы сантехнику новую купим. Возле каждого унитаза таблички повесим с твоим именем. Тебя же люди по сто раз на день вспоминать будут с благодарностью!..

Под этот до боли знакомый текст Джулька начинает засыпать.

...Когда она просыпается, за окном уже совсем темно. А перед Борисом Давидовичем стоит и вовсе странный человек. Маленький, сухонький, в сапожках и френче, с жокейской шапочкой на голове.

– Умоляю вас! – говорит он плачущим голосом. – Поймите, эта кобыла отказывается есть тот овес, который имеется на нашем ипподроме. И мне сказали, что только вы...

– Что? Могу ее уговорить? – спрашивает Борис Давидович.

– Нет. Ну зачем же... Просто ее привезли сюда из Новой Зеландии специально для улучшения нашей породы. И вот теперь все говорят, что если вы возьметесь за это дело...

– За какое такое дело? Вы что, с ума сошли?!

– Достать ей нужный овес...

Примерно через час Борис Давидович и Джулька покидают наконец свой директорский кабинет.

Они выходят на сказочно прекрасную ночную улицу Пушкинскую, где в окружении вечных одесских платанов сияет под луной белая громада построенного Литваком детского реабилитационного центра, и думают каждый о своем.

«Литвак построил... Литвак создал... – думает Борис Давидович, глядя на это здание и на золотого ангела, парящего над входом в него. – Да разве тут в Литваке дело?! Ее это идея была. Ее... «Что ж ты, папа, – говорила она, – самых здоровых к себе в спортивную школу отбираешь, а о больных кто подумает?» Ну вот, подумал, построил. Только она этого уже никогда не увидит, доченька моя единственная... Никогда... Господи Боже ты мой, ну как же после этого верить в твою справедливость?..»

«Нет, что ни говори, – думает Джулька, – а с хозяином мне не очень-то повезло... Хотя, понятное дело, он и о себе вспоминает нечасто, разве ж ему до меня?.. А тут щенки. В этом месяце опять четверо. Кому б их пристроить?..»

– Да, Джульетта, – вдруг говорит Борис Давидович, – совсем забыл сказать. Насчет щенков твоих я еще вчера договорился. Хорошие люди. Берут всех четверых. Правда, за это я обещал поставить им телефон...

И они отправляются спать. Все. Выходной день окончен. Завтра будет трудный. Рабочий.

Один среди вещей

Мы живем в окружении вещей и предметов, которые умнее нас. Ну, то, что я глупее своего телевизора – с этим я уже как-то смирился. Я имею в виду не то, что по нему показывают, тут мы с ним соображаем примерно одинаково. Я о другом. Недавно, например, узнал, что есть в нем какой-то там «телетекст» и другие, как теперь говорят, примочки. А я и понятия не имел...

Ладно. Человек, как известно, использует в жизни четыре процента возможностей своего головного мозга. Мне этого, очевидно, хватает только на то, чтобы использовать четыре процента возможностей своего телевизора.

Ну да Бог с ним, с этим телевизором. Все-таки умный прибор. Вот чувствовать себя глупее своей стиральной машины – это уже как-то обидно.

А дело как было? Привезли мы ее с женой из магазина, подключили, как смогли, и начала она себя вести в высшей степени странно. То есть сначала подпрыгнула под самый потолок, потом выскочила из ванной комнаты в коридор и поскакала в сторону входной двери. Я – за ней. Жене говорю:

– Звони в магазин! Пусть они объяснят, куда это она скачет и чего это ей у нас так не нравится!..

Жена позвонила.

– Ну, – кричу, – что они отвечают?

– Да ничего, – говорит. – Отвечают, что в режиме выкручивания у нее может быть легкое подрагивание.

– И это они называют «подрагивание»?! – кричу я, пытаюсь оседлать взбесившийся агрегат. – Пусть приезжают немедленно, пока она на улице не вырвалась! Там же дети малые, старики, еще зашибет кого-нибудь!..

Приехали они, посмотрели.

– Вы что, – говорят, – граждане?! Надо же было инструкцию прочитать! У этой машины при транспортировке барабан фиксируется четырьмя огромными хромированными болтами. Надо же было их выкрутить, прежде чем включать! Странно, что она вам тут вообще всю квартиру не развалила...

Выкрутили они эти болты, уехали. Мы с женой загрузили в машину белье, включили, и она у нас с этим бельем все режимы прошла: и стирку, и полоскание, и выкручивание...

– Ну как, – спрашиваю жену, – хорошо она стирает?

– Отлично! – говорит жена. – Вот только белье почему-то как было грязное, так и осталось.

– Все! – говорю я. – С меня достаточно. Звони им опять. Пусть приезжают – и забирают эту бракованную вещь!

Она позвонила. Рассказала, как было дело, а они ей:

– Пожалуйста. Мы, конечно, можем эту машину забрать и дать вам взамен какую-нибудь другую. Но только вы, когда надумаете стирать, попробуйте для начала запустить все-таки в машину воду!..

Нет, что ни говори, а с техникой у меня явно не складывается. Причем даже с менее замысловатой, чем стиральная машина или, скажем, утюг.

Однажды кусок обыкновенного крашеного железа величиной с ладонь чуть не довел меня до сумасшедшего дома. Рассказываю, как это было.

Несколько лет назад сбылась наконец мечта советского автолюбителя. Купил я себе из последних сил подержанную иномарку. Приехал домой, поставил ее на стоянку. Обо-

шел несколько раз, любовно поглаживая аппетитно-округлые формы, автоматически дернул лючок, прикрывающий крышку бензобака, – и обомлел. Лючок не открывался!

«Все! – подумал я. – Значит, заклинило».

Сел в автомобиль и поехал к знакомому автослесарю Вова.

– А! – радостно закричал Вова, увидев мою машину. – Это ж другой разговор! Это – нормальная тачка! Писатель, – гордо отрекомендовал он меня своим напарникам. – Можно сказать, второй Лев Толстой. В том смысле, что тот всю свою жизнь босиком проходил, а этот на «Москвиче» проездил.

Напарники уважительно заулыбались.

– Ну что там у тебя? – спросил Вова.

– Лючок не открывается, – сказал я.

Вова потянул за лючок. Лючок открылся.

– Странно... – удивился я. – А у меня почему-то не открывается. Вот посмотри...

Я тоже потянул за лючок. Лючок открылся. Вова с напарниками удивленно пожали плечами.

«И померещится же такое! – думал я, возвращаясь домой и ставя автомобиль на стоянку. – Видимо, перетрудился...»

Я снова обошел свою машину и снова автоматически дернул за лючок. Лючок не открывался. Я потянул изо всех сил. Поддел какой-то железякой. Он держался как приваренный...

– Да что же это за чертовщина?! – испугался я. Сел в автомобиль и снова поехал к Вова.

– Ну что там опять случилось? – уже менее радостно встретил меня автослесарь.

– Не открывается, – сказал я. – Лючок...

– Но он же только что открывался! И я его открывал, и ты!..

– Так в том-то и дело, – объяснял я. – Понимаешь, какая штука: у тебя в мастерской он открывается, а у меня на стоянке – нет!

Вовины напарники опять посмотрели на меня улыбаясь, но улыбки у них почему-то были уже какие-то не такие, как в первый раз.

– Послушай, – сказал Вова, отводя меня в сторону. – Что ты мне голову морочишь со своим дурацким лючком? Может быть, у тебя дело ко мне какое-нибудь есть серьезное? Номера, там, на двигателе перебить или врезать кому надо как следует... Так ты так и скажи. А то заезжаешь через пень-колоду...

– Да нет у меня к тебе никакого дела! – испугался я. – Вернее, есть, конечно, одно... Лючок вот не открывается...

– Ты вообще понимаешь, что говоришь?! – начал нервничать Вова. – Это же быть такого не может, чтобы он в мастерской открывался, а на стоянке не открывался!

– А ты поедь со мной на стоянку – сам убедишься, – попросил я.

– Да что я, с ума, что ли, сошел?! – отбивался Вова. – У меня тут работы по самое горло! Да ни за какие деньги!..

На этой неосторожной фразе я его и поймал.

Все время, пока мы ехали, Вова тихо ругался, обкуривая меня какими-то вонючими папиросами. Когда приехали, он сразу же выскочил из машины и бросился к лючку.

– Так что, говоришь, на стоянке не открывается?

– Нет, – твердо ответил я.

Вова потянул за лючок. Лючок открылся.

– А ну подойди сюда! – проговорил Вова.

Я подошел.

– Открывай!

Я тоже потянул. Лючок открылся.

– Еще открывай! – приказал Вова. – Еще!..

Я открыл лючок еще несколько раз.

– Ну как тебе это нравится? – спросил я у Вовы. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Я понимаю, – ответил Вова. – Я понимаю одно: если этот лючок у тебя опять не будет открываться, так ты в мастерскую сразу не приезжай. Сначала заедь к психиатру! И на работу меня отвозить не надо! Я тебя вообще видеть больше не могу!..

– Конечно, Вова, конечно... – лепетал я, провожая его со стоянки. – Ну зачем же тебе меня видеть, если у меня теперь лючок открывается?..

Я посадил Вову в такси и уже просто так, для очистки совести, опять вернулся к своей машине. Нужно вам говорить, что произошло дальше? Правильно. Лючок не открывался.

Вот тут уже мне стало по-настоящему страшно. Я-то думал, что он не открывается только на стоянке. Или открывается только в мастерской. А оказалось, что он открывается где угодно и когда угодно, но только при Вове!

«Так, – соображал я. – Хорошо. В конце концов, открывать этот лючок нужно только тогда, когда заправляешь машину бензином. И, наверное, если я Вове хорошо заплачу, то, может быть, он согласится раз в несколько дней ездить со мной на заправку...»

Но имелось еще одно обстоятельство, которое убивало меня уже окончательно. Дело в том, что эта новая подержанная машина была куплена мною не просто так. А с совершенно определенной целью. Ну как бы это сказать?.. В общем, была некая молодая особа. Чистейшее существо! Вот уже несколько месяцев она втолковывала своему мужу, что ей предстоит длительная командировка. Я что-то мямлил своей жене о необходимости побыть в творческом одиночестве... Короче, через неделю мы с ней вдвоем уже должны были мчаться в роскошной иномарке в сказочный Крым!..

Но теперь получалось, что третьим в эту романтическую поездку я должен был брать с собой какого-то автослесаря Вову?!

Конечно, это было немыслимо.

Я сел в автомобиль и опять поехал в автомастерскую.

– Все! На сегодня шабаш! – закричал Вова при моем появлении своим напарникам. – Атас, мужики! Расходимся по одному!

– Подождите! – взмолился я. – Кажется, я наконец понял, что нужно делать! Этот лючок нужно просто отвинтить и, может быть, даже выбросить!.. А что же еще остается, если он открывается только тогда, когда рядом есть Вова, а когда Вовы нет – он не открывается?

– Слушай, – подходя очень близко ко мне, заговорил Вова, – ты что, не понимаешь, что ты меня перед товарищами позоришь? Они и так уже все говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», – ну, в смысле, что мы с тобой, значит, оба ничего не соображаем... А если завтра они об этом раструбят на весь город? Может, твои читатели в данном случае не откроют для себя ничего нового, но я же могу потерять клиентов!

– Ну Вовочка! – чуть ли не плакал я. – Это и вправду какая-то мистика. Хочешь, давай проверим. Если тебя не будет – лючок не откроется...

– И как же мы это проверим? – опешил Вова. – Что значит – если меня не будет? Так это мне теперь что, ради твоего лючка застрелиться, что ли?

– Ну зачем же? – успокоил я Вову. – Просто отойди куда-нибудь за угол, чтобы тебя не было видно...

– Кому? – спросил Вова. – Чтобы меня не было видно кому? Лючку или всему автомобилю?

– Лучше автомобилю, – сказал я, прекрасно отдавая себе отчет в том, как я при этом выгляжу в глазах Вовиных напарников. Те действительно смотрели на меня уже без всяких улыбок, а как-то даже испуганно.

– Слушай, Вовчик, – сказал вдруг один из них, наверное, самый рассудительный. – А может, действительно отойдешь? Проверим. Сейчас в окружающей среде такой бардак происходит... Вон у меня теща рассказывала: она на прошлой неделе какому-то черному коту дорогу перешла, так он ее, гад, так матом покрыл, что она, говорит, и от меня такого не слышала! Радиация, может быть, или еще хрен чего...

Вова пошел за угол.

– Ну?! – закричал он оттуда. – Меня не видно?

– Нет! – отвечали напарники.

– Тогда скажите ему, пусть открывает!

Я подошел к лючку и дрожащей рукой потянул его на себя.

Лючок открылся.

Я сел на землю у заднего колеса своей машины и заплакал. Никаких разумных объяснений происходящего у меня больше не было.

Спасло меня только то, что на Руси издавна с пониманием относятся ко всяким убогим и даже пытаются им помогать. Вовины напарники расселись вокруг меня, закурили и крепко задумались.

– А вот скажи, – спросил наконец Рассудительный. – Тут вроде бы Вова говорил, что ты раньше на «Москвиче» ездил, это правда?

– Правда, – ответил я.

– Угу, – продолжал Рассудительный. – А на иномарке, значит, не ездил... А теперь скажи: ты когда ее на стоянку ставил, ты водительскую дверь запирали?

– Запирал, – кивнул я.

– А когда Вову на такси провожал?

– Тоже запирал.

– Так... Ну а здесь, в мастерской?

– Нет, конечно. Я же тут от машины не отходил. Зачем же ее запирать? Но какое это имеет значение?.. Водительская дверь впереди, лючок позади...

– Что-что-что?.. – заинтересовались напарники – и вдруг начали кататься по земле от страшного хохота. – А такое это имеет значение, – задыхались они, – что это тебе не «Москвич», парикмахер ты необразованный!.. У этой машины центральный замок! Понимаешь? Центральный! Ты когда одну дверь запираешь, он все остальное блокирует. Автоматически! В том числе и лючок! Усек наконец?!

...Ну что вам сказать, господа? Наступило третье тысячелетие. Его юные граждане, эти лобастые школьники, уже сегодня, не выходя из своих квартир, грабят через Интернет неприступные заморские банки. Что мы можем им объяснить в этой жизни? Мы, из всего арсенала могучей современной техники владеющие только канцелярским пером номер четырнадцать или, в лучшем случае, шариковой ручкой... Только одно: человек все равно мерило всех мерил! Он все равно совершеннее самой совершенной машины!

Почему?

А вот это уже пусть они сами себе объясняют.

Грехопадение

Тут один умственно продвинутый историк как-то сказал: во всех безобразиях, которые творились у нас в годы советской власти, виноваты мы все. И те, кто сажал, и те, кто сидел. Все участвовали. Так что и каяться нужно хором.

Глубокая мысль! В конце концов, если вдуматься, то в неприглядном деле поедания волками, к примеру, зайцев участвуют две стороны. Причем у волков в данном случае хотя бы имеются оправдания: например, они хотели кушать. А зайцы зачем участвовали в этих возмутительных беспорядках, а? Молчат ушастые перед суровым судом истории! Вот то-то...

Конечно, каяться должны все. Но поскольку никто не хочет – начну с себя. Чтобы, как говорится, процесс наконец пошел. Сам я, слава тебе, господи, не сидел. И, трижды слава тебе, никого не сажал. Но я написал донос. Что тоже, знаете ли, на дороге не валяется... Впрочем, позвольте покаяться по порядку.

В 1976 году на нашей студии телевидения, в должности младшего редактора, я считался человеком незаменимым. И не потому что на работу приходил вовремя или сценарии передач типа «Если тебе комсомолец имя» писал с каким-то особым литературным блеском. Скорее наоборот. По возможности, старался вообще не приходить и при первом удобном случае – не писать. Тут дело в другом.

Это сейчас для журналиста главное – собрать материал, написать материал, продать материал. Фига с два! В бурные времена нашей журналистской молодости главным было залитовать материал. То есть получить под ним подпись цензора. Без нее, будь ты хоть трижды Хемингуэй, никакой твой, к примеру, «Обком звонит в колокол» в жизни бы не вышел в эфир. Так вот, в нелегком деле получения этой заветной подписи я как раз и считался у себя в редакции непревзойденным виртуозом.

Наша цензорша – женский скелет неопределенного возраста с аскетичным лицом боярыни Морозовой, в толстенных очках, являлась на студию, сгибаясь под тяжестью каких-то огромных талмудов, и уже через несколько минут из ее кабинета начинали вылетать как ошпаренные мои коллеги-редакторы, держа в руках обрывки сценариев, перечеркнутые красным карандашом.

Потом заходил я.

– Доброе утро, Алевтина Ивановна! – лучезарно улыбался я ей, хотя за окном уже вечерело. – Как вы сегодня замечательно выглядите!

– Не говорите глупостей, молодой человек! – обрывала она меня. – Я выгляжу... Чтоб уже наши враги все так выглядели... Давайте сюда вашу писанину.

И она молниеносно пролистывала мой сценарий, время от времени сверяясь со своими талмудами.

Карающий карандаш уже зависал над очередной страницей. Вот тут главное было – не упустить момент. И я забрасывал свой безотказный крючок...

– Какая у вас интересная, творческая, необходимая людям работа! – с чувством произносил я.

Она на секундочку замирала, подозрительно приглядываясь ко мне.

– Вы что, действительно так думаете?

– Конечно! – продолжал я еще более искренне. – А разве нормальный человек может думать иначе?!

Все. Крючок был проглочен. Цензорша откладывала в сторону свой карандаш.

– А вот представьте себе, – говорила она, – так, как вы, мыслят еще далеко не все! Некоторые, видите ли, считают, что я тут что хочу, то и запрещаю. А ведь работа у меня

действительно творческая. На каждый такой запрет имеется специальный циркуляр! И день ото дня их становится все больше и больше. Так что приходится постоянно держать себя, так сказать, в курсе самых современных веяний! Смотрите, как интересно: вот, например, еще вчера мы не могли показывать количество гектаров пахотной земли в целом по району. А по отдельному колхозу могли. И количество колхозов в районе тоже могли. Правильно?

– Правильно, – подтверждал я, хотя этот бессмысленный полузапрет всегда поражал меня своей глупостью.

– Ну вот, – возбужденно продолжала цензорша, – а сегодня пришел совершенно новый циркуляр, и все стало значительно проще!

– То есть что? – спрашивал я. – Сегодня мы можем показывать уже и по району?

– Нет! – ликовала она. – Сегодня не можем уже и по колхозу!.. Или вот, специально для вас, телевизионщиков: еще вчера вы могли снимать на пленку весь наш торговый порт, а сегодня – уже только правую его часть. Потому что левую его часть уже нельзя! Чувствуете, как интересно?!

Ну тут я, кажется, понимал, в чем дело. С левой стороны в порту еще со времен войны стояла ржавая подводная лодка. Несколько бравых морячков до сих пор проходили на ней срочную службу. Однажды мы снимали их для какой-то очередной ура-патриотической передачи.

– Мальчишки... самое... это... – суежилась вокруг морячков наш необыкновенно творческий режиссер Галя Заварова. – Ну что это мы наш доблестный флот всегда так неинтересно показываем? Ну правда, одно и то же: один моряк бреется, двое играют в шахматы, трое пишут письмо любимой девушке... А нельзя, скажем, чтобы вы погрузились на дно, а потом, например, всплыли? А мы это снимем?!

– Можно, – отвечал командир. – Но только наполовину.

– В смысле? – удивлялась Заварова.

– Ну в смысле, что если мы уже погрузимся, то мы уже не всплывем...

Нет, в данном случае цензоров можно было понять. Конечно, показ такой непобедимой военной мощи мог спровоцировать любого, даже самого миролюбивого нашего заграничного соседа на всякие необдуманные поступки.

– В общем, очень, очень необходимая у нас работа! – продолжала между тем Алевтина Ивановна. – А какая ответственная! Каждую минуту нужно быть начеку. Иначе произойдет непоправимое! Например, на днях мой коллега, вычитывая газету «Октябренок Одесщины», случайно пропустил совершенно закрытую информацию: двести детей в этом году отдохнули в пионерском лагере нашей раскладушечной фабрики. Представляете, какой разразился скандал... Ну что вы на меня так смотрите? Вы что же, не понимаете, данные о чем могут получить зарубежные спецслужбы, узнав, что у работников нашей раскладушечной фабрики так много детей?

– О хорошем качестве наших раскладушек? – пытался догадаться я.

– Перестаньте! – хмурилась цензорша. – Они могут легко подсчитать, сколько этих самых работников трудится на этой фабрике, а значит, и какое количество раскладушек она выпускает!

– Ну и что? – совершенно терялся я.

– А если война?! – ударяла цензорша кулаком по столу, и по ее лицу пробегала легкая тень безумия.

– А, ну тогда... Конечно... – я кивал головой, хотя ничего, кроме идиотской мысли о том, что, зная количество раскладушек, имеющихся у нас на вооружении, враги могут определить, какое количество наших бойцов во время войны сможет воспользоваться ими, чтобы, например, залечь где-нибудь в засаде, в моей голове уже не возникало.

– И даже не говорите! – кипятилась Алевтина Ивановна. – Показывать количество выпускаемой продукции мы не имеем права не то что на раскладушечной фабрике, но даже и на игрушечной. Но разве же только это? Семьсот тридцать шесть основных запретов постоянно держит в своем уме любой уважающий себя цензор. А ведь каждый день, как я уже говорила, появляются новые, дополнительные. Их мы заучиваем по ночам. А потом весь день вычитываем газеты, журналы, сценарии, и постоянно в мозгу только одна мысль: что из всего этого могут узнать враги? А ведь враги повсюду! Повсюду!.. Естественно, что наши сотрудники долго не выдерживают. Появляются профессиональные заболевания...

– Зрение? – участливо спрашивал я.

– Паранойя, – доверительно сообщала цензорша. – Но разве это кто-нибудь ценит?.. Вот только с вами иногда и отведешь душу.

И она не читая подписывала принесенный мною сценарий.

Мои успешные походы к Алевтине Ивановне продолжались довольно долго – и закончились совершенно ужасно.

– Тебя главный редактор студии вызывает, – сообщил мне однажды мой непосредственный начальник.

Я пошел. В кабинете, кроме самого главного редактора, сидел человек в штатском. То есть как бы это сказать... Основная масса людей, как известно, вообще всегда ходит в штатском. Но этот... В общем, этот был явно не из основной массы.

– Присаживайтесь, товарищ Голубенко, – сказал главный редактор. – Вот товарищ... Иванов хочет с вами познакомиться.

– До нас дошли слухи, – заговорил товарищ Иванов, глядя на меня добрыми голубоватыми глазками, – что вы очень интересуетесь работой цензоров... Задаете всяческие вопросы... Как говорится, вникаете...

– Да нет, – испугался я, – просто...

– Да вы не тушуйтесь, – подбодрил меня товарищ Иванов. – Тут вот такая история: сейчас по заданию партии мы хотим, так сказать, омолодить штат наших цензоров. Пополнить его энергичными, образованными людьми... А тут как раз молодой, творческий человек, равнодушный к этой работе... В общем, как говорится, кому же, если не вам... Так что поздравляю от всей души. Наш выбор пал на вас.

– А?! – издал я какой-то неуместный для данной беседы звук.

– Вот и руководство студии характеризует вас с положительной стороны, – продолжал товарищ Иванов.

Я посмотрел на главного редактора. На его сановном лице мелькнуло подобие улыбки.

«Мечь! – пронеслось у меня в голове. – Жестокая мечь! А говорили тебе, дураку: попридержи язык! Перестань пререкаться с главным! Он твои шуточки недолюбливает!.. А ты? Вот, скажем, на последней летучке...»

– Редактор Голубенко, мне доложили, что вчера всю первую половину дня вы играли в настольный теннис, а потом вообще ушли домой, сославшись на то, что повредили правую руку. Это правда?

– Правда.

– И сценарий, конечно, не написали...

– Написал.

– Интересно. И как же вы его написали, если вы повредили правую руку?

– Но я же повредил не левую ногу...

Хихиканье товарищей за спиной. Шепот:

– Смотри, доиграешься...

Вот доигрался.

– Я не справлюсь, – твердо сказал я товарищу Иванову.

– Справитесь, – твердо сказал товарищ Иванов. – Пошлем вас на годовые курсы закрытого типа. А потом, под руководством опытных наставников, так сказать, вперед...

«...к паранойе», – закончил я про себя.

Какой, к чертовой матери, год?! Три месяца мне оставалось зарабатывать себе на хлеб на этой замечательной студии. Ну, в крайнем случае, четыре! Уже дописывалась по ночам первая пьеса, и был даже театр, который соглашался ее поставить. А там – свобода! Немыслимые гонорары! (Ну так мне тогда казалось по молодости.) И главный редактор все это знал. И даже сцены из пьесы ему вроде бы нравились. И вот, несмотря на это... А может, именно поэтому?..

– А я не член Коммунистической партии, – выложил я наконец свой главный козырь.

– Действительно? – удивился товарищ Иванов и посмотрел на главного редактора.

– Да, – подтвердил тот. – Хотя мы неоднократно предлагали... Но товарищ Голубенко отказывается. Говорит, что боится писать заявление. У нас оно типовое: «Прошу принять меня в КПСС, так как я не мыслю себе дальнейшей жизни вне рядов партии». Так он, видите ли, опасается, что если его вдруг не примут, то он как честный человек должен будет покончить жизнь самоубийством.

– Ну зачем же так прямо все понимать, – улыбнулся товарищ Иванов и посмотрел на меня совсем уж по-отечески. – Хотя, в определенном смысле, это тоже характеризует вас с принципиальной стороны... В общем, вы нам подходите. Будем работать вместе!

И товарищ Иванов отбыл в свою контору.

– Ну что же вы так со мной? – спросил я у главного редактора, когда мы остались вдвоем.

– Вы о чем? – удивился тот. – О том, что я отозвался о вас положительно? А что же я должен был сказать? Что вы не являетесь на работу? Что важные политические сценарии пишете левой ногой? Что ради красного словца не пожалеете не то что... неизвестно кого, но даже своего главного редактора?.. Но тогда как же я объясню, почему я до сих пор вас не выгнал? Или я должен был сказать, что на самом деле вы просто не любите нашу Коммунистическую партию?

– Ну почему вы думаете, что я ее не люблю? – вяло сопротивлялся я. – Просто я еще хотел, так сказать, проверить свои чувства...

– Опять? – сухо спросил редактор, поднимая левую бровь.

– Нет, – сказал я, поднимая вверх обе руки. – Все. Сдаюсь! Больше ничего такого не повторится. Честное слово. Но только помогите мне выпутаться из этой истории.

Главный редактор отвернулся к окну и забарабанил пальцами по столу. Вообще-то он был человек незлой. Во всяком случае, видя перед собой заблудшую овцу, осознавшую все свои прегрешения, мог иногда протянуть руку помощи...

– Хорошо, – сказал он наконец. – Сделаем так: ну, я вас уже охарактеризовал – и по-другому охарактеризовать уже не имею права. Но вот если ваши товарищи по редакции напишут в соответствующую инстанцию, что вы, так сказать, недостойны и что только родной коллектив может вас перевоспитать...

– Но кто же под этим подпишется? – удивился я.

– А зачем обязательно подписываться? – удивился редактор.

– Так вы что же, предлагаете, чтобы мои товарищи по работе написали на меня анонимный донос?! Но у меня нету таких товарищей!

– Вы так считаете? – заинтересованно посмотрел на меня редактор. – Тогда у вас остается только один вариант... Попробуйте догадаться сами.

И я догадался.

В тот же вечер, оставшись в редакции наедине с чистым листом бумаги, я взял карандаш в левую руку (и откуда я знал, что так поступают опытные анонимщики, чтобы изме-

нить почерк? Может, у нас у всех это в генах?) и начал выводить: «Как благонамеренные граждане, считаем своим долгом довести до вашего сведения, что работник нашей студии Голубенко Г. А. является идейно незрелым, морально малоустойчивым человеком...» – и так далее и тому подобное. В общем, все как положено.

Больше с товарищем Ивановым я уже не встречался.

А через полгода вышла первая пьеса, потом вторая... десятая... И политических доносов на себя мне уже не нужно было писать. Теперь это делали совершенно другие люди. И называлось это совсем по-другому. А именно – рецензия на спектакль.

Тот еще фрукт, или Немного о себе

1

Как говорили философы древности? «Чтобы понять человека, его нужно увидеть мертвым». Чушь! – говорю я вам. Чтобы понять человека, его нужно увидеть пьяным! Вот когда проявляется истинное нутро нашего гомо сапиенса. Я, например, знал одного богатейшего предпринимателя, истинного благотворителя и мецената, который, подвыпив, ни разу в жизни не уходил из ресторана, не прихватив с собой казенную вилку или рулон туалетной бумаги.

Со мной дело обстоит значительно хуже. В глубине души я, наверное, очень хороший человек. Потому что, напившись, я начинаю помогать людям. И не то чтобы такая мысль никогда не приходила мне на трезвую голову; но, как и всякий нормальный человек, я ее тут же и отгоняю. Действительно! Почему обязательно людям? Что, мне уже и помогать некому? Но на пьяную голову... Причем природа устроила меня таким хитрым образом, что сколько бы я ни выпил – внешне кажусь абсолютно трезвым. Вызывая доверие. Хотя не соображаю уже при этом практически ничего. И тут я начинаю помогать. И заканчивается это совершенно ужасно.

Телефонный звонок в половине девятого утра после очередного гуляния:

– Але! Это Георгий? Так я уже целый час сижу в приемной нашего мэра. Вы что же, сейчас подъедете?

– Зачем?..

– Ну, это Степан Митрофанович.

– Какой?

– То есть как? Мы познакомились вчера, на именинах у Лисогорского. И вы сказали, что такой уважаемый человек, как я, тридцать лет прослуживший в ветеринарной службе по отлову бешеных собак, не может жить в старой однокомнатной квартире. И потому завтра в половине восьмого утра вы пойдете со мной к нашему мэру, которого прекрасно знаете. И он обязательно тут же даст мне самую лучшую квартиру в городе. Может быть, даже свою. Только, знаете, мэр только что выходил из своего кабинета и со мной даже не поздоровался. Из чего я делаю вывод, что вы ему по моему поводу даже, наверное, еще не звонили. Так вы приезжайте, потому что свою однокомнатную квартиру я уже практически продал. Жду!

«Катастрофа...» – проносится у меня в мозгу. Конечно, я прекрасно знаю нашего мэра. Кто же его не знает? Его каждый день по телевизору показывают. Но он-то обо мне и понятия не имеет! И если я сейчас ворвусь к нему в кабинет и потребую, чтобы он немедленно отдал свою собственную квартиру какому-то Степану Митрофановичу... то уж тут каретой «Скорой помощи» из психиатрической больницы можно и не отделаться. Могут вызвать автомобиль и из ветеринарной службы Степана Митрофановича. Ну, по отлову... В общем, вы понимаете.

Мне становится дурно.

– Давайте перенесем наш визит... – униженно прошу я Степана Митрофановича. – Что-то я себя нехорошо чувствую...

Фу... кажется, пронесло. Но уже через минуту – опять телефонный звонок.

– Гарюня, милый! Это твоя Бэлла Семеновна! Как мы вчера и планировали, мужа своего я уже выгнала.

– Зачем? Кто вы такая?!

– Перестань! Что ты меня разыгрываешь?! Ты же говорил мне вчера на именинах у Лисогорского, что, несмотря на то что я вешу минимум сто двадцать килограммов и в свои пятьдесят восемь лет выгляжу максимум на шестьдесят четыре, я все еще могу рассчитывать на простое женское счастье. И если мой муж уже вообще не может мне его дать, то, конечно же, есть на свете не пожилой крепкий мужчина, который способен предоставить женщине это счастье хотя бы один раз в несколько лет... Короче, намекал на себя.

– Почему на себя, уважаемая? Какой там «раз в несколько лет»?..

– Хорошо, я согласна и чаще. В общем, надевай выходной костюм, покупай букет и дуй в городской загс. У меня есть справка о беременности, полученная еще в 1954 году, так что меня здесь уже девять раз расписывали без очереди.

«Только бы жена не услышала!» – вздрагиваю я, выдергивая вилку телефонного провода. Хотя... Можно подумать... Обещал устроить личную жизнь какой-то Бэллы Семеновны...

Нет, все-таки с годами я становлюсь благоразумнее. Вот лет пятнадцать назад, когда мы напились с каким-то майором из Комитета государственной безопасности, и он пожаловался мне, что советским шпионам за границей мало платят и при этом забрасывают в «горячие точки», а я, намекая на какие-то свои тайные связи со спецслужбами США, обещал этому майору устроить его американским шпионом в СССР и с хорошей зарплатой забросить в какой-нибудь санаторий Южного берега Крыма!.. Вот это могло закончиться трагически.

Или уже недавно, когда мы пили с каким-то мелким работником ЖЭКа, мечтавшим сделать хоть какую-нибудь карьеру. И я клятвенно убеждал его, что жена президента одной из стран СНГ когда-то была моей одноклассницей. И поэтому ей достаточно одного моего телефонного звонка, чтобы уже завтра ее новым мужем, а значит, и президентом этой страны стал мой сегодняшний собутыльник. «Причем я уже так многих устроил! – настаивал я. – И люди мне благодарны!..»

В общем, что говорить... А тут какая-то Бэлла Семеновна. Нет, видимо, выпил я вчера на этих именинах у Лисогорского не так-то уж много...

И тут звонок мобильного телефона. Прокуренный старческий тенорок в трубке:

– Папа, ты меня слышишь?

– Ошиблись номером.

– То есть как? Это Георгий Андреевич? Вчера мы познакомились на именинах у Лисогорского, и я рассказал вам, что всю свою долгую бедную жизнь прожил круглым сиротой. И вы...

– Что? Пообещал вас усыновить?

– Почему – усыновить? Вы сказали, что вы и есть мой родной отец. Просто раньше из педагогических соображений вы это скрывали. А теперь, так сказать, настала пора открыться...

– Послушайте, уважаемый, но вы-то прекрасно понимаете, что это невозможно. Вы же, наверное, еще вчера обратили внимание, что я лет на двадцать пять младше вас...

– Обратил. Но вы мне сказали, что это так только кажется. Что просто вы, когда напиаетесь как свинья, начинаете очень хорошо выглядеть. А когда к вам возвращается ваш человеческий облик, то всем сразу становится понятно, что вам уже очень далеко за восемьдесят. Так что вы, Георгий Андреевич, от своего отцовства не отказывайтесь, потому что во второй раз потерю моего единственного родителя я уже не переживу!

Нет, точно нужно завязывать! – думаю я. А то правильно предупредила жена: «Если ты, дорогой, не перестанешь делать людям добро, то они рано или поздно просто тебя прибьют. И будут совершенно правы!»

А что? Может быть. В конце концов, ведь давно известно, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

2

Всю жизнь на меня вешали всякие ярлыки: «мнительный», «ипохондрик»...

И что же?

Сейчас мне пятьдесят шесть лет, и вот только теперь наконец начинают подтверждаться диагнозы, о которых я сигнализировал своим врачам, когда мне было четырнадцать.

Симулянт... Симулянт... Ну и где сейчас этот профессор, который говорил мне тогда: «Не может быть у тебя, мальчик, старческого склероза! А то, что ты не можешь запомнить ни одного слова из книжки «История уничтожения классовых врагов в СССР для детей с картинками», означает только то, что у тебя от рождения очень здоровая психика. Только ты эти мои слова никому не передавай, а то посадят»? Вот где сейчас это светило отечественной педиатрии? Хотел бы я посмотреть, что бы оно сказало про меня теперь, когда я не то что из этой истории с картинками не помню ни одного слова, но даже собственную историю болезни без шпаргалки не могу рассказать. Какой-нибудь, например, интересной девушке.

Медики... Зла на них не хватает! Разве в детском саду, помню, во время обеда, я не пожаловался медсестре, что у меня какие-то мушки перед глазами? И что они сделали? Уволили повараху! Хотя я-то понимал, что это начало куриной слепоты!

А уже в студенческие годы разве я не ворвался в нашу районную поликлинику с требованием сделать мне полный рентген организма по поводу начинающейся у меня дистрофии? Сделали. «Да вы же, – говорят, – цветущий молодой человек! Посмотрите на снимки!» Я посмотрел. «И вот так, – говорю, – по-вашему, выглядит цветущий молодой человек? Одни кости!»

А по поводу ложной беременности в возрасте тридцати лет я им что, не сигнализировал, этим врачам? То есть как здравомыслящий человек я понимал, что нормальной беременности у меня, скорее всего, быть не может. Но живот-то растет! Не по дням, а по часам! Значит – что это может быть? Только ложная! «Перестаньте, – сказали врачи, – есть двенадцать раз в день». Ну, перестал. Вот уже много лет ем только один раз в день – все, что раньше съедал за двенадцать. Ну и что? Живот от этого хоть немножко уменьшился?

Коновалы они, эти врачи. Меньше их в медицине разбираются только эти... как их там? О! Народные целители.

Тут несколько лет назад определил я у себя болезнь. Действительно, довольно-таки специфическую. Я вот только понять не мог: это чумка собачья или конский сап? В общем, что-то такое, о чем эти самые врачи со мной вообще разговаривать отказывались. Ну, пошел я к целителям. Жить же все-таки хочется... Передо мной мужчина какой-то в очереди стоит. А с ним женщина... Страшная!.. Как не знаю кто!.. Глазки малюсенькие, как у таракана. Уши огромные, как у слона. Посредине нос, как Пизанская башня. Падающая на подбородок. В общем, выходит этот целитель, спрашивает у мужчины: что случилось? «Вот, – говорит мужчина, – супруга моя. С соседкой поссорилась. А соседка эта – известная ведьма – обещала порчу на нее навести...» – «Да, – говорит целитель, рассматривая его супругу, – тяжелый случай». – «Что вы имеете в виду? – удивляется мужчина. – Почему тяжелый? Пока – тьфу-тьфу-тьфу... все нормально. Просто мы боимся, как бы эта соседка из моей жены действительно не сделала какую-нибудь уродину...»

Короче, целители эти тоже ничего не соображают. Только сам человек, если он, конечно, не болезненно мнителен, а способен трезво оценить свое состояние, может поставить себе настоящий диагноз. Я, например, делал это всю свою жизнь. И ошибся только один раз: когда уже в достаточно зрелом возрасте, буквально во сне, не просыпаясь, поставил себе стопроцентный диагноз – родимчик! Утром вызвал врачей. И только тут выяснилось, что это

не я плакал, орал и пускал пузыри всю предыдущую ночь, а соседский младенец, которого именно в это время привезли из родильного дома.

Вот такие дела...

А тут еще жена... Стоит мне схватиться за какой-нибудь свой внутренний орган, который, как мне показалось, ведет себя не так, как ему предписано, и заорать на весь дом «Умираю!» (что я, надо сказать, делаю почти каждый день), как жена начинает меня стыдить: «Знала бы, – говорит, – что ты такой трус, в жизни бы не вышла за тебя замуж!..» – «Понимаю, – говорю, – что ты имеешь в виду. Но уж если ты так любишь смелых, тебе нужно было родиться чуть раньше и выйти замуж за Александра Матросова. Уже бы через неделю была вдовой, и голову бы тебе никто не морочил со своими болячками. А я... пусть лучше я немного перестрашусь...»

3

Вообще-то я человек щедрый. Или скупой. Все зависит от количества котлет, которое мне удастся съесть за день.

Проснувшись, я, насусленный и хмурый, выхожу на кухню.

– Доброе утро! – говорит жена. – Знаешь, дорогой, вчера в магазине я видела такие очаровательные брючки... Ты не возражаешь, если я сейчас сбегую?..

– Опять?! – злобно прищуриваюсь я. – Да что же это за горе такое, честное слово? У тебя уже и так восемнадцать пар брюк. Зачем тебе еще и девятнадцатая? Ты же не сороконожка в конце концов! Хотя – пожалуйста, поступай как хочешь! Но если ты каждый день будешь бегать за новыми брюками, то тогда не устраивай мне скандалы, что я каждый день бегую за новой юбкой!..

– Хорошо! – миролюбиво говорит жена. – Обойдусь я без этих брюк. Давай позавтракаем. Съешь котлетку.

Я впиваюсь зубами в мягкое душистое мясо. Теплая волна насыщения обволакивает мой желудок. Отогревает сердце.

– А впрочем, – говорю я жене, – купи себе эти брюки. Я же не скупердяй какой-нибудь. И потом я тут подсчитал: если бы ты действительно была сороконожкой, тебе бы понадобилось целых двадцать пар. А так всего девятнадцать. Так что в этом смысле, если бы мне сегодня опять пришлось выбирать, на ком жениться – на тебе или на сороконожке, – я бы все-таки выбрал тебя. Покупай!

– Спасибо, дорогой! – радуется жена и начинает собираться в магазин.

Собирается она довольно долго. За это время облагораживающее действие съеденной мною котлеты начинает ослабевать.

– И куда это ты собралась?! – мрачно спрашиваю я, оглядывая уже одетую жену. – Ты что, действительно решила купить себе эту никому не нужную сто восемнадцатую пару брюк?!

– Девятнадцатую, – уточняет жена.

– Тем более! Нет. Все-таки я тебя не понимаю! Я тут вкалываю, как галерный раб! Непосильным писательским трудом зарабатываю какие-то деньги... чтобы после моего ухода из жизни хоть что-нибудь осталось!..

– Но это же глупо! – говорит жена. – Чтобы после ухода писателя остались только какие-то деньги...

– А если после ухода писателя останется только девятнадцать пар женских брюк – это что, по-твоему, умнее?! Или это, по-твоему, привлечет ко мне дополнительных читателей?

– Успокойся! – пугается жена. – Я уже ничего не хочу себе покупать. Если это привлечет к тебе дополнительных читателей, я вообще согласна ходить без брюк!..

Но я уже взвинчен и, чтобы снять с себя нервное напряжение, опять отправляюсь на кухню и съедаю следующую котлету. Действует она на меня так же благотворно, как и предыдущая.

– И что это ты разделась, дорогая? – спрашиваю я жену, выходя в коридор. – А за брюками кто вместо тебя пойдет?

– Но ты же только что говорил...

– Перестань! – нежно обнимаю я жену. – Нашла кого слушать! Мало чего я там бурчал на голодный желудок... Конечно, покупай, любимая. Только почему одни брюки? Купи себе еще и курточку.

– Ты что, сейчас на кухне съел две котлеты? – подозрительно спрашивает жена. – Я же ребенку оставила!

...Постепенно моя жена все-таки научилась со мной обращаться. И теперь выстраивает мой рацион в точной зависимости от стоимости предмета, который она задумала приобрести. Например, недавно, когда она решила купить себе шубу, она кормила меня не переставая целых четыре дня и четыре ночи. Чуть не довела до заворота кишок. И все же, пока мы дошли до магазина, я успел немного проголодаться. Поэтому вместо норкового манто ей удалось купить себе только кроличью телогрейку. Но жена продолжает совершенствоваться.

Думаю, ничего нового я этой историей читателям не рассказал. Давно известно, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Просто у меня этот путь, наверное, самый короткий из всех, которые только можно себе представить.

Букет для президента

Звали ее, кажется, Рива. Фамилия – вообще Хасид. Помрежем у нас на телестудии работала. Маленькая, некрасивая, тихая... То есть более невероятного сотрудника для редакции пропаганды одесской студии телевидения конца семидесятых годов трудно было представить.

– Как она к нам попала? – дергалось руководство. – Мы же идеология! Кто ее принимал на работу?!

Стали что-то там разбираться, запутались, потом замотались, забегались, и... Нет, перевели, конечно, ее из помрежей в уборщицы, что даже по тем временам выглядело несколько диковато, но из идеологии не выщелкнули. И забыли на двадцать лет. Забудем и мы на какое-то время. Вспомним, когда понадобится.

И вот уже другая страна, другие нравы, и приезжает в Одессу сам президент! Ну что мы о нем знали до этого? То есть пока он был еще претендентом. Говорили, что не дурак выпить. Уже хорошо. У нас политический деятель, если он хоть в чем-нибудь не дурак, это, знаете ли, уже не мало. Короче, он победил. И вот приезжает. На один день. Знакомимся с расписанием визита. Значит, утром, после встречи в аэропорту, у него посещение пивзавода. Ну, ясное дело, после вчерашнего...

Потом его везут на завод шампанских вин. Потом на винно-коньячный. После всего этого он встречается со старшеклассниками. И, наконец, банкет в обладминистрации и прощальный фуршет в аэропорту. Для нас важно, что после винно-коньячного и до старшеклассников он хочет заехать на студию и выступить перед восхищенными телезрителями.

– К встрече готовы? – спрашивает представитель обладминистрации, который, собственно, и знакомит нас с этим насыщенным расписанием.

– Оно, конечно... – мнется директор студии. – Телекамеры там, свет... Но неудобно как-то, знаете ли, встречать с пустыми руками... Может, учитывая, так сказать, увлечения нашего гаранта предложить ему чего-то спиртного?

– Спиртного не надо, – реагирует представитель. – После винно-коньячного, думаю, он еще часа полтора пить ничего не сможет.

– Тогда мясного, – включается замдиректора. – Пусть закусывает...

– Нет, – говорит представитель. – В течение дня не закусывает.

– Тогда букет! Пусть хотя бы занюхает, – шепчет кто-то из нас ехидно.

– А вот это – пожалуйста!.. – соглашается представитель. – Букет – оно и красиво, и неожиданно, и без всяких намеков на эти, как вы ошибочно думаете, «особые увлечения»...

– Анастасия Филипповна! – командует наш директор. – А ну-ка берите все, что у вас там есть из профсоюзных денег, и быстренько на Привоз...

Короче, через полчаса привозит она красоту необыкновенную – пятьдесят чайных роз! Улавливаете? Именно чайных! То есть если и есть тут намек на увлечение президента хоть каким-нибудь питием, то максимум питием чая. А тут как раз представителю звонят по мобильному телефону.

– Внимание, – говорит он нам, – готовность номер один! Президент только что покинул дегустационный зал винно-коньячного завода, сейчас он у них на проходной прощается с руководством и едет прямо сюда! Выдвигаемся к воротам студии!

Мы выдвинулись. Впереди директор с букетом... Тут снова звонок.

– Отбой! – говорит представитель. – Президент на некоторое время задерживается. Он попрощался на проходной с дирекцией винно-коньячного завода и... вернулся в дегустационный зал. Расслабиться. Можно курить.

Ну, мы расслабились, закурили... Звонок.

– Внимание, – кричит представитель. – Президент снова на проходной винно-коньячного!.. Выдвигаемся!.. Хотя... Подождите, мне еще что-то там говорят... Ага! Он опять вернулся... На винно-коньячный?.. Нет?.. А куда?.. Ах, снова на пивзавод... А потом на шампанские вина... Ну понятно, понятно. Так. Полный отбой, товарищи. Расписание визита меняется на глазах. На телевидение президент уже не придет. После шампанского с пивом и коньяком сразу же к старшекласникам. До свидания.

И представитель уехал. А мы остались. С букетом...

– И что нам теперь с ним делать? – спрашивает директор. – Не везти же его обратно на Привоз продавать? А знаете что? Давайте устроим праздник кому-нибудь из рядовых работников коллектива. А вдруг кто-нибудь из них сегодня родился или, наоборот... женился... Сделаем человеку приятное.

– Есть такой человек, – говорит профсоюзная Анастасия, заглядывая в свой грессбух. – Только я не знаю, как вы к этому отнесетесь. Риве Хасид сегодня пятьдесят лет...

– А мы ее что, до сих пор не выгнали? – удивляется наш директор. – Ну что ж, будем ей тогда делать приятное. Приглашайте.

Заходит Рива. Не молоденькая уже, страшенькая совсем, со шваброй в руке... Нервничает. Шутка ли, сам директор позвал первый раз в жизни.

– Дорогая Рива, – говорит директор, – не знаю, как вас по отчеству... но это не имеет значения. Сегодня в вашей жизни светлый, праздничный день...

– Конечно, – говорит она. – Праздничный. Совершенно с вами согласна. Поэтому ж я сегодня уже с самого утра в мужском туалете четыре раза подряд праздничную уборку произвела и сейчас еще раз производить пойду. Президент, как-никак, посетить может. Ясное дело...

– Нет, – говорит директор, – я не об этом.

И дальше неожиданно в рифму, очень художественно:

– Сегодня вам, Рива, исполняется пятьдесят лет,

Вот вам, Хасид, букет!

Рива чуть не расплакалась.

– Он же, наверное, дорогой... Разве ж я заслужила... Хотя, с другой стороны, конечно, двадцать лет, так сказать, в одном месте... В смысле на нашей студии... Спасибо!.. Значит, есть все-таки справедливость на свете!..

– Есть! – подтверждает наш главный редактор. – А как же! Конечно есть! И мы здесь все, руководство то есть, специально для того, чтобы эта самая справедливость постоянно торжествовала... В общем, успехов вам, Рива, – заканчивает директор, – будьте всегда такой же молодой, красивой... И знаете что?.. В такой день... Идите уже домой, чтобы я вас хотя бы сегодня на студии больше уже не видел. То есть отдохайте там, набирайтесь сил...

Только она ушла, влетает представитель администрации.

– Полундра, – кричит, – товарищи! Расписание президента изменилось на триста шестьдесят градусов! В самый разгар второй дегустации на заводе шампанских вин он потребовал, чтобы его немедленно везли на встречу! Но не со старшекласниками, а кордебалетом нашего славного театра оперетты! По дороге заедет к вам. Выдвигаемся к центральному входу!.. Где букет?!

– Где Хасид?! – кричит наш директор. – Только бы она не ушла! Тащите ее сюда!

Оказывается, не ушла. Притащили вместе с букетом.

– Товарищ Хасид, – говорит директор. – Только вы поймите нас правильно. Нет, что касается всяких там поздравлений и пожеланий в ваш адрес, то мы от них полностью не отказываемся! Но вот с букетом произошла накладка. То есть мы должны были вручить его президенту, а вручили почему-то вам...

– Так вы меня с ним что, перепутали? – изумляется Рива.

– Потом будем разбираться! – кричит наш директор. – Дайте сюда букет! Вперед!

– Назад! – кричит представитель администрации, которому в этот момент опять позвонили по мобильному телефону. – Ситуация снова переменялась! Президент до вас не доехал. Остановился на соседнем углу возле киоска. Общается с простыми гражданами. Дегустирует водку самопальную на разлив и закусывает чебуреком. Оттуда прямо в кордебалет. Так что можете быть совершенно свободны. А я уехал...

– Ну и где эта Рива?! – нервничает уже наш директор. – Ах, вы еще не ушли? Так что ж вы стоите? Забирайте тогда этот ваш букет... Если он вообще никому не нужен... И радуйтесь!..

– Спасибо, – говорит Рива, – но я уже как-нибудь без букета...

– Что-что-что?! – беленеет директор. – То есть как это «без букета»?! Мы тут заботимся о ней, понимаешь, стараемся как-то устроить праздник, а она нам еще коники строить будет! А ну бери эту гребаную метелку и вон из моего кабинета!

Рива взяла букет.

– Друзья! – влетает в эту секунду представитель администрации. – Президент через десять минут будет здесь! Кто-то, видимо, настучал первой леди в столицу, что он, ну... в приподнятом настроении встречается сейчас с девицами легкого, или, как это правильнее сказать?.. О! Солнечного жанра. Так что он сразу все бросил и направляется прямо к вам. Будет сейчас вещать на всю Украину, чтобы, значит, первая леди видела, что он в данный момент находится в студии и все эти инсинуации про девиц и самопальную водку не более чем провокация, подстроенная его политическими противниками, при поддержке, естественно, спецслужб одного соседнего государства.

– Так что мне теперь делать с букетом? – интересуется Рива.

– А ты, дура старая, не понимаешь?! – орет уже все наше руководство хором и, вырвав из ее рук цветы, бросается во главе всего нашего коллектива на проходную.

– О-хо-хо... – говорит нам вслед мудрая Рива. – Пойду-ка я и вправду готовить мужской туалет к визиту высокого гостя. А заодно, кстати, и женский. Потому как знаю я эти чебуреки из будки на соседнем углу... Одного туалета ему после них может и не хватить.

Р. С. От автора. Нет, неправильно говорят, что каждый народ достоин своих правителей. Наш народ, то есть народ нашей студии, естественно, по-моему, недостоин... Наши правители для нас, по-моему, слишком уж хороши. Исключение из нас представляла разве что Рива Хасид. Ну так она у нас на студии двадцать лет была – человек случайный.

Ефим и Голиаф

О том, что в Одессу инкогнито прибыл Тайсон – чемпион мира в супертяжелом весе, стодвадцатикилограммовая машина для убийств, свирепая и кровожадная, по кличке Бешеный Бык, – в городе узнали только на следующий день после обеда. Но уже к ужину Одессу облетела еще более сногшибательная новость. Оказывается, первым, с кем встретился непобедимый чемпион в нашем богоспасаемом городе, был оптовый торговец нижним женским бельем Фима Пузайцер – мужчина более чем хрупкого телосложения, практически никакого роста и вообще человек весь из себя настолько, как бы это сказать, неприметный, что его годами не могла отыскать в Одессе даже налоговая инспекция! И что самое потрясающее, при этой встрече Фима так отметелил этого Тайсона, что полумертвого чемпиона в бессознательном состоянии увезли прямо в реанимацию!..

Конечно, как и во всех одесских слухах, была тут и доля преувеличения. Ну, во-первых, налоговая инспекция Фиму Пузайцера иногда все-таки находила.

Что же касается Тайсона, то после встречи с Фимой ни в какую реанимацию его никто, конечно, не отвозил, а отвезли его в обычное отделение районной больницы, врачи которой сделали все возможное и невозможное, в результате чего тренер великого чемпиона вскоре оптимистически заявил: мол, о возвращении Бешеного Быка на большой ринг после инцидента с Пузайцером речь пока идти не может, но мы надеемся, что через какое-то время Бык уже попытается самостоятельно вставать с постели и вообще как-то сам себя обихаживать.

То есть, как видите, одесским слухам полностью доверять нельзя, хотя, с другой стороны, дыма без огня не бывает. Поэтому расскажем, как оно было на самом деле.

В тот злополучный для Тайсона день Фима Пузайцер и его американский партнер Сема, уроженец славного города Черновцы, мирно сидели в кают-компании скромной Фиминой яхты, пришвартованной к причалу одесского порта, потягивали «Абсолют», закусывали его нежнейшей одесской тюлочкой, а также другими деликатесами и вели ленивый, ничего не значащий разговор.

– И что ты прилип до этой своей Одессы, как будто она тебе медом намазанная? – спрашивал Сема, накалывая серебрястую тюлочку на золотую вилочку. – Перебирайся до мене в Америку.

– Та я и тут как-нибудь перекантуюсь, – отвечал Фима, разливая холодный «Абсолют» в антикварные рюмки из обеденного сервиза короля Людовика XIV.

– «Перекантуюсь, перекантуюсь...» – передразнил его Сема. – Вот не умеешь ты жить красиво как обеспеченный человек. Ну что мы сидим тут вдвоем, водку трескаем? Давай я хоть в город смогаюсь. Соберу какую-нибудь компанию неординарных личностей.

– Но только не политиков и не проституток, – предупредил Фима. – А то я после третьей рюмки их все равно путаю. Найди уже тогда что-нибудь действительно экзотическое. Ну чтобы по приколу...

Сема ушел и тут же вернулся, приведя с собою семерых атлетически сложенных негров.

– А это еще кто? – изумился Фима.

– Понятия не имею. Но ты ж просил экзотическое. Вот – причалили только что, согласились поужинать. Голодные, говорят, как волки.

– Ну, это по приколу, – согласился Фима, – с волками я еще-таки да ни разу не ужинал. Хорошо. Скажи, пусть рассаживаются.

Семеро здоровенных афроамериканцев рассаживались за столом Фиминой кают-компании. А на столе их ожидали перламутровые устрицы во льду на серебряном блюде, икра черная паюсная, икра красная кетовая, а также икра желтая щучья, которую афроамериканцы

видели первый раз в жизни и потому смотрели на нее с таким же изумлением, с каким, наверное, щука, метавшая эту икру, смотрела бы сейчас на невиданных ею доселе афроамериканцев. Глаза Ефима были тоже полны изумления. Он неотрывно уставился на самого здорового из пришедших гигантов, мышцы которого, как футбольные мячи, перекатывались под спортивной курткой.

– Сема, – проговорил он наконец, – как ты считаешь, этот черный ни на кого не похож?

– Похож, – отвечал Сема.

– На кого?

– На всех остальных.

– Да нет, я серьезно спрашиваю... Слушай, да это же... Нет, быть такого не может...

Это же Майкл Тайсон!

При слове «Тайсон» шестеро гостей радостно закивали, а сам громила скромно развел руками и уронил голову на грудь, как бы подтверждая, что это именно он и есть.

– Ой, я не выдержу, – запричитал Фима. – Великий Тайсон у меня в гостях! Чемпион чемпионов! Гений всего мирового бокса! Спроси у него, как он сюда попал?

– Он с друзьями, – начал переводить Сема, – совершает круиз по самым прекрасным городам Европы...

– Ага! – восторженно перебил Фима. – Слышал?! А ты мне «Америка, Америка!» Одесса – лучший город земли! Это уже не я, это тебе сам Тайсон сказал. Гений всего человечества!

– Да подожди, – остановил его Сема, – оно тут еще что-то говорит... Ага... Вот оно что... Ясно... Значит, совершали они круиз по самым прекрасным городам Европы. А тут вчера вечером, после выхода из Стамбула, попали в ужасный шторм. Целую ночь их трепало как щепку, а потом прибило неизвестно куда. То есть сюда. Понимаешь? Они уже на берег сходили, побродили по близлежащим улицам, и вот теперь он спрашивает, нет ли вокруг какого-нибудь более цивилизованного места, чем этот город...

– Чего-чего? – насторожился Фима. – Ты правильно перевел?

– Слово в слово...

– Дубина он стоеросовая! – резко изменил Фима свое отношение к умственным способностям Тайсона. – Об Одессе сказать такое! Горилла безмозглая!

– Перевести? – спросил Сема.

– Пока не надо... Нет, ну как тебе нравится? Подумаешь, чемпион липовый! Да если он хочет знать, в Одессе таких, как он!.. Да что там – как он... У нас и покруче имеются. А ну спроси у него, он Бухмана знает?

– Ху из Бухман? – заинтересовался Тайсон.

– А Бухман их великий боксерский тренер! Он учил, что сила в боксе вообще ничего не значит. Человек на ринге должен быть прежде всего мыслитель! Он должен постоянно и напряженно думать, анализировать, строить хитроумнейшие комбинации! Все остальное приложится.

– И кого же он воспитал, этот ваш тренер с такой методикой? – заинтересовался Тайсон.

– Да половину города! И какие люди! Директора банков, хозяева крупных бизнесов, серьезные адвокаты...

– Это другое дело, – согласился чемпион мира. – Но вообще-то бокс – это спорт сильных людей. Лично я уложу любого умного хлюпика, как дохлую муху.

– Не будем спорить! – согласился Ефим и тут же превратился в гостеприимного хозяина. – Ну что ж, друзья, как было написано когда-то на фасаде одесского медвытрезвителя: «Лишь тот из нас сто лет живет, кто не берет ни рюмки в рот!» А потому фужерами, господа, только фужерами!

И пошла жара! Сначала выпили «со свиданьем». Потом, как и положено в интеллигентной компании, «чтоб Дюк стоял и деньги были», потом накатило «за тех, кто в море». Потом пьяненький Сема провозгласил: «За присутствующих здесь дам!» При чем перевел, и гости неожиданно согласились, игриво покосившись на самого молодого и симпатичного.

– Стоп! Ту мач! – проговорил перед пятым фужером самый пожилой из гостей, как выяснилось впоследствии, тренер. – Мы, американцы, не можем пить наравне с русскими.

– А наравне с русскими вас никто и не заставляет, – заметил Фима. – Вы для начала с нами порепетируйте. С евреями. Ну хорошо, тогда будем фотографироваться. Моня, ты готов? – обратился он к чемпиону.

– Ес, – кивнул пьяненький Тайсон.

– Как коллега с коллегой. Я ведь тоже когда-то тренировался у Бухмана. И даже выступал один раз. Именно в весе «муха». Снимемся? Но только в полном боксерском обмундировании. У меня тут как раз имеется... Переодеться сможешь?

– Оф корс, – еле ворочая языком, проговорил чемпион и стал натягивать боксерские трусы через голову.

– Янки, гоу хоум! – скомандовал кто-то из афроамериканцев, и делегация Тайсона на четвереньках потянулась к выходу.

– А на коня?! – возмутился Фима. – Как же я такого почетного гостя просто так выпущу?! Майкл, на коня!

– Ну зачем ему на коня? – запротестовали афроамериканцы. – Нам и идти совсем близко. Да и не влезет он на коня в таком состоянии...

Но Фима уже разливал полную бутылку «Абсолюта» в две большие пивные кружки.

– Слабо? – тихо спросил он, глядя прямо в глаза чемпиону. И тот понял без перевода. Он вообще, кажется, начинал уже что-то понимать, но было поздно. Великое качество великого бойца – никогда не отступать перед самым грозным соперником – сыграло с ним в этот раз опасную шутку. Он выпил кружку до дна! Наравне с Фимой! Потом побледнел. То есть из абсолютно черного сделался абсолютно красным и рухнул на пол кают-компания. Афроамериканцы бросились к нему, а Фима, отойдя в сторону, еще успел сделать несколько телефонных звонков и лишь после этого позволил себе отключиться на короткое время.

Минут через сорок друзья Фимы Пузайцера, съехавшиеся по его звонкам к причалу одесского порта, могли наблюдать феерическую картину: прибывшие на «Скорой помощи» санитары сносили по трапу Фиминой яхты огромное тело Тайсона, и руки чемпиона в боксерских перчатках безжизненно свисали вниз. А за носилками, пошатываясь, шел Фима Пузайцер, и его правую руку, тоже в боксерской перчатке, победно вздымал вверх Фимин партнер Сема.

После этого и поползли по Одессе слухи, с которых мы начали свой рассказ.

Что же касается Тайсона, то он вскоре пришел в себя, опять подтвердил на ринге звание непобедимого чемпиона, а на пресс-конференции после боя опять заявил, что уложить его не может ни один человек в мире. Правда, добавил он, если не считать одного из учеников тренера Бухмана. Но поскольку объяснить эту фразу чемпион наотрез отказался, она так и осталась загадкой для мировой спортивной общественности.

Неудачница

Наталью Приблудову – весьма малопривлекательную одесскую даму лет сорока пяти – неудачи преследовали на ее жизненном пути, как стая бездомных собак на деревенской дороге преследует пьяного велосипедиста.

Ну личную ее жизнь описывать мы не будем, потому что, как говорится, вот уж чего у нее не было, того и не было. Нет, был у нее, конечно, в молодости, как и у каждой уважающей себя девушки, Прекрасный Принц, точнее даже два. Один прекраснее другого. Но так как первый день и ночь только то и делал, что беспробудно пил, а второй, в отличие от первого, еще и кололся, то в конце концов Наталья выгнала их обоих, решив, что любовь – это, наверное, хорошо, но пора ей уже отыскать какое-то другое занятие, которое могло бы принести ей как женщине хоть какое-нибудь удовольствие. Она решила стать серьезным ученым. В мрачные советские времена это считалось престижным. Почему? Сейчас уже, наверное, никто и не вспомнит. С огромным трудом она поступила заочно на факультет общественных дисциплин. Хотя вообще-то туда принимали кого угодно. Потом еще восемь лет трудилась над диссертацией под названием «Советский Союз – надежный оплот мира».

Но так как за день до защиты ее диссертации Советский Союз неожиданно развалился, а мир почему-то нет...

Тогда она, сообразив, что жизнь сильно переменялась, взяла небольшой кредит в каком-то полуподвале под вывеской «Слободка энд Бугаевка бэнк» и заделалась бизнесвумен. Нужно ли говорить, что при ее чудовищном невезении... Ох...

Попытка выращивать африканских страусов с целью конкуренции с крупной американской фирмой, которая поставляла в Одессу куриные «ножки Буша», моментально закончилась эпидемией птичьего гриппа, естественно, среди Натальиных страусов, что тут же погубило все ее страусиное поголовье, а именно всех троих.

Взятие в аренду двух потрепанных «Жигулей» на предмет создания частного таксопарка сразу же привело к большой автокатастрофе, в которой принимали участие именно эти два Натальиных автомобиля, причем только они, непонятно как столкнувшиеся среди бела дня на совершенно пустой дороге.

Тут подошел срок отдавать кредит, а так как отдавать было совершенно нечего, Наталья очень удачно продала свою однокомнатную квартиру. Но удачно только для тех, кто ее купил. Потому как эти мерзавцы денег ей, конечно, не заплатили, а чтобы она не очень-то возникала, натравили на нее еще и профессионального киллера.

Он, правда, дурачок, не знал, что Натальино невезение распространяется не только на нее, но и на всех, кто хоть как-то с ней по жизни соприкасается, поэтому впервые в своей карьере почти промахнулся, и Наталья отделалась только тем, что ей отстрелили половину правого уха. Но это ее все равно испугало, она побежала в милицию, а там ее, оказывается, уже ждали по наводке «Слободки энд Бугаевки» на предмет выколачивания из нее кредита всеми законными, а в основном незаконными способами. Короче, ее жизненный путь явно выходил на финишную прямую. И только вмешательство высокопоставленного мужа Наташиной подруги детства, этого благородного человека, выкупившего Наталью у одесских ментов, которых он, кстати, по должности и курировал, дало ей возможность немного перевести дух, и она несколько месяцев прожила у этой своей подруги на антресолях, где вела себя какое-то время тихо и безынициативно. Но только какое-то время.

Однажды подругин супруг, вернувшись со службы, застал свою жену и Наталью на кухне, где они оживленно шушукались.

– Вадим Сергеевич, – торжественно обратилась к нему жена, – наша Наталья вскоре нас покидает. Она выходит замуж и перебирается за границу.

– И за кого же она выходит? – поинтересовался Вадим Сергеевич.

– Это нам пока неизвестно, – ответила умная его жена, – но ясно же, что за богатого иностранца.

– Я уже была в международном брачном агентстве на Ближних Мельницах, – подтвердила Наталья. – Заполнила все анкеты, сдала свою фотографию.

– Фотографию – это напрасно... – скептически покосился на нее Вадим Сергеевич.

– А ты не скажи... – не согласилась его супруга. – Вот посмотри... Мы тут все старались по-взрослому: и Люська – гримерша из оперетки, и хахаль ее – фотограф Жоржик, и я, чем могла, способствовала...

Вадим Сергеевич взглянул на фотографию. Там Наталья, одетая в вечернее платье его жены непосредственно «от Кардена», возлежала в соблазнительной позе на золотой кушетке из опереточного реквизита. Похожа она была не столько на самое себя, сколько на... ну если бы, скажем, Мэрилин Монро дотянула до возраста Натальи Приблудовой, при этом всю свою жизнь питалась бы неизвестно чем, жила в однокомнатной квартире с тремя африканскими страусами, страдающими птичьим гриппом, и ей бы, кроме всего этого, еще и отстрелили правое ухо... то какое-то сходство с голливудской звездой...

– Не знаю, – засомневался Вадим Сергеевич. – Слушай, Наташа, а ты не подумала... Ну если какой-нибудь обалдуй и клюнет на эту твою фотографию, то он же потом, при личной встрече, должен будет тебя ну... как-то узнать?.. А теперь послушай меня внимательно: то, что ты сейчас затеваешь, при твоём везении смертельно опасно. Уж я-то эти брачные агентства знаю. И никакие они не брачные. Нормальная торговля «живым товаром» с целью пополнения обслуживающего персонала недорогих борделей в пролетарских предместьях Стамбула. Но тебе и этого не обломится. Тебя продадут на запасные части. Ты понимаешь, о чем я говорю? Печень там, почки... Ну что еще у тебя есть более или менее здоровое? Левое ухо, например, можно загнать за небольшие деньги... Хотя, – прервал сам себя Вадим Сергеевич, – думаю, все закончится благополучно. На тебя просто никто не клюнет.

– Ключнул! И ты даже не поверишь кто! – встретила его жена вместе с Натальей прямо на пороге квартиры недели через две после этого разговора.

– Француз!!

– Красавец мужчина!

– Миллионер! По имени Рене де Мориньяк!

– Не исключены серьезные намерения!

– Что значит «де»? – опешил Вадим Сергеевич. – Он что, граф?

– Барон, – скромно потупилась Наталья Приблудова.

– Угу, – мрачно определил Вадим Сергеевич, – значит, все-таки на запчасти. Второй раз я тебя выкупать не буду, – и он ушел в кабинет, хлопнув за собой дверь.

– Так как, ты говоришь, его зовут? – раздался вскоре из кабинета его начальственный баритон. – Действительно, есть такой в Интернете... А ну, иди-ка сюда, он, что ли?

– Он.

– Хм... Действительно миллионер... Огромные виноградники и заводы в долине Руаны... Ну и что ты еще о нем знаешь?

– Ему пятьдесят пять лет, три года назад он овдовел, с тех пор пытается найти по всему свету что-нибудь, как он мне написал, вообще ни на кого не похожее.

– Вот это ему удалось! – согласился Вадим Сергеевич.

– Завтра он приезжает! Знакомиться!.. Поедешь с нами встречать? А, Вадюся? – взмолилась супруга Вадима Сергеевича. – А то Наташа сильно переживает.

Конечно, Наташа переживала. Вопрос, узнает ее француз живьем или не узнает, встал теперь во весь свой гигантский рост. И началось!

– Как это ты не влазишь? – суетилась подруга Натальи, пытаясь натянуть на нее вечерний туалет «от Кардена». – Ну ничего. Сзади распорем, заколем большими булавками, только ты не поворачивайся к нему спиной!

– Боюсь, во второй раз не выйдет у меня из тебя такая красавица, – нервничала Люська-гримерша, поглядывая то на Наталью, то на фотографию. – Да и потом нос!.. Нос же тебе Жоржик мой в два раза укоротил. Как засветил, помню, своим прожектором!..

– Это да, – кивал ее ухажер-фотограф, – тут требуется специальное освещение. А в условиях аэропорта... не знаю... Хотя если она вместо цветов возьмет в руки мощный прожектор и будет светить им себе на нос, а лучше ему в глаза, то, может быть, он ничего не заметит...

– Да идите вы все знаете куда? – разозлилась Приблудова. – Вот ничего я не буду над собой делать! Узнает, значит, узнает, а нет – получается, не судьба. Надоело обманывать приличного человека! – После чего умыла лицо, превратившись в блеклую, незаметную моль, напялила что-то свое, неотличимое от обоев, и вместе с подругой и ее мужем отправилась в аэропорт встречать барона де Мориньяка.

Целый час они промаялись в ожидании. Сначала вышли пассажиры рейса Париж – Киев – Одесса, потом еще какого-то рейса, потом зал ожидания полностью опустел.

– Все домой! – скомандовал Вадим Сергеевич. – Наверное, ты, Натаха, ему приснилась, так сказать, в натуральном виде. И он, естественно, сдал билет. Или выпрыгнул из самолета. Ну и черт с ним. Все равно эта встреча для тебя ничем хорошим закончиться не могла.

И тут из-за колонны появился ослепительный де Мориньяк.

– Натали, это есть ви? – подошел он прямо к Приблудовой. – Я уже много минут давно стоять там за столбом и столбенеть в изумлении. Месяц тому еще я полюбил ваш портрет. Но теперь я увижу, что действительность превзошла всех моих ожиданий! Встаньте моей женой! Прямо здес!..

– Чистый бред, – шепнул обалдевший Вадим Сергеевич своей ошалевшей супруге. – Этого быть не может, потому что такого не может быть никогда.

Через несколько дней де Мориньяк и Приблудова, расписавшись в Одессе, отбыли венчаться в Париж.

Прошло какое-то время, и все резко переменялось. В Одессе в очередной раз решили побороться с коррупцией, вследствие чего Вадима Сергеевича сняли с руководящей должности и назначили вместо него абсолютно честного человека, а именно того, у которого, если помните, Вадим Сергеевич и выкупил в свое время из тюрьмы несчастную Наталью Приблудову. Супруга Вадима Сергеевича продавала уже последнее, что оставалось у нее «от Кардена». Семья еле сводила концы с концами, а из Парижа тем временем приходили возмутительные сообщения. Ну например: «Рене и Натали де Мориньяк в очередной раз пожертвовали миллион евро на борьбу с птичьим гриппом среди африканских страусов. Следующий свой миллион они обещают пожертвовать страусам австралийским».

– Это все ненадолго, – успокаивал Вадим Сергеевич свою жену. – Рано или поздно они разорятся. Не может твоя подруга, которая всю свою жизнь приносила себе и другим исключительно неприятности, вдруг ни с того ни с сего так поменять ориентацию! А ну, что там про них в Интернете? Угу... «За последнее время господин де Мориньяк сильно разбогател...» Хм... «Утверждает, что это заслуга его новой русской жены – красавицы Натали. Он называет ее «счастливый мой талисман...» Говорит, что не подписывает ни одного серьезного контракта, не посоветовавшись предварительно с супругой...» Так вот, оказывается, в чем дело! – дочитав до этого места, хлопнул себя по лбу Вадим Сергеевич. – Вот тут-то и зарыта собака. Злая собака судьбы барона де Мориньяка. Вспомнишь мои слова: рано или поздно Наталья посоветует ему что-нибудь такое, что ему уже мало не покажется!

И он, как оказалось, был недалек от истины. Правда, несколько не от той, которую имел в виду.

Через неделю из Франции пришел имейл: «Дорогие мои, очень по вам соскучилась, – писала Наталья. – У нас все хорошо. Рене в Америке. Завтра утром в нашем нью-йоркском офисе на сотом этаже Всемирного торгового центра он должен подписать очень большой контракт. Но я посоветовала ему перенести это подписание на недельку-другую. «Немедленно садись в «Конкорд» и лети в Париж! – заявила я. – Твои миллионы никуда не денутся, а завтра исполняется ровно год со дня нашей первой встречи, и мы просто обязаны отметить это в Одессе». Так что, дорогие мои, до завтра. Берегите себя! Всегда ваша баронесса Натаха де Мориньяк. Париж. 10 сентября 2001 года».

Назавтра было 11 сентября, и тут уже всем, как говорится, мало не показалось. В этот день Рене и Натали, конечно, не прилетели в Одессу. Они прилетели через неделю.

А теперь слушайте меня внимательно, господа пожилые вдовцы и старые холостяки! Перестаньте заглядываться на молоденьких! Никаких таких радостей они не принесут вам в жизни. Или почти никаких. Больше внимания пожилым не очень эффектным неудачницам! Им достались уже все оплеухи судьбы, и теперь они способны приносить только счастье.

Одесский Декамерон

Одесса. Большой Фонтан. Ранняя осень, когда гроздь «Изабеллы» и «Лидии», еще совсем недавно украшавшие беседки старых одесских дач, уже превратились в молодое вино и за столами в этих беседках собираются настоящие одесситы. Их осталось совсем немного. Не больше, чем старых одесских дач. Но все-таки они еще есть. И когда они наконец закрывают рот, влив туда очередной бокал божественного напитка, и открывают его, чтобы рассказать друг другу очередную историю, – вот тут как раз и нужно оказаться рядом...

– Юрочка, ментовская твоя морда, – умоляют собутыльники грозу одесского уголовного мира полковника Семистакашина, – доставь людям радость! Расскажи хотя бы еще только один раз, как тебя разжаловали в рядовые!

– Не стоит, – кривится Юра, – я же уже рассказывал... Тем более это была первоапрельская шутка нашего туповатого генерала. Я лучше другое что-нибудь...

И, помолчав какое-то время, он начинает так.

I

– Жалею наших потомков. Их обманули и даже лишили жизненных ориентиров! Им зачем-то внушили, что самым крупным налетчиком за всю историю нашего города был Мишка Япончик, художественно воспетый поэтами и композиторами. Но это же совсем не так! Самый нахальный налет в Одессе совершил не он. Его совершил Коля Репаный со своей бригадой в 1991 году. А было так.

В то июньское утро он со своими соратниками ехал по городу на крутом джипе, купленном у какого-то залетного из Николаева. (Причем именно купленном, а не украденном и не угнанном – зачем эти терки-разборки с николаевскими? Правда, купленном за два рубля тридцать копеек.) И вдруг в самом центре города приказал своему водиле притормозить.

– Это еще что за избушка стоит, – поинтересовался Коля, – к синагоге боком, ко мне передом?! И смотри какая прикоцаная... Что-то я ее раньше не видел...

– Я эту избушку уже полгода пасу, – ответил водила по имени Лева Марципан. – Ясно, что крутые какие-то строятся. Но именно кто – неизвестно. А сегодня, видишь, леса поснимали, забор убрали, вселяются...

– Сладкие... – определил Коля, оценив размеры «избушки». – А ну пошли, познакомимся с деловыми.

Смешавшись с рабочими, заносящими мебель, бригада прошла через проходную, поднялась на второй этаж и вошла в первый же попавшийся кабинет. Там за небольшим столом сидел скромно одетый молодой человек и осваивал невиданный по тем временам заграничный прибор под названием «телефон-факс».

– А вот и мы! – радостно сообщил Коля Репаный, непринужденно усаживаясь на стол непосредственно рядом с прибором. – Ну что, деловары, открылись, значит... Будете теперь тут капусту рубить, в смысле бабки варить, и тупиковать их, потом за бугор в офшоры... Дело, конечно, хорошее. Народ вам за это спасибо скажет... Ну а крышевать вас кто будет?

– Так нас уже это... Открышевали неделю назад... – удивился молодой человек. – И даже отканалезировали... Осталось только отмарафетить...

– Чего? – переспросил Репаный.

– Ну молдаване нам и крышу покрыли, и канализацию сделали, теперь марафет наводят. Подкрасить там... Подбелить...

– Да ты что, деловой, лох, что ли, совсем? – занервничал Коля Репаный. – Ты что, действительно не понимаешь, что такое «крыша»? Та, про которую ты базаришь, вас разве что

от дождя защитить может. И то, наверное, не защитит, потому что ее молдаване делали. Я тебе о другой крыше толкую! Которая вас от беспредельщиков всяких будет спасать. Залетных и обезбашенных! И крышей этой можем быть только мы. Я – Коля Репаный, – гордо представился он. – Четыре побега из Бутырской тюрьмы. Менты до сих пор отыскать не могут. Он – Лева Марципан! Восемь налетов на инкассаторов, семь из которых закончились полной его победой и только один, последний, вничью...

– Это как? – удивился сотрудник офиса.

– Ну половина бабок ему, половина ограбленным инкассаторам... Иначе они не соглашались... И, наконец, наша ударная сила: братья Медведчуки! Василий и Степанида. Ты не смотри, что она женщина. «Коня на скаку остановит...» в школе учил? Так это именно про нее написано. Взять, например, дело об ограблении ипподрома... Арабского скакуна стоимостью в миллион долларов прямо во время скачки одной рукой тормознула – только его и видели! Короче, будешь платить нашей бригаде пять тысяч долларов в месяц, и ни один бандит до вас на пушечный выстрел не подойдет! Сами будете их искать – не отыщете.

– Вообще-то у нашей конторы задачи противоположные... – заметил молодой человек.

– А будешь много базарить, заплатишь не пять тысяч баксов, а десять! – «наехал» на него темпераментный Марципан.

– А ну осадил! – остановил Марципана Репаный. – То есть что значит задачи у вас противоположные? Че-то я не въезжаю... А что это у вас за контора вообще-то?

– Вообще-то это у нас УБОП, – скромно ответил молодой человек. – Городское управление по борьбе с организованной преступностью... Просто здание у нас новое, и вывеску у входа мы еще не повесили...

– Ну, дальше понятно!.. – заговорили все, кто слушал рассказ полковника Семистакашина. – Вбежали оперативники, бандитов арестовали. Правильно?

– Не совсем, – скромно потупил глаза рассказчик. – Я же вам говорю: 1991 год... Наш отдел только начинал становиться на ноги... Так что пришлось какое-то время платить Коле Репаному и его бригаде... Но потом мы, как говорится, оперились и сейчас уже сами крышуем кого угодно.

II

– А что стало с Колей? – поинтересовался хозяин дома, разливая вино в бокалы.

– А Колю теперь мы объявили в международный розыск, – отвечал полковник. – Лично я сам занимаюсь его поимкой. Но он как сквозь землю провалился, мерзавец...

– А кто он такой, этот Репаный? – спросил кто-то из пирующих за столом. – Что-то я в Одессе про такого не слышал...

– Перестань, – отмахнулся рассказчик. – Про Репаного он не слышал! Быть такого не может. Да его же весь город знает... Кучерявый такой, со шрамами. Что, никогда не видел? Да вон он идет! – неожиданно закончил полковник, указывая куда-то за забор дачи. – Видишь? С женой и ребенком. На пляж, наверное, позагорать... Я вам говорю: просто неуловим! Мы уже Интерпол подключили. Не... Дохлый номер! Э-э-э! Николай Костович! – позвал полковник проходящего мимо забора. – Не обижайте компанию! Как говорится, «войдите в оркестр»! Пригубите с нами стаканчик!..

Коля с женой и сыном вошли во двор.

– Надеюсь, вы не собираетесь его здесь арестовывать? – спросил у полковника хозяин дачи.

– Да что я, дикарь, что ли, по-вашему? – возмутился в ответ полковник. – Или я обычаев одесских не знаю? Фонтанская дача – это как водопой в джунглях. Сюда приходят разные звери, пьют молодое вино, и никто никого не трогает. Грызть друг друга мы начинаем уже

потом. Когда расходимся отсюда по домам, и работаем, и превращаемся опять в человек... Слышишь, Колюня, обратился полковник к рослому мужчине со шрамом через все лицо, который как раз подходил к столу, – симпатичный у вас с Фирой сынишка. Вот только я давно у тебя спросить хотел, что это он не в вашу породу пошел, а? Вы у нас с Фирочкой черноволосые оба, как смоль, носы с горбинкой. А он – белокуренький, синеглазенький, нос картошкой... Просто финн какой-то, честное слово...

– О! – неожиданно просиял Коля, обращаясь к своей жене. – А я тебе что говорил? Конечно же – чистый финн! А она мне, слышишь? «Чего ты такое несешь, Николай? Ну какой же он финн? Ты присмотришься до него поближе... Вылитый швед!»

– Швед и есть! – подтвердила Фира. – Даже не спорь со мной, Николаша.

– А я тебе, Фирочка, говорю – финн!

Компания с изумлением наблюдала за странным спором явно обожающих друг друга супругов.

– Так откуда же он в вашей семье взялся, – не выдержал наконец кто-то.

– Это трудно сказать, – рассудительно отвечал Коля, – город у нас портовый... Ну хорошо, шведофиннчик ты наш, – обратился наконец Репаный к своему отпрыску. – Иди там, поиграй в песочке, а я людям историю расскажу. Значит, как было дело? – продолжил он, усаживаясь с женой за стол и наполняя бокалы розовой пенящейся «Изабеллой». – Мы, помню, когда сынулю нашего из роддома забирали, радовались с женой, как дети. Геркулес! Четыре килограмма живого весу! В полгода начал ходить! В семь месяцев мне, солнышко наше, кулачком в физиономию как вмазал, так пришлось четыре зуба вставлять! Сердце радовалось! Только годика в полтора, смотрим, действительно, как говорит полковник, внешность у нашего пацана делается какая-то для нашей семьи потусторонняя. Ну, в Фирочке-то своей я уверен. Начинаю подозревать роддом! Беру главврача за барки: «Может быть, вы, – говорю, – тут чего-нибудь перепутали?» – «Да что вы! – хрипит главврач. – Николай Костович, даже не понимаю, как вы могли такое подумать! Мы тут вообще никогда ничего не путаем... А в вашем случае!.. Что ж мы, самоубийцы? Я сам под контролем держал!» Только смотрю, глазки у него как-то забегали. Ну я дверь на швабру закрыл, в угол его припер. «Колись, – говорю, – родовспомогатель хренов!» Ну он и заговорил. «Просто, – говорит, – когда супругу вашу к нам в роддом привезли, так сразу и начались звонки каждую минуту. Сначала товарищи ваши – бандиты, я извиняюсь, потом из милиции позвонили, потом из прокуратуры, потом я даже и говорить боюсь, из какой высокой инстанции... И все пугают, грозят серьезными неприятностями: «Вы, – говорят, – вообще отдаете себе отчет, что у вас там супруга самого Коли Репаного будет ему наследника производить на свет?! Так что смотрите! Чтобы все было по самому высшему классу!» В общем, как сейчас помню, семеро ребятишек родилось у нас в ту самую ночь... Ну мы посоветовались с коллегами и отдали вам самого что ни на есть лучшего...» И что мне оставалось делать? – обвел Коля глазами всю честную компанию, несколько обалдевшую от этой истории. – Не убивать же этого запуганного идиота... Тем более привязались мы уже к пацану. Полюбили его как родного, правильно я говорю, Фира?

– А как же нам его еще любить, если не как родного? – отвечала та, и у всех за столом одновременно мелькнула мысль, что, может быть, не все так уж просто в этой истории...

– В общем, классный у нас пацан получился, – продолжал Коля. – А умный какой! В шесть с половиной лет в третий класс перешел! Особенно иностранные языки ему хорошо даются. Правда, за исключением русского. Сынуля! А ну подойди сюда, скажи людям тост!

– Желая, чтобы все карашо виспались! – произнес пацан, подняв бокал с «Изабеллой».

– Он хотел сказать «отдохнули», – перевел Коля.

Компания с энтузиазмом сдвинула над столом бокалы.

III

– А теперь, – провозгласил хозяин дачи, – слово творческой интеллигенции! Пускай нам что-нибудь расскажет Юлик. Вообще-то он держит шиномонтажную мастерскую. Но он дружил с великим Давидом Ойстрахом!

– Ну, «дружил» – это, пожалуй, слишком, – засмутился Юлик. – Просто мы какое-то время жили в одном дворе. Да и потом, разница в возрасте. Ойстраху тогда было восемнадцать лет, а мне всего годик. Так что когда он через тридцать лет приехал на гастроли в Одессу и пришел к нам во двор, то он меня, конечно, вспомнил, а я его – нет. Но про этот визит великого музыканта я буду рассказывать своим внукам. Конечно же, его обступили все соседи. «Додичек, солнышко, какой же ты роскошный красавец, – запричитала портниха Кривохатская, пытаясь пощупать ткань на его макинтоше. – Почувствуй себя как дома, сними макинтош, присядь на скамейку...» – «Я к вам на несколько минут», – улыбнулся маэстро. «Ну так присядь на несколько! В смысле, конечно, минут, а не скамеек». – «Ну хорошо, присяду», – согласился Ойстрах. «Нет, макинтош сначала сними!» – «Ладно. Вот. Снял. Дальше что?» – «Ничего. Просто я хочу посмотреть подкладку... А кто тебе первым сказал, Додичка, что с твоим талантом и, главное, трудолюбием ты должен немедленно ехать в Москву, помнишь?» – «Вы, мадам Кривохатская, вы, – закивал головой Давид Федорович. – Конечно, помню...» – «А мы разве такого не говорили?» – заволновались остальные соседи. «Ой, что вы вообще могли делать, кроме как говорить? – выступил вперед Рудик, заправщик сифонов. – Но это я сказал главное. Я сказал: «Додик, если у твоих родителей не хватает денег, чтобы отправить тебя в столицу, мы скинемся кто сколько может. В конце концов, я дам в сифоны своих клиентов чуть меньше газу, но зато мы все вместе дадим тебе путевку в большую жизнь!..» – «Спасибо, дорогие мои, спасибо...» – прослезился великий скрипач. – «А знаешь, почему мы все так настаивали, чтобы ты уехал в Москву? – неожиданно заинтересовался Рудик. – Просто, если бы ты еще несколько месяцев на нашей галерее по двенадцать часов в день продолжал пилить свои гаммы и упражнения, у нас бы уже просто мозги из ушей повылазили...» – «Понимаю, – рассмеялся маэстро. – Но сегодня на мой концерт вы, надеюсь, придете?» – «Ой, Додичка, ну зачем? Что мы там понимаем в твоих арпеджиях и сольфеджиях? Вот если бы ты сыграл там фрейлехс...» – «Давид Федорович, – насторожился администратор филармонии, который сопровождал Ойстраха. – Я только вас умоляю... Программа утверждена областным комитетом партии. Там четко сказано: Бетховен, Чайковский, Брамс. Сегодня на концерте будет сам первый секретарь Коноводченко со всем своим глубокоуважаемым бюро. Может быть, они и не знают, как звучит фрейлехс, но любое отступление от программы... Эти дикари перекроют вам весь кислород на Одессу». – «Перестань, Леопольд, – успокоил Ойстрах своего администратора. – Ну что ты меня уговариваешь... Разве я сумасшедший? И все-таки вы приходите, – еще раз пригласил он соседей, уже выходя на улицу. – А вдруг вам и Бетховен понравится... В моем исполнении». И знаете, они пришли. «Не послушать – так посмотреть», – объяснил заправщик сифонов Рудик администратору Леопольду, забирая у него двадцать пять дефицитнейших контрамарок в окошке у филармонии. А потом был концерт, и Ойстрах играл как Бог, и одесская интеллигенция взрывалась аплодисментами. А товарищ Коноводченко со своим бюро мирно дремал в первом ряду, время от времени заглядывая в бумажку и с удовлетворением убеждаясь, что все идет по той программе, которую наметила Коммунистическая партия. Потом Ойстрах играл на бис, а когда стало понятно, что сейчас он исполнит последнее произведение, он вдруг подошел к рампе и заговорил: «Друзья, – сказал великий артист, – сегодня в зале находятся люди, которым я обязан, может, не меньше, чем своим родителям и учителям. Если бы не они, возможно, моя жизнь сложилась бы по-другому. Это мои соседи. Я обратил вни-

мание, что за время концерта они успели полюбить серьезную классику. Поэтому сейчас, для вас, мои дорогие, – композитор Бетховен. Фрейлехс... В обработке Брамса». И он заиграл фрейлехс, украшая его виртуознейшими пассажами. И зал осатанел от восторга. И даже товарищ Коноводченко со своими товарищами тоже необыкновенно оживился, думая, как видно, о том, что вот когда этот самый Бетховен писал свои сочинения в одиночку, то у него просто мухи от скуки дохли. А вот как соединился с Брамсом – так и получилось довольно миленько...

IV

Тем временем наступает вечер, и солнце, отправляясь на покой куда-то в спальный район Таирова, уже с трудом пробивается сквозь резные виноградные листья, нависающие над фонтанским столом, но нет конца молодому вину и нет конца таким невероятным историям – вечному «Одесскому Декамерону», а потому *перестаньте сказать*, что настоящей Одессы уже не существует. Да она за свои двести с хвостиком лет умирала уже неоднократно. Но весь ее фокус, дорогие мои, именно в том и состоит, что возрождается она всегда как минимум на один раз чаще, чем умирает...

Доцент и муза

Виктору Кальфе –

человеку творческому во всех отношениях – посвящается.

Майской одесской ночью, когда сладкий запах акаций, этот общедоступный наркотик, дурманит самые морально устойчивые умы, вследствие чего природа берет наконец свое у воспитания и образования, доценту строительного института Сене Клецкеру – убежденному холостяку и «шлеперу» («растяпе», «рассеянному», «не от мира сего», «придурку жизни»), ухитрившемуся когда-то на защиту собственной диссертации явиться с бидоном вместо портфеля («Ой, я, кажется, ошибся – и тот с ручкой, и этот»), приснился недопустимый сон.

В открытую дверь балкона влетела на легких крыльях студентка четвертого курса Элеонора Витушкина – троечница и прогульщица, села у Сениного изголовья и забряцала на лире.

– Это еще что такое? – педагогически безупречно отреагировал Сеня во сне на ее появление. – А ну быстренько вылетела отсюда и чтобы завтра без родителей не появлялась!..

– Вы меня с кем-то путаете, – улыбнулась бряцающая на лире. – Я – муза.

– Это другой разговор, – успокоился, не просыпаясь, Семен. – Значит, вы просто этаж перепутали. Тут надо мной проживает известный поэт Сероштаненко. Лауреат национальной премии. Видимо, вам к нему.

– Понятия не имею о таком поэте, – пожала плечами муза. – Тем более никогда у него не была и даже не собираюсь. Я непосредственно к вам, Семен Леонардович. Будем сейчас работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.